

ДИАНА ГЭБЛДОН

Написано кровью
моего сердца

Книга 1
Перипетии судьбы

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Написано кровью моего сердца.
Книга 1. Перипетии судьбы**

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Написано кровью моего сердца. Книга 1. Перипетии судьбы /
Д. Гэблдон — «Эксмо», 2014 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-04-100775-1

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. 1778 год. Британия спешно уводит свои войска с Американского континента, ведь ее суверенитету угрожает Франция. Джейми Фрэзер, которого долгое время все считали погибшим, узнает, что во время его отсутствия Клэр вышла замуж и разделила постель с другим мужчиной. А отправившийся в прошлое в поисках похищенного сына Роджер Маккензи оказывается в 1739 году – времени, когда Клэр и Джейми еще не встретились и не полюбили друг друга, а значит, его любимая жена Брианна еще не родилась.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100775-1

© Гэблдон Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	47
Глава 11	55
Глава 12	61
Глава 13	71
Глава 14	77
Глава 15	82
Глава 16	84
Глава 17	89
Глава 18	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Диана Гэблдон
Написано кровью моего сердца
Книга 1
Перипетии судьбы

© Парахневич Е., Сафронова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

В сиянии вечности время не отбрасывает теней.

В Библии сказано: «Вещие сны старцам будут дарованы, и видения – юношам вашим»¹.

А что же снится пожилым женщинам?..

Нам снится наш долг. То, что необходимо делать.

Юным девам этого не дано: они слишком молоды, они спешат испить жизнь, пока та бьет бурным ключом.

Мы же должны беречь источник. Беречь то пламя, что сами некогда зажгли.

...А что вижу я? Все тот же сон, который преследует меня на протяжении долгих лет еще с молодости.

Что я снова стою на пороге войны, не зная ни страны, ни времени, ни пространства, – и мир мой ужался до размеров родного лица, залитого кровью.

¹ Книга пророка Иоила, 2:28 (здесь и далее примечания переводчика).

Часть первая

Узы

Глава 1

Сто фунтов камней

16 июня 1778 года

Где-то в лесу между Филадельфией и Валли-Фордж

Держа камень, Йен Мюррей разглядывал выбранный клочок земли: на крохотной полянке, усеянной мшистыми булыжниками, в стороне от людных троп, под сенью пихт, у самого подножия высокого красного кедра. Здесь не будет случайных прохожих, однако, если знать дорогу, место сыскать легко. Надо ведь будет привезти сюда остальных... свою семью.

Сперва Фергуса. Да, Фергуса прежде всего. Дженни Мюррей его вырастила, другой матери он не знал. Фергус очень ее любил. Может, даже сильнее родного сына...

От этой мысли Йену стало еще горше. Именно Фергус был рядом с матушкой в Лаллиброхе, заботился и о ней, и о поместье, в то время как сам Йен предпочел странствия.

Сглотнув комок, он пристроил камешек на вершину пирамиды и отступил на шаг, недовольно качая головой.

Нет, пирамид должно быть две. Для мамы и для дядюшки Джейми. Они ведь были братом и сестрой, поэтому и оплакивать их надлежит обоим. Пусть сюда приходят и другие, чтобы почтить их память. Джейми Фрэзера многие знали и любили... не то что никому не известную Дженни Мюррей.

При мысли о матери, лежащей в могиле, сердце полоснуло ножом – а потом Йен вспомнил, что у нее и могилы-то нет, и грудь пронзило еще больнее. Перед глазами так и стояло, как они тонут, уходят под воду, но цепляются друг за друга в тщетной надежде спастись...

– *Dhia!*² – рявкнул он, яростно отбрасывая камень – и тут же подбирая другой.

По лицу, смешиваясь с потом, текли слезы. Йен их не стыдился, лишь изредка утирал нос рукавом. Вокруг головы он повязал свернутый жгутом платок, чтобы уберечь глаза от едких капель пота, потому что изрядно взмок, пока таскал камни для двух надгробий.

Отцу они с братьями еще до его смерти возвели высокий курган на кладбище Лаллиброха и увенчали плитой, на которой высекли его имя – полностью, хоть это и обошлось в целое состояние. Потом, на похоронах, каждый член семьи, вплоть до слуг, в знак памяти добавил еще по камешку от себя.

Итак, сперва Йен приведет сюда Фергуса, потом... Хотя нет, о чем он только думает?! Первым делом надо привести тетюшку Клэр! Пусть она не шотландка по рождению, но тетюшка знает их обычаи и, может, хоть немного утешится, увидев могилу любимого супруга. Да, все верно: сперва тетюшку Клэр, потом Фергуса. Фергус ведь приходится дядюшке Джейми приемным сыном, так что у него есть право побывать здесь в числе первых. Потом, наверное, Марсали и детей. Правда, Жермен достаточно взрослый, чтобы прийти вместе с Фергусом... Ему уже десять, пора относиться к мальчику как к мужчине. Да и дядюшке Джейми он приходился внуком. Да, так будет правильно.

Йен выпрямился и, тяжело дыша, смахнул с лица пот. Над ухом надоедливо жужжала мошка, но он, раздевшись до набедренной повязки, натерся медвежьим жиром с мятой по обычаю могавков, и насекомые его не трогали.

² Господи (*гэльск.*).

– Береги их, о дух великого кедра, – сказал он на мохоке, глядя в густую пахучую крону. – Пусть души их будут столь же светлы, как и твоя листва.

Перекрестившись, Йен принялся разгребать лежалые листья. Надо бы добавить в пирамиды еще камней, вдруг животные раскидают. В голове царил сумбур, перед глазами то и дело проносились лица родных и обитателей Риджа... Господи, вернется ли он когда-нибудь в те края?.. А Брианна? Ох, господи, Брианна...

Закусив губу, Йен ощутил на языке терпкий привкус соли. Брианна цела и невредима, она с Роджером Маком и детьми... Хотя, черт побери, как сейчас пригодился бы ее совет. И ее, и Роджера Мака.

К кому теперь обратиться за помощью, за подсказкой?

Тут Йен вспомнил о Рэйчел, и тяжесть в груди ослабла. Да, у него есть Рэйчел. Пусть она совсем молоденькая, ей всего-то девятнадцать, и она квакер, а значит, имеет очень странное представление о некоторых вещах, – и все же Рэйчел дает ему почву под ногами. Йен мечтал, чтобы она осталась с ним... даже после того, как он перед ней исповедуется. Камень на сердце опять потяжелел.

В голове неволью снова всплыл образ кузины. Высокой, длинноносой, крепкой, совсем как ее отец... а вместе с Брианной явился и ее сводный братец. Уильям, черт бы его побрал! Что с ним-то теперь делать? Вряд ли он знает правду: что Джейми Фрэзер – его отец. И как теперь Йену быть? Взять на себя ответственность и самому все рассказать парню? Привести его сюда и объяснить, кого именно он потерял?

Должно быть, Йен застонал вслух, потому что Ролло тревожно вскинул голову.

– Я все равно не знаю, с чего начать, – пожаловался ему Йен. – С Уильямом разберемся как-нибудь потом, хорошо?

Ролло встряхнулся всей мохнатой тушей, отгоняя мух, опустил голову на лапы и сонно притих.

Йен же с утроенными силами взялся за дело в надежде, что тяжкие мысли уйдут вместе со слезами и потом. Остановился, лишь когда заходящее солнце вызолотило вершины каменных пирамид. Однако ощущал он при этом не покой, а лишь бесконечную усталость. Две пирамиды рядышком выросли до колен: небольшие, но крепкие.

Йен замер, ни о чем не думая, просто вслушиваясь в суетливую возню птиц и шепот ветра в кронах деревьев. Затем выдохнул и присел на корточки, погладив макушку одного из надгробий.

– *Tha gaol agam oirbh, a Mhàthair*, – тихо сказал он.

Моя любовь навеки с тобой, мама.

Закрыв глаза, он положил руку на другую грудку камней. Перемазанные в глине пальцы, казалось, могли пробраться напрямик под землю.

Йен застыл, не дыша, потом открыл глаза:

– Прошу, помощи, дядюшка. Боюсь, одному мне не справиться...

Глава 2

Чертов ублюдок

Уильям Рэнсом, девятый граф Элсмир, виконт Эшнесс, барон Дервент продирался сквозь толпу на Маркет-стрит, не обращая внимания на гневные вопли тех, кого он отпихивал локтями.

Уильям не знал, куда идет и что будет там делать. Знал лишь, что если вдруг остановится, то бомбой рванет на месте.

Голова кипела. Все тело тряслось. Рука пульсировала от боли – должно быть, кости сломал... хотя плевать. Сердце рвалось из груди. Ноги... Ноги, черт возьми, так и чесались кого-нибудь пнуть. Уильям саданул по первому же попавшемуся булыжнику, пинком отправляя его в стаю гусей, а те гневно зашипели и бросились к нему, больно хлопая тяжелыми крыльями.

Во все стороны полетели перья и гусиный помет, прохожие испуганно бросились врассыпную.

– Ублюдок! – завопила пастушка, огрев Уильяма посохом. – Чтоб тебя черти взяли, грязный ты ублюдок!

Остальные подхватили ее вопли. Уильям поспешил укрыться от гусиного гогота и яростных криков в ближайшем проулке.

Потирая звенящее от удара ухо, он зашагал между зданиями. В голове все громче гремело одно лишь слово.

Ублюдок.

– Ублюдок, – сказал он вслух и заорал во всю глотку, заколошматив ладонями по кирпичной стене: – Ублюдок, ублюдок, ублюдок!

– И кто здесь ублюдок? – любопытствовал некто у него за спиной.

Обернувшись, Уильям увидел молодую женщину, которая рассматривала его с головы до ног, не скрывая интереса. От ее цепкого взгляда не ускользнули ни тяжело ходящая грудь, ни пятна крови на обшлагах мундира, ни ошметки гусиного помета на штанах. Уделив должное серебряным пряжкам на ботинках, женщина наконец посмотрела ему в лицо.

– Я, – хрипло и горько сообщил Уильям.

– Неужели?..

Она шагнула из дверного проема и встала прямо перед ним. Женщина была довольно высокой, с парой крепких налитых грудок, которые отчетливо прорисовывались под тонким муслином нарядного платья, потому что корсета она не носила. И чепчика тоже – кудри свободно рассыпались по плечам.

Продажная девка.

– Ублюдки мне нравятся... – Она словно мимоходом погладила его по руке. – И какой же ты? Злой? Или порочный?

– Несчастный, – мрачно сообщил Уильям.

Она захохотала, и он нахмурился. Женщина заметила его недовольство, но так легко сдаваться не собиралась.

– Идем. – Она взяла его за руку. – Кажется, тебе не помешает выпить.

Он заметил беглый взгляд на разбитые костяшки его пальцев. Женщина прикусила нижнюю губу мелкими белыми зубками, но не отступила, – и Уильям невольно шагнул за ней в темный проем.

«Да и какая разница? – устало подумал он. – Какая теперь, к черту, разница?»

Глава 3

В которой женщины, как всегда, разгребают последствия

Филадельфия, Честнат-стрит, дом 17

Резиденция лорда и леди Джон Грей

После внезапного бегства Уильяма дом выглядел так, будто в него ударила молния. Да и сама я словно чудом уцелела в грозу: все волоски на теле стояли дыбом, искря от напряжения.

Дженни Мюррей объявилась на пороге сразу же, как только исчез Уильям, – и хотя ее появление потрясло меня куда менее прочих сегодняшних событий, я все равно лишилась дара речи. Разинув рот, я глядела на бывшую невестку... хотя почему бывшую, если Джейми все еще был живой? Живой!

Я обнимала его каких-то десять минут назад, и теперь воспоминание об этом пробило раскатом грома. Кажется, я улыбалась во весь рот, словно дурочка, несмотря на царивший вокруг хаос, неподобающее поведение Уильяма (если эту дикую вспышку гнева вообще можно так назвать), тревогу за Джейми и некоторые опасения из-за того, что могут сказать Дженни или миссис Фигг, экономка и повариха лорда Джона.

Та – круглая и глянцево-черная – имела обыкновение беззвучно появляться из ниоткуда, словно выкатываясь на колесиках.

– Что тут творится?! – рявкнула она, внезапно возникая за спиной Дженни.

– Матьер Божья! – развернулась та, прижимая к груди руку. – Ради всего святого, вы еще кто такая?!

– Это миссис Фигг, – сказала я, чувствуя странное желание рассмеяться, несмотря на недавние события (а может благодаря им?). – Повариха лорда Джона Грея. Миссис Фигг, это миссис Мюррей. Моя... э-э-э...

– Твоя невестка, – заявила Дженни и вопросительно приподняла темную бровь. – Так ведь?

Она глядела на меня столь прямо и открыто, что мне расхотелось смеяться, а к глазам подступили слезы. Кто бы мог подумать, что именно Дженни первой предложит перемирие? Глубоко вздохнув, я протянула ей руку.

– Да, конечно.

В Шотландии мы расстались не лучшим образом, но Дженни мне нравилась, и я хотела бы наладить наши отношения.

Ее тонкие пальцы сплелись с моими, сжали их – и все стало просто. Не нужны были никакие слова прощения. Дженни, в отличие от брата, никогда не скрывала своих мыслей. Все, что она думала или чувствовала, тут же отражалось в ее глазах с таким же кошачьим разрезом, как и у Джейми. Теперь она знала обо мне всю правду, знала, что я люблю – всегда буду любить – ее брата всем сердцем и душой...

Даже невзирая на некоторые сложности с моим нынешним семейным положением.

Она вздохнула, на мгновение зажмурившись, потом открыла глаза и улыбнулась, хотя губы у нее чуть заметно подрагивали.

– Что ж, ясно, – только и сказала миссис Фигг.

Прищурившись, она медленно обернулась вокруг себя, озирая панораму разрушений. Перила вверху лестницы были выломаны, на стенах темнели дыры и кровавые пятна, отмечавшие путь Уильяма вниз. По полу рассыпались осколки хрустальной люстры, поблескивая в ярком свете, льющемся в дверной проем. Сама дверь пьяно болталась на одной петле.

– Вот так *merde*³, – пробормотала миссис Фигг и внезапно уставилась на меня, щуря черные бусины глаз. – А его светлость где?

– О... – только и выговорила я. Кажется, объяснить это будет непросто. Многие недолюбливали Джона Грея, однако миссис Фигг была привязана к нему всей душой. И она не обрадуется, узнав, что его похитили, причем не кто иной, как...

– Если уж на то пошло, где мой брат? – вмешалась Дженни, оглядывая комнату, словно ожидая, что Джейми спрячется где-то за диваном.

– Э... – выдавила я. – Хм... Ну...

Объяснить будет очень и очень непросто. Потому что...

– И где мой малыш Уильям? – перебила ее миссис Фигг, принюхиваясь. – Он был здесь только что, я чувствую запах его одеколона.

Она неодобрительно поддела ногой кусочек штукатурки.

Я набрала полную грудь воздуха и призвала на помощь остатки самообладания.

– Миссис Фигг, вас не затруднит сделать нам по чашечке чаю?

* * *

Мы устроились в гостиной, а миссис Фигг то и дело сновала в кухню, присматривая за черепаховым супом.

– Вы же не хотите, чтобы я его подпалила? – приговаривала она, ставя перед нами чайник в желтом чехле. – Тем более с таким количеством хереса, совсем как любит его светлость. Почти целая бутылка ушла – это ж будет пустой перевод прекрасного напитка!

У меня екнуло сердце. С черепаховым супом и хересом в моем сознании связаны стойкие ассоциации: Джейми в лихорадочном бреде и корабельная качка в такт страстному соитию. Развратные мысли никоим образом не вязались с серьезностью предстоящего разговора. Я потеряла лоб, пытаюсь развеять туман в голове. Казалось, воздух в доме все еще потрескивает, как при грозе.

– Херес был бы весьма кстати, – сказала я. – Или, может, любое другое вино на ваш выбор, миссис Фигг.

Она присмотрелась ко мне, кивнула и выудила из буфета графин.

– Бренди куда лучше.

Дженни взглянула на меня так же задумчиво – и от души плеснула бренди сперва в мою чашку, потом себе.

– На всякий случай, – заявила она, приподнимая бровь, и мы дружно пригубили чай.

Наверное, мне не помешало бы выпить чего покрепче, чтобы успокоить расшалившиеся нервы, – например, лауданум или пару глотков чистейшего виски, но и душистый чай, щедро сдобренный бренди, приятно согревал изнутри.

Дженни опустила чашку и выжидающе на меня уставилась.

– Итак... Нам предстоит разгрести последствия?

– Да, пожалуй.

Глубоко вздохнув, я вкратце поведала о событиях минувшего утра.

Дженни моргнула раз, другой и покачала головой, словно пытаюсь выбросить из нее услышанное.

– Итак, Джейми сбежал с твоим лордом Джоном, за ними гонятся британские солдаты; тот высокий парнишка, который едва не сбил меня с ног, это сын Джейми... Хотя конечно же, только слепой не догадался бы... Ах да, еще весь город наводнен англичанами. Я ничего не пропустила?

³ Дерьмо (*фр.*).

– И вовсе он не мой лорд Джон, – пробурчала я. – Но это к слову... Я так понимаю, Джейми рассказывал тебе про Уильяма, верно?

– Да, рассказывал... – Она усмехнулась над чашкой. – И я за него очень рада. Но что стряслось с парнишкой? Выглядел он так, будто перешел дорогу медведю.

– Что вы сказали?! – резко воскликнула только что вошедшая миссис Фигг. Она со звоном опустила поднос, и серебряный молочник с сахарницей громыхнули, словно пара кастаньет. – Чей он сын?!

Я сделала большой глоток крепкого чаю. Миссис Фигг знала лишь, что я была замужем за Джейми Фрэзером (и вроде как овдовела). На этом все.

– Он... Хм. – Я откашлялась, чтобы хоть на секунду перевести дух. – Э-э-э... того высокого джентльмена с рыжими волосами, который был здесь только что. Вы же его видели?

– Видела, – медленно кивнула миссис Фигг, не спуская с меня глаз.

– Хорошо его разглядели?

– Лицо я не рассматривала, но вот задницу оценила, когда он, спросив, где вас найти, промчался мимо по лестнице.

– Должно быть, с той стороны сходство не столь явное. – Я снова глотнула чаю. – В общем... этот джентльмен – Джеймс Фрэзер. Мой... хм... мой...

«Первый муж» не совсем точно, «последний» – тем более. Не «очередным» же его называть... Я решила зайти с другой стороны.

– Мой муж. И... он отец Уильяма.

Миссис Фигг беззвучно разинула рот. Попятилась и осела на мягкий пуфик.

– Уильям знает? – спросила она после минутного замешательства.

– Теперь да.

Я красноречиво указала рукой на разруху в прихожей, отчетливо видимую даже из гостиной, где мы сидели.

– Вот *merde!*.. Я хотела сказать, смилуйся над нами, Агнец Божий.

Второй супруг миссис Фигг был проповедником, и она старалась его не срамить, но порой прорывалось наследие первого мужа – французского картежника.

Она хищно уставилась на меня:

– А вы его мать?

Я поперхнулась чаем и кое-как вытерла салфеткой губы.

– Нет. Все не так плохо.

В реальности дела обстояли хуже некуда, но я не собиралась делиться ни с невесткой, ни тем более с экономкой всеми подробностями происхождения на свет бедного парнишки. Джейми наверняка рассказывал сестре о матери Уильяма, хотя вряд ли признался, что Женева затащила его в постель силком, угрожая расправой с близкими. Ни один мужчина в здравом уме и рассудке не скажет, будто его шантажировала восемнадцатилетняя девочка.

– Лорд Джон стал опекуном Уильяма, когда умер его дед. Примерно в то же время лорд Джон женился на леди Исобель, тетушке Уильяма. Именно она и воспитывала мальчика после смерти его матери. По сути, они с лордом Джоном заменили Уильяму родителей. Исобель умерла, когда ему было лет одиннадцать.

Миссис Фигг выслушала мои объяснения, но от главной темы отвлекаться не спешила.

– Джеймс Фрэзер... – сказала она, складывая руки на коленях и осуждающе глядя на Дженни. – Как так вышло, что он жив? Говорили ведь, он утонул. – Она перевела взгляд на меня. – Я думала, его светлость сам утопит в гавани, когда ему сказали.

Я зажмурилась, невольно содрогнувшись, – при одной этой мысли накатывал ледяной ужас. Даже зная, что Джейми жив, до сих пор чувствуя на себе его руки, я все равно испытывала мучительную боль недавней потери.

– Что ж, кажется, я сумею просветить вас хотя бы в этом вопросе. – Дженни, опуская кусочек сахара в свою чашку, кивнула миссис Фигг. – Мы... то есть я и мой брат, оплатили проезд из Бреста на судне под названием «Эвтерпа». Однако этот бессердечный воришка, капитан, уплыл без нас. И, увы, его ждала незавидная участь... – мрачно добавила она.

Да уж, и впрямь незавидная... «Эвтерпа» затонула в Атлантике со всем экипажем. По крайней мере, так сообщили мне и лорду Джону.

– Джейми нашел другой корабль, но тот доставил нас только до Вирджинии, а оттуда пришлось ехать через все побережье. Где на повозке, где на лодке, стараясь, ко всему прочему, не попадаться солдатам на глаза. Кстати, те иголки, что ты дала Джейми против морской болезни, сотворили настоящее чудо! Он показывал мне, как их правильно ставить. Вчера вечером мы наконец прибыли в Филадельфию, но до типографии Фергуса пришлось пробираться тайком, как паре воришек. Господи, мне раз десять казалось, что меня вот-вот от ужаса удар хватит!

Дженни улыбнулась. Надо же, она стала совсем другой. На лице все еще лежит тень печали, к тому же за время странствий невестка сильно исхудала, но страшная тяжесть, давившая на нее последние дни мучительной кончины ее мужа, вдруг исчезла. На щеках снова заиграл румянец, в глазах вспыхнул огонек. Такой я не видела ее уже лет тридцать. Кажется, Дженни обрела покой – и я была этому безмерно рада.

– ...Так что Джейми добрался до черного хода, но нам никто не открыл, хотя мы видели за ставнями свет. Он снова постучал, как-то по-особому...

Она выбила костяшками по столу ритм – бамп-ба-да-бамп-ба-да-бамп-бамп-бамп, – и у меня перевернулось сердце: я узнала мелодию из «Одинокого рейнджера», которой научила его Брианна.

– Через минуту какая-то женщина крикнула: «Кто там?» А Джейми на гэльском ответил: «Твой отец, дочка, и он изрядно промок и оголодал». Дождь весь день лил как из ведра, и мы оба вымокли до нитки.

Дженни расправила плечи, явно наслаждаясь ролью рассказчицы.

– Тогда дверь самую малость приоткрывается, а за ней стоит Марсали с пистолетом наперевес. А рядом с ней – две дочки: свирепые, как ангелы смерти, у каждой по полену – так и готовы забить незадачливого воришку до полусмерти. Тут они видят Джейми и все трое визжат как сумасшедшие. Хватают его, затаскивают в дом, что-то вопят, радуются, спрашивают, не призрак ли он, почему не утонул... Мы только тогда и узнали, что «Эвтерпа» ушла на дно. – Дженни перекрестилась. – Упокой Господь их несчастные души.

Я тоже перекрестилась под пристальным взглядом миссис Фигг – она и не знала, что я католичка.

– Я, конечно, тоже зашла вслед за ними, – продолжала Дженни. – Но там все мечутся, кричат, ищут сухую одежду, греют поскорее воду, а я стою и оглядываюсь – никогда ведь прежде не бывала в типографии. Там так странно пахнет бумагой и чернилами. Я аж засмотрелась и вдруг чувствую, как меня кто-то дергает за юбку. Опускаю голову – а там вот такой крошка глядит на меня и спрашивает: «Мадам, а вы кто? Хотите сидру?»

– Анри-Кристиан, – пробормотала я, с улыбкой вспоминая младшего сына Марсали.

Дженни кивнула.

– Вот я и говорю: «Я твоя бабушка Дженни», – а он глаза как распахнет, потом завизжал и кинулся мне на руки. Я от неожиданности даже упала, хорошо, сзади кушетка стояла. У меня теперь на заднице синяк размером с руку, – добавила она полусшепотом.

Я украдкой перевела дух. Дженни, конечно же, знала, что Анри-Кристиан родился карликом: но все-таки одно дело – знать умом, и совсем другое – принять сердцем. Судя по всему, последнее ей тоже удалось.

Миссис Фигг с интересом прислушивалась к ее рассказу, но любопытствовать не спешила. При упоминании типографии она, однако, встрепенулась.

– Эти люди... Марсали – она же ваша дочь, да, мадам?

Я понимала, к чему она клонит. Весь город, оккупированный британцами, знал, что Джейми Фрэзер – мятежник; значит, и я тоже. Собственно, поэтому Джон и поспешил со свадьбой: потому что мне грозил арест. Да и в типографии нынче работать опасно: у властей неизбежно вставал вопрос, что за литература там печатается?

– Нет, ее муж – приемный сын моего брата, – пояснила Дженни. – Но я растила Фергуса с ранних лет, так что по нашим традициям он приходится приемным сыном и мне.

Миссис Фигг моргнула. До этого момента она еще старалась держать лицо, но теперь затрясла головой так, что заколыхались розовые ленты чепчика.

– Ну и куда, черт возьми... Я хотела сказать, куда, ради всего святого, ваш брат утащил его светлость?! В ту самую типографию?

Мы с Дженни обменялись взглядами.

– Вряд ли, – ответила я. – Скорее, он отправился куда-нибудь за город, а Джон... простите, его светлость будет заложником на тот случай, если им вдруг повстречаются солдаты. Думаю, Джейми его отпустит, как только они отъедут подальше от Филадельфии.

Миссис Фигг неодобрительно хмыкнула.

– А может, отправится напрямик в Валли-Фордж и передаст его мятежникам.

– Ох не думаю, – примиряюще вставила Дженни. – Зачем он им сдался, в конце концов?

Миссис Фигг удивленно вытаращила глаза – она-то почитала его светлость персоной воистину бесценной, – но затем, все-таки смирившись, поджала губы.

– Он ведь даже мундир не надел, да, мадам? – уточнила она, хмуря лоб.

Я покачала головой. Джон не вернулся к воинской службе. Он был дипломатом и, хотя формально все еще считался подполковником в полку его брата, мундир надевал лишь на торжественные мероприятия. В общем, будучи в штатском, для солдат Вашингтона он вообще не представлял никакой ценности.

К тому же Джейми никак не мог уехать в Валли-Фордж. В этом я была абсолютно уверена. Он вот-вот вернется. Сюда. За мной!

В животе потеплело, и волна жара распространилась по всему телу, заставляя смущенно спрятать нос в чашку с чаем.

Живой! Я баюкала это слово в самом сердце. Джейми живой. Как я ни радовалась встрече с невесткой – и особенно тому, что она протянула оливковую ветвь мира, – но более всего мне хотелось подняться в спальню, закрыть дверь и прислониться к стене, вновь переживая секунды, когда Джейми вошел в комнату, обнял меня и прижал к себе, осыпая поцелуями, – такой теплый, твердый, *настоящий*, что не будь опоры, я не устояла бы на ногах.

«Живой», – повторила я тихо про себя. Он живой.

А все остальное не важно.

Хотя интересно, что он и впрямь сделает с Джоном?

Глава 4

Не задавай вопросов, если не хочешь услышать ответ

Где-то в лесу

В часе езды от Филадельфии

Джон Грей смиренно ждал смерти. С того самого момента, как открыл рот и выпалил: «Я вступил в интимные отношения с вашей супругой». Единственное, он не знал, пристрелит его Фрэзер, зарежет или придушит голыми руками?

Услышать, как в ответ оскорбленный муж спокойно произносит: «Да? А зачем?» – было не то что неожиданно, но и даже как-то... постыдно. Совершеннейший позор.

– Зачем? – растерянно переспросил Грей. – Вы сказали «зачем»?

– Да. Хотелось бы узнать.

Теперь, открыв оба глаза, Грей видел, что Фрэзер не так спокоен, как казалось. На виске у него нервно бился пульс, и он переступал с ноги на ногу, как перед дракой в таверне, – не то чтобы собираясь нанести первый удар, но готовый его встретить. И Грею, как ни удивительно, полегчало.

– Что значит «зачем»? – раздраженно поинтересовался он. – И почему вы, черт возьми, живы?!

– Порой я и сам этому удивляюсь, – спокойно ответил Фрэзер. – Полагаю, вы сочли меня мертвым?

– Да, и ваша супруга – тоже! Вы хоть представляете, каково ей пришлось?!

Синие глаза самую малость прищурились.

– Хотите сказать, узнав о моей смерти, она настолько повредила умом, что силой затащила вас в постель? Поскольку... – он вскинул руку, обрывая горячие протесты Грея, – это потребовало бы немалых усилий от женщины, если только меня не ввели в заблуждение относительно ваших предпочтений. Или я ошибаюсь?

Грей какое-то время молча глядел в узкие глаза. Потом зажмурился и потер ладонями лицо, словно надеясь избавиться от этого кошмара.

– Нет, вас не ввели в заблуждение, – процедил он. – Но вы ошибаетесь.

Фрэзер вскинул брови – кажется, в искреннем изумлении.

– Вы что, сами ее захотели?! – невольно воскликнул он. – И она позволила? Быть того не может!

У Фрэзера медленно наливалась краской загорелая шея. Грей и прежде видел, как такое случается, и потому опрометчиво решил, что в его обстоятельствах лучшая защита (точнее, единственно возможная) – это нападение. Поэтому он дал себе волю.

– Мы думали, что ты, чертов ублюдок, умер! – заорал он. – Оба! Что ты мертв! И мы как-то напились... вечером... сильно напились! Стали говорить о тебе... и... Будь ты проклят, мы не друг с другом спали – мы оба трахались с тобой!

Фрэзер оторопело разинул рот. Грей порадовался было его изумленной гримасе, но тут здоровенный кулак врезался ему в живот, и Грей, покачнувшись, отступил на пару шагов, упал и скорчился в траве, напрасно силясь вдохнуть.

Да, все верно. Его удавят голыми руками.

Грея сгребли за шиворот и рывком вздернули на ноги. Он кое-как встал, и струйка воздуха просочилась в легкие. Фрэзер стоял близко – очень близко, их лица разделял какой-то дюйм, Грей не видел даже его гримасы – только пару налитых кровью синих глаз, полных ярости. «Вот и все», – спокойно подумалось ему.

Еще немного – и конец.

– Ты расскажешь все, что у вас было, долбаный ты извращенец... – прошипел Фрэзер, обдавая Грея горячим дыханием с запахом эля. – Повторишь каждое слово. Опишешь каждый жест. Каждый!

Грею хватило воздуха выдавить:

– Нет... Просто убей меня.

* * *

Фрэзер встряхнул его с такой силой, что зубы клацнули, прикусывая язык. Грей сдавленно застонал – и получил еще один удар, на сей раз прямым в левый глаз. Он снова упал, перед взором заплясали цветные пятна и черные точки, а в нос шибануло острым запахом сырой листвы. Фрэзер опять поставил его на ноги – но вдруг замер, по-видимому, обдумывая, как лучше продолжить экзекуцию.

Пауза затягивалась. За грохотом крови в ушах и свистящим дыханием соперника Грей ничего не слышал. Когда же рискнул приоткрыть один глаз, чтобы посмотреть, откуда ждать очередного удара, то увидел человека. Из кустов на них таращился грязный оборванец в драной охотничьей рубахе.

– Джетро! – проревел незнакомец, поудобнее перехватывая ружье.

Из-за деревьев показались другие люди. Некоторые были в солдатской униформе (точнее в ее остатках), но большинство – в обычных домотканых тряпках, и почти все носили вязаные шапки, плотно облегавшие лоб и уши, отчего Джону сквозь слезы они показались похожими на живые пушечные ядра.

На странных головных уборах, связанных, скорее всего, женами, были вышиты крупные буквы: «СВОБОДА» и «НЕЗАВИСИМОСТЬ», а на одной красовалось хищное «УБЕЙ» (должно быть, рукодельница была особенно кровожадной). Носил ее мужчина тощий и низкорослый, в очках с одной разбитой линзой.

Фрэзер, вскинувшийся при звуке чужих шагов, кружил теперь на месте, словно загнанный собаками медведь. Пришельцы остановились на безопасном расстоянии.

Грей прижал руку к отбитой печени и перевел дух. Воздух еще пригодится.

– Кто такие? – заносчиво спросил один из мужчин, ткнув в сторону Джейми концом длинной палки.

– Я полковник Джеймс Фрэзер из стрелков Моргана, – холодно отозвался тот, словно не замечая палку. – А вы кто?

Мужчина смутился было, но тут же снова расправил плечи.

– Капрал Джетро Вудбайн. Рейнджеры Даннинга, – грубо ответил он и мотнул головой, указывая на своих товарищей, успевших окружить полянку. – А ваш пленник – он кто?

У Грея свело живот, что, учитывая состояние печени, было весьма мучительно. Он процедил сквозь зубы, не дожидаясь ответа Джейми.

– Я лорд Джон Грей. Если вам это о чем-нибудь говорит.

Он лихорадочно обдумывал, с кем больше шансов уцелеть: с Джеймсом Фрэзером или этой шайкой оборванцев? Да, конечно, еще пару минут назад он смиренно ждал смерти, но теперь предпочел бы отложить кончину до лучших времен.

Люди опешили, услышав громкий титул, и зашептались, с сомнением на него косясь.

– На нем нет формы, – вполголоса заметил кто-то. – Он точно из офицеров? Иначе зачем он нам сдался?

– Раз полковник Фрэзер взял его в плен, полагаю, у него были на то причины, – громко объявил Вудбайн, вновь обретя уверенность в себе. Он вопросительно уставился на Джейми, но тот не ответил, глядя только на Грея.

– Он офицер!

Все обернулись в сторону говорившего. Им оказался тот самый коротышка в разбитых очках, который, придерживая их на носу, сквозь уцелевшую линзу разглядывал Грея. Наконец он кивнул и повторил уже увереннее:

– Офицер как есть. Я видел его в Филадельфии, он стоял на крыльце дома по Честнат-стрит – собственной персоной, в мундире с иголки. Офицерском, – зачем-то уточнил он.

– Он больше не служит, – отрезал Фрэзер, буравя взглядом коротышку.

– Я его видел, – не сдавался тот. – Ясно как божий день. В мундире с золотыми позументами, – чуть слышно добавил он, опуская глаза.

– Хм. – Джетро Вудбайн приблизился к Грею, пристально его оглядывая. – А вам есть что сказать, лорд Грей?

– Лорд Джон, – сердито поправил тот, сплевывая мелкие кусочки листьев. – Я не пэр, в отличие от старшего брата. Грей – моя фамилия. И да, я офицер. По-прежнему имею воинское звание, хотя со службы уволился. Этого вам достаточно или мне рассказать, что я сегодня ел на завтрак?

Он намеренно злил бродяг, решив, что лучше уж в компании Вудбайна отправиться на суд конфедератов, чем стоять здесь с Джеймсом Фрэзером. Тот хищно следил за ним из-под опущенных век. Грею безумно хотелось отвести взгляд.

«Это правда! – с вызовом думал он. – Я сказал тебе чистую правду. И ты это знаешь».

«Да, – отвечал тот взглядом. – И ты думаешь, я успокоюсь?»

– Он больше не служит, – повторил Фрэзер, сознательно поворачиваясь к Грею спиной. – И я взял его в плен, чтобы задать кое-какие вопросы.

– Это какие, например?

– А это уже не ваша забота, мистер Вудбайн, – ответил тот вроде бы не громко, но со сталью в голосе.

Джетро Вудбайн, однако, был не из дураков или трусов.

– Как-нибудь сам разберусь... Сэр, – добавил он после заметной паузы, – откуда нам знать, что вы тот, кем назвались, а? Формы на вас нет... Эй, парни, кто-нибудь прежде его встречал?

Мужчины недоуменно переглянулись. Кое-кто качнул головой.

– Что ж, – приободрившись, продолжил Вудбайн. – Раз не можете подтвердить свою личность, то мы заберем вашего пленника в лагерь для допроса... – Он вдруг хищно осклабился, словно в голову пришла удачная мысль. – А может, стоит допросить и вас?

Фрэзер замер, глядя на Вудбайна, как тигр на ежа: вроде бы можно слотнуть его одним махом, но стоит ли царапать горло колючками?

– Забирайте. – Он отступил от Грея. – А я займусь своими делами.

Вудбайн, приготовившись уже к отпору, недоуменно моргнул и поднял свою дубину, но так ничего и не сказал, когда Фрэзер зашагал к краю поляны. Под самыми деревьями тот обернулся и смерил Грея черным взглядом.

– Мы, сэр, еще не закончили.

Грей выпрямился, невзирая на боль в печени и слезы, непрерывно текущие из разбитого глаза.

– Я, сэр, всегда к вашим услугам, – огрызнулся он.

Фрэзер, посмотрев на него напоследок, развернулся, словно забыв про Вудбайна и его людей. Мужчины выжидающе уставились на капрала, переминавшегося с ноги на ногу.

Грей, в отличие от него, нерешительности не испытывал. Прежде чем высокий силуэт окончательно растворился в зеленых тенях, он сложил руки и заорал вслед:

– И мне ни черта не жаль!..

Глава 5

Страсти молодых мужчин

Пока я вкратце рассказывала, при каких трагичных обстоятельствах Уильям узнал о своем происхождении, Дженни больше тревожилась о другом.

– Ты случайно не знаешь, где Йен? – нетерпеливо спросила она. – Нашел ли он ту девочку-квакера, о которой постоянно твердил отцу?

Я выдохнула: что ж, хотя бы эти двое, Йен и Рэйчел Хантер, слава Господу, не натворили дел. По крайней мере, пока.

– Нашел. Что до того, где он... Я уже пару дней его не видела, но он частенько пропадает на неделю-другую. Йен порой помогает солдатам Вашингтона с разведкой, хотя сейчас, после зимовки в Валли-Фордж, в этом практически нет нужды. И вообще он почти все время проводит в лагере Континентальной армии, чтобы быть поближе к Рэйчел.

Дженни недоуменно округлила глаза:

– Женщина – в военном лагере? Что ей там делать?! И разве квакеры не отвергают войну и всяческое насилие?

– Вообще-то, да. Но ее брат, Дензил – военный хирург, притом настоящий, не то что всякие шарлатаны с пиявками, которые обычно прибиваются к армии. Он живет в Валли-Фордж с прошлого ноября. Рэйчел иногда приезжает в Филадельфию; кордоны пропускают ее без лишних вопросов, поэтому она тайком проносит солдатам еду. Но куда чаще просто помогает Дэнни в его работе, ухаживает за пациентами.

Дженни взволнованно подалась вперед:

– Расскажи о ней... Хорошая ли девушка? Как думаешь, она Йена любит? Муж говорил, наш мальчик от нее без ума... Но беда в том, что Йен с ней ничего не обсуждал, поэтому непонятно, что она об этом думает. Сумеет ли смириться с тем... какой он есть. – Дженни взмахнула рукой, одним жестом описывая Йена-младшего: горца по рождению, воина-могавка по воспитанию. – Одному Богу известно, что за квакер из него получится. Надеюсь, Йен это и сам понимает...

Я рассмеялась, хотя, в общем-то, союз Йена и Рэйчел сулил немало проблем. Не знаю, как Религиозное общество Друзей отнесется к подобному браку... Скорее всего, с немалым скепсисом. Хотя кто их знает, эти квакерские обычаи.

– Она славная девочка, – заверила я Дженни. – Рассудительная, талантливая и по уши влюблена в Йена... правда, вряд ли в этом признается.

– А, ясно! А ее родители что думают?

– Они оба умерли, когда она была еще совсем крошкой. Воспитывалась у одной вдовы, а потом, лет в шестнадцать, перебралась под крыло к брату.

– Вы об этой маленькой квакерше? – Миссис Фигг внесла вазу с летними розами, пахнущими миррой и сахаром. Дженни вдохнула их аромат и выпрямила спину. – Мерси Вудкок души в ней не чаёт. Та всегда к ним заглядывает, чтобы проведать того юношу.

Дженни недоуменно сдвинула брови.

– Какого еще юношу?

– Генри, кузена Уильяма, – поспешила я объяснить. – Мы с Дензилом оперировали его зимой. Рэйчел хорошо знакома с обоими – и Уильямом и Генри, поэтому любезно навещает нашего бывшего пациента. А миссис Вудкок – его домовладелица.

Кстати, неплохо бы тоже проведать парнишку. Ходят слухи, британцы покидают город. Надо бы удостовериться, что юноша перенесет дальнюю дорогу. Когда я навещала его на прошлой неделе, он едва ходил, притом опираясь на руку Мерси Вудкок.

А что теперь будет с самой миссис Вудкок?.. Ведь глубокая сердечная привязанность, которая возникла между темнокожей женщиной и ее аристократом-квартирантом, видна невооруженным глазом. Мужа Мерси я встречала в прошлом году при отступлении из Тикондероги, тогда он был тяжело ранен. Раз с тех пор о нем ничего не слышно, значит, все-таки умер или попал к британцам в плен.

И даже если Уолтер Вудкок воскреснет из мертвых (чудеса все-таки случаются, и мой муж тому пример), это еще не худшая из бед. Я, например, и представить не могу, как воспримет новости старший брат Джона, сиятельный герцог Пардлоу. Чтобы его сын – и женился вдруг на вдове плотника... к тому же негритянке!

Тем более его дочь, Дотти, тоже подалась в квакеры: она заключила помолвку с Дензилом Хантером... и, кажется, эту весть герцогу тоже сообщать не торопились. Даже Джон, человек азартный и питающий особую страсть к всяческим пари, не рискнул предположить, чем все обернется.

Я потрясла головой, выбрасывая лишние мысли: все равно от меня ничего не зависит. Пока думала о своем, миссис Фигг и Дженни успели обсудить Уильяма и его внезапный побег из дома.

– Интересно, куда он направился?

Миссис Фигг с тревогой глянула на стены, испещренные вмятинами от кулаков.

– Скорее всего, туда, где можно напиться, подраться или найти себе женщину, – уверенно заявила Дженни: в ней говорил опыт жены, сестры и матери нескольких сыновей. – А может, все сразу.

Элфрет-Элли

До вечера было еще далеко, и в доме царила тишина. Лишь изредка из других комнат доносилась приглушенная женская болтовня. Гостиная тоже оказалась пуста, как и коридор и лестница на второй этаж, куда шлюха увлекла за собой Уильяма. Он будто бы стал невидимкой. Вот и славно, не хватало только сейчас чужих взглядов.

Женщина прошла вперед и распахнула в спальне окно. Уильям хотел было повелеть, чтобы она опять захлопнула ставни: на свету он чувствовал себя голым. Но в городе царил жар, жара и духота, и он изрядно взмок. А в открытое окно задувал ветер, сладко пахнувший древесным соком и недавним дождем, и зачесанные волосы женщины блестели на солнце, будто листья конского каштана.

– Ну же! – оживленно объявила она, широко улыбаясь. – Снимай пальто и жилет, пока не задохнулся.

Не дожидаясь ответа, женщина взяла кувшин, наполнила из него небольшой тазик и жестом пригласила Уильяма к умывальнику, где на потертой древесине уже лежало полотенце и истончившийся обмылок.

– Я принесу выпить, хорошо?

И она выскочила, звонко шлепая босыми ногами по ступенькам.

Уильям стал раздеваться. Глупо уставился на тазик, но потом вспомнил, что в самых дорогих борделях сперва надлежит омыть некоторые части тела. Он уже сталкивался с таким обычаем, правда, в тот раз шлюха купала его сама, и благодаря теплой воде и скользкому мылу первый раз все случилось прямо на умывальнике.

Кровь в жилах забурлила, и Уильям дернул застежки на брюках, обрывая пуговицы. Его все еще потряхивало, но теперь пульсация стекала в одно место ниже пояса.

Руки защипало, и он ругнулся, вспомнив, как разбил в кровь пальцы, выбегая из дома отца... хотя нет, не отца. Чертова лорда Джона!

– Ты долбаный ублюдок, – прошипел он вполголоса. – Ты знал, знал все с самого начала!

И это приводило Уильяма в бешенство не меньше, чем новости о внезапно объявившемся родителе. Его отчим, человек, которого он боготворил, которому верил как никому на этой земле – чертов лорд Джон Грей – всю жизнь ему врал!

Все ему ввали.

Все!

А теперь под ногами словно проломился лед и Уильям ухнул в замерзшую реку. Его – одинокого, беспомощного – затягивало в черный омут, и сердце сковывал дикий холод.

Услыхав сзади шум, он обернулся. Шлюха изумленно вытаращила глаза, и Уильям лишь сейчас понял, что плачет – горько, безудержно; слезы текут по щекам и капают на полувозбужденный член, торчащий из штанов.

– Уходи, – выдавил он.

Она не послушалась, напротив, шагнула ближе, держа в одной руке графин, а в другой – пару оловянных чаш.

– Эй, все хорошо? Вот, выпей. И можешь все-все мне рассказать.

– Нет!

Женщина снова шагнула к нему. Сквозь пелену в глазах он увидел, как у нее дрожат губы: она заметила торчащий член.

– Вообще-то я имела в виду, чтобы ты свои бедные руки вымыл. – Она с трудом сдерживала смех. – Но, как вижу, ты настоящий джентльмен.

– Не смей так говорить!

Она моргнула.

– Я что, тебя этим оскорбила?

Уильям в ярости кинулся на нее и выбил графин из руки. Тот разлетелся осколками стекла и брызгами дешевого вина. Красные капли попали женщине на юбку, и та завизжала:

– Ах ты, ублюдок!

Замахнувшись, она швырнула в него чашками. Они с грохотом покатались по полу. Девушка же повернулась к двери и заорала: «Нед! Нед!»

Уильям схватил ее. Просто чтобы она замолчала и не переполошила весь дом. Он зажал ей рот, оттащил от двери и свободной рукой перехватил оба запястья.

– Прости... Прости... – забормотал он. – Я не хотел... правда, не хотел. Ай, вот черт!

Женщина вдруг саданула его локтем по носу, и Уильям отшатнулся, прижимая руку к лицу. Сквозь пальцы хлынула кровь.

На щеках женщины проступали красные следы от его пальцев. Глаза у нее были бешеными. Она попятилась, утирая лицо ладонью.

– Уби... райся! – выдохнула она.

Повторять не пришлось. Уильям бросился мимо нее, едва не снеся с лестницы богато одетого мужчину, поднимавшегося на второй этаж, и выскочил на улицу. И лишь оказавшись в проулке, понял, что стоит в одной рубашке с расстегнутыми штанами, а жилет с мундиром остались в борделе.

– О, Элсмир! – раздался из-за спины чей-то бас.

Уильям повернул голову и в ужасе увидел нескольких англичан-офицеров, среди которых был Александр Линдсей.

– Черт возьми, Элсмир, что с вами стряслось?!

Сэнди, как и надлежит хорошему другу, уже вытаскивал из рукава пышный платок. Он прижал его к носу Уильяма, заставляя того запрокинуть голову.

– Вас что, ограбили?! – возмутился кто-то еще. – Господи! Не город, а настоящая дыра!

В обществе собратьев-офицеров Уильяму полегчало. И это было странно. Он ведь больше не один из них. Уже нет.

– Так что случилось? Неужто и впрямь ограбили? Уж поверьте, мы найдем этих ублюдков, честью клянусь! Вернем ваше имущество до последнего пенни и проучим хорошенько этих мерзавцев!

Кровь с железным привкусом стекала в горло. Уильям, закашлявшись, кивнул и одновременно пожал плечами. Да, его ограбили, обобрали до последней нитки. Но похищенного уже не вернуть.

Глава 6

Под моей защитой

Колокол пресвитерианской церкви в двух кварталах отсюда прозвонил, возвещая, что уже половина второго, и желудок у меня заворчал, напоминая, что сегодня я так и не пообедала.

Дженни перекусила с Марсали и Фергусом, но от яичницы все равно не отказалась, поэтому я попросила миссис Фигг организовать нам полдник, и через двадцать минут мы пообедали (не забывая, само собой, о манерах) жареными сардинами, яйцами всмятку и – за неимением пирога – блинчиками с маслом и медом. Их Дженни никогда прежде не пробовала, но блюдо пришлось ей по вкусу.

– Только погляди, как сочится сиропом! – воскликнула она, придавливая вилкой ноздреватый кусочек лепешки. – Совсем на блинчик не похоже!

Она оглянулась украдкой и, перегнувшись через стол, прошептала:

– Как думаешь, если хорошенько попросить, мне дадут рецепт?

Ее прервал осторожный стук в разломанную дверь. На пестрый брезентовый коврик упала длинная тень. Возле порога гостиной стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, молодой британский лейтенант.

– Где мне найти подполковника Грея? – с надеждой спросил он, глядя между мной и Дженни.

– Его светлости нет дома, – как можно спокойнее ответила я. Интересно, сколько еще раз придется повторить эти слова?

– О... – Юноша заметно ступешался. – А не подскажете, где он, мэм? Полковник Грейвс уже давно прислал ему записку, велел подполковнику Грею явиться к генералу Клинтону. И теперь генерал... м-м-м... интересуется, почему подполковник еще не прибыл.

– А. – Я переглянулась с Дженни. – Ну... Боюсь, его светлость вызвали по одному срочному делу прежде, чем он получил послание.

Должно быть, речь о той самой записке, которую Джон читал перед тем, как Джейми восстал из могилы. Он взглянул на нее мельком, а потом запихал в карман.

Лейтенант вздохнул, но сдаваться не спешил.

– Ясно, мэм. Если вы скажете, где сейчас его светлость, я поеду за ним. Вернуться один я никак не могу.

Скорчив умильную гримасу, он горестно на меня уставился.

Я, прищурившись, улыбнулась в ответ.

– Увы, я и впрямь не знаю, где он.

И встала в надежде выставить незваного гостя за дверь.

– Мэм, просто скажите, в какую сторону он поехал, я сам его разыщу, – упрямо сказал тот.

– Он не говорил.

Я шагнула вперед, но юноша стоял на месте. То, что начиналось как легкий абсурд, грозило вылиться в серьезные неприятности. Я встречала генерала Клинтона на Мискьянце (Господи, неужто прошло несколько недель? а как будто целая жизнь...), и он произвел на меня благоприятное впечатление, но вряд ли можно рассчитывать, что он всегда будет со мной любезен. Генералы пекутся прежде всего о своих собственных интересах.

– Вы же знаете, его светлость давно уволился со службы, – сказала я в слабой попытке унять ретивого гостя.

Тот удивленно вытаращил глаза:

– Нет же, мэм. Полковник ведь прислал ему уведомление сегодня утром.

– Что? Простой полковник же не может... Или все-таки может?

По спине у меня вдруг поползли мурашки.

– Что такое, мэм?
– Просто... просто взять и призвать человека на службу.
– О, нет, не может, мэм, – заверил тот. – Его призвал командующий полка. Герцог Пард-лоу.

– Иисус твою Рузвельт Христос!

Я упала в кресло.

Дженни украдкой хихикнула в салфетку. Она не слышала от меня этой фразы уже четверть века, не меньше. Я хмуро на нее покосилась: сейчас не время для ностальгических воспоминаний.

– Ладно... Пожалуй, мне стоит самой повидаться с генералом.

Я вновь встала на ноги и только сейчас с удивлением обнаружила, что до сих пор не переоделась – так и хожу с самого утра в сорочке и халате.

– Давай помогу тебе собраться, – вскочила Дженни.

Она очаровательно улыбнулась лейтенанту и широким жестом указала ему на стол, заставленный тостами, мармеладом и сочными сардинами.

– Угощайся пока, парень. Зачем пропадать хорошей еде?

* * *

Дженни высунула в коридор голову и прислушалась. Судя по скрипу столовых приборов и щебетанию экономки, лейтенант охотно принял щедрое предложение отобедать. Она тихонько закрыла дверь.

– Я с тобой. В городе полно солдат, одной лучше не ходить.

– Не надо, я сама...

Я осеклась. Да, почти все офицеры в Филадельфии знают меня в лицо как леди Грей, но вот с рядовыми солдатами я знакомство не водила. К тому же теперь я чувствовала себя самозванкой, а в нынешних обстоятельствах это сулило немалую опасность.

– Спасибо. Буду рада твоей компании.

После внезапного воскрешения Джейми я чувствовала себя не в своей тарелке, так что любая моральная поддержка будет очень кстати. Хотя, наверное, стоит напомнить Дженни об осторожности...

– Не волнуйся, буду молчать как рыба, – заверила та, ворчливо сражаясь с непослушным ворохом кружев. – Как думаешь, может, сказать генералу о том, что случилось с лордом Джоном?

– Нет, ни в коем случае. – Я резко выдохнула. – Да, так достаточно туго.

– Хм-м-м... – Она зарылась в шкаф, выбирая подходящее платье. – Как насчет этого? У него глубокое декольте, а грудь у тебя до сих пор хороша.

– Я же не соблазнять его иду!

– Как раз таки соблазнять, – небрежно отмахнулась та. – Или хотя бы отвлечь. Раз уж не хочешь сказать ему правду... – Она приподняла черную бровь. – Услышь я на месте британского генерала, что моего подполковника похитил большой и страшный горец, восприняла бы это как личное оскорбление.

Я не могла с ней не согласиться, так что, пожав плечами, нырнула в янтарно-шелковое платье с кремовым кантом по швам и кремовыми же лентами по краю корсажа.

– О да, отлично. – Дженни застегнула последний крючок и отступила на шаг, одобрительно глядя на результат своих трудов. – Ленты в цвет кожи, поэтому вырез кажется еще глубже.

– Можно подумать, последние тридцать лет ты управляла не помещьем, а борделем или салоном портних, – нервно заметила я.

Дженни фыркнула:

– У меня три дочери, девять внуков и шестнадцать племянниц от сестры Йена. Так что разницы никакой.

Я невольно рассмеялась. Она хмыкнула в ответ. А потом мы с ней вместе сморгнули слезы, одновременно вспомнив про Брианну и Йена – наших потерянных детей, – и мы обнялись, утешая друг друга в общем горе.

– Все хорошо, – прошептала она. – Ты свою девочку не потеряла. Она жива. И Йен тоже со мной. Он никогда меня не покинет.

– Знаю, – сквозь рыдания сказала я. – Знаю.

Я выпрямилась, утерла слезы пальцем и фыркнула.

– У тебя платок есть?

Конечно, у Дженни был в рукаве платок, но она вытащила из кармана на поясе другой – чистый и аккуратно свернутый.

– Я же бабушка. – Она шумно высморкалась. – У меня всегда есть запасной платок. Что будем делать с волосами? В таком виде на улицу нельзя.

Когда мы наконец привели мою гриву в порядок, придав ей подобие прически в сеточке под широкополой соломенной шляпкой, я, пусть и в самых общих чертах, придумала, что говорить генералу Клинтону. По возможности буду придерживаться правды. Это залог успешного вранья, хотя я уже целую вечность не прибегала к подобному трюку.

Итак. К лорду Джону прибыл посыльный и принес записку – это было. Что в записке, я понятия не имею – опять-таки верно. Затем лорд Джон уехал вместе с посыльным, не сказав куда... В общем, тоже практически правда – если забыть, что посыльный был уже другой. И нет, я не видела, в какую сторону они поехали, и даже предположить не могу, куда направлялись. Лорд Джон всегда держал свою лошадь в конюшне Дэвидсона на Пятой авеню в двух кварталах отсюда.

Вроде бы все складно... Если генерал Клинтон решит проверить, то наверняка обнаружит лошадь в ее стойле и, следовательно, придет к заключению, что лорд Джон Филадельфию не покидал. Ко мне как к источнику информации интерес он потеряет и разошлет солдат по городу проверить, куда же мог подеваться Джон Грей.

И, если повезет, тот объявится прежде, чем город перетрясут сверху донизу, и сам ответит на все чертовы вопросы.

– А что насчет Джейми? – с заметной тревогой спросила Дженни. – Он ведь в город больше не вернется, так?

– Надеюсь, что нет.

Мне вдруг стало мало воздуха, и не только из-за тугого корсета. В груди гулко колотило сердце.

Дженни прищурилась и покачала головой.

– Нет, не надеешься. Ты думаешь, он вернется. За тобой. И ты права. Как есть вернется. – Она задумалась, морща лоб, и вдруг заявила: – Лучше я здесь останусь. Вдруг он объявится, пока ты охмуряешь своего генерала. К тому же та особа с кухни мигом наколет его на вертел, стоит бедняге только перешагнуть порог.

Я засмеялась, во всех красках представляя, как миссис Фигт встретит незваного гостя в своих владениях.

– Кроме того, здесь надо прибраться, – добавила Дженни.

* * *

Молодой лейтенант встретил припоздавшую меня с заметным облегчением, однако не стал хватать за руку и тянуть за собой по тротуару – просто предложил локоть и зашагал столь

быстро, что мне волей-неволей пришлось перейти на рысь. До особняка, где обосновался генерал Клинтон, было недалеко, но день выдался жарким, и я вся взмокла, из-под шляпки выбились волосы, прилипая к щекам и шее, под лифом то и дело сбегали щекотные струйки пота.

В просторной прихожей с паркетным полом мой конвоир со счастливым вздохом передал меня на руки другому солдату, а я улучила минутку, чтобы отряхнуть от пыли юбки, поправить шляпку и украдкой вытереть лицо и шею кружевным платочком. Занятая этим нелегким делом, я не сразу узнала человека, сидевшего на одном из позолоченных стульев у дальней стены.

– Леди Грей. – Он встал, как только заметил мой взгляд. – Рад встрече, мадам.

И улыбнулся, хоть и довольно холодно.

– Капитан Ричардсон, – ровно сказала я. – Рада вас видеть.

Руки ему подавать не стала, а он не поклонился. К чему притворяться друзьями, когда между нами вполне искренняя вражда? Именно Ричардсон вынудил Джона заключить наш брак, поинтересовавшись, нет ли у него личного интереса к особе, которую вот-вот должны арестовать по подозрению в шпионаже и распространении мятежных листовок (оба обвинения, к слову, были абсолютно справедливы). Джон заверил Ричардсона в своей беспристрастности, а два часа спустя я уже стояла в его гостиной, оцепенелая от горя, и отвечала «да» на какие-то вопросы священника.

В те дни до Ричардсона мне не было никакого дела, я даже имени его не знала. Джон представил нас друг другу – ради чистой формальности – на Мискьянце, пышном балу, который английские офицеры закатили месяц назад. Тогда же Джон вкратце рассказал об угрозах капитана, велел по возможности его избегать.

– Ожидаете беседы с генералом Клинтоном? – вежливо спросила я.

– Да, – ответил он и любезно добавил: – Но вас, безо всяких сомнений, пропущу вперед, леди Грей. Мои дела подождут.

В его словах почудилось нечто зловещее, но я лишь склонила голову с уклончивым «хм-м-м».

И тут меня осенило – внезапно, как приступ желчной колики, – что мое положение в глазах британской армии и капитана Ричардсона в частности стоит кардинально пересмотреть. Раз уж выяснилось, что Джейми жив, я больше не леди Джон Грей. Я снова миссис Джеймс Фрэзер, что, конечно, не может не радовать... Однако этот факт опять развязывает капитану Ричардсону руки.

Придумать достойный ответ я не успела – долговязый лейтенант пригласил меня к генералу. В гостиной, переделанной под главный штаб Клинтона, царил хаос: у одной из стен выстроились ящики, рядом лежали перевязанные точно пучки хвороста голые флаштоки, а надетые на них прежде военные знамена теперь кучей громоздились у окна, и молодой капрал аккуратно их сворачивал. Я слышала (как и весь город), что британская армия покидает Филадельфию. И, видимо, очень торопится.

Несколько солдат сновали по комнате, таская коробки, а за столом неподвижно сидели двое мужчин.

– Леди Грей? – удивился Клинтон, однако все-таки встал, чтобы приложиться к моей руке. – Рад видеть вас в добром здравии, мэм.

– Добрый день, сэр.

Сердце, и без того частившее, застучало еще быстрее, когда я увидела второго мужчину. Тот поднялся с кресла и теперь стоял за спиной генерала. Он носил форму и выглядел донельзя знакомым, хотя я совершенно точно не встречала его прежде.

Кто же он такой?..

– Простите, что побеспокоил вас, леди Грей. Я-то надеялся порадовать вашего супруга, – начал генерал. – Но, как понимаю, его нет дома?

– Э-э-э... нет. Его нет.

Незнакомец – судя по мундиру, хоть чрезмерно украшенному золотым шитьем, пехотный полковник, – приподнял бровь. На удивление знакомый жест.

– Вы, должно быть, родственник Джона Грея, – выпалила я.

Наверняка. Как и Джон, он не носил парика, и волосы у него даже под пудрой были темными. И разворот плеч такой же, и форма головы – изящная, немного вытянутая. Да и в лице проглядывало что-то общее, только у этого мужчины оно было более худощавым, обветренным и с резкими чертами – видно, он привык командовать.

Мужчина улыбнулся, вмиг преобразившись. Очарованием Джона он также не был обделен.

– А вы проникательны, мадам.

Он шагнул вперед, отнял мою безвольную руку у генерала и кратко поцеловал на европейский манер. Потом выпрямился, с интересом меня разглядывая.

– Генерал Клинтон сообщил, что вы супруга моего брата.

– О! – Я пыталась собраться с мыслями. – Тогда вы, должно быть, Хэл! Ой, простите. Я хотела сказать... Еще раз простите. Я знаю, что вы герцог, но, боюсь, запомнила титул, ваша светлость.

– Пардлоу, – представился тот, по-прежнему сжимая мне руку. Он улыбнулся. – Но христианское мое имя – Хэральд, поэтому можете называть меня и так, если хотите. Добро пожаловать в семью, дорогая моя. Я и представить не мог, что Джон снова женится. Как понимаю, это произошло совсем недавно?

Он держался чинно, но я-то знала, что за прекрасными манерами кроется немалое любопытство.

– Ну... – уклончиво протянула я. – Пожалуй, совсем недавно.

Я ведь и не подумала спросить у Джона, писал ли он обо мне своим родственникам – хотя если и писал, то вряд ли письмо успело бы дойти. Я даже о его семье ничего толком не знала – слышала про одного Хэла, и то лишь потому, что он отец Генри...

– О, вы, должно быть, приехали к сыну! Он будет очень рад вас видеть! – воскликнула я и заверила: – Выздоровление идет полным ходом.

– Я с ним уже виделся. И он, надо отметить, чрезвычайно восхищен, с каким умением вы иссекли часть его кишечника и соединили остатки. И хотя я конечно же рад повидаться с сыном... и дочерью, – он на мгновение поджал губы (должно быть, Дотти сообщила отцу о помолвке), – и предвкушаю скорую встречу с братом, увы, на самом деле в Америку меня призвал долг. Мой полк недавно высадился в Нью-Йорке.

– О. Как... чудесно.

Джон, судя по всему, не был осведомлен о приезде брата со всем полком вдобавок. Надо бы под видом светской беседы задать парочку наводящих вопросов и разведать его планы – но сейчас не лучшее время.

Генерал вежливо кашлянул.

– Леди Джон, вы, случайно, не знаете, где сейчас ваш супруг?

Удивившись внезапному знакомству с герцогом Пардлоу, я совершенно забыла об истинной причине моего визита. Однако вопрос Клинтона мигом привел меня в чувство.

– Боюсь, что нет, – как можно спокойнее ответила я. – Я уже говорила вашему лейтенанту. Утром прибыл посыльный с каким-то письмом, и мой муж уехал вместе с ним. Куда, он не сказал.

Генерал дернул губами.

– Нет, он уехал не с посыльным. Тот принес ему уведомление от полковника Грейвса с требованием явиться в штаб. Однако лорда Грея до сих пор нет.

– Ах! – с глупым видом воскликнула я. В подобных обстоятельствах можно разыграть и дурочку. – Неужели? В таком случае... значит, он ушел с кем-то другим.

– Но вы не знаете, с кем именно?

– Я его не видела, – ушла я от прямого ответа. – И, боюсь, мой супруг ни словом не обмолвился, куда уходит.

Клинтон поднял темную бровь и взглянул на Пардлоу.

– Подождем, когда он вернется, – пожал тот плечами. – В конце концов, дело не срочное.

Генерал Клинтон, кажется, придерживался иного мнения, однако ничего говорить не стал. Явно не желая тратить время попусту, он поклонился и пожелал мне доброго дня.

Я охотно удалилась, задержавшись лишь на секунду: еще раз заверить герцога в том, что рада нашему знакомству. Заодно уточнила, куда можно будет послать весточку от брата, когда тот все-таки объявится?

– Я остановился в «Королевском гербе», – сообщил он. – Если позволите, мэм...

– Нет-нет, – торопливо перебила я. – Все хорошо. Благодарю вас, сэр.

Не хватало еще, чтобы герцог провожал меня до дома.

Я присела в реверансе перед генералом, потом перед Хэлом и наконец в вихре кружев выскочила за дверь.

Капитана Ричардсона уже не было, но я не стала спрашивать, куда он подевался. Коротко кивнув солдату, караулившему у входа, я вылетела на свежий воздух, дыша так, будто выползла из батискафа.

Что теперь?

Я увернулась от двух мальчишек, гонявших по улице обруч. Должно быть, офицерские сыновья, потому что грузившие мебель и тюки солдаты, у которых они путались под ногами, молча сносили их выходки.

Джон часто рассказывал о брате и всякий раз упоминал, какой тот властный и деспотичный тип. В нынешних обстоятельствах нам не хватало только его – любителя совать нос в чужие дела. Впрочем... может, Уильям в хороших отношениях с дядей и сумеет его отвлечь? Хотя нет-нет, ни в коем случае! Хэл не должен узнать о Джейми, а он обязательно о нем узнает, стоит только встретиться нынче с Уильямом...

– Леди Грей!

Из-за окрика за спиной я замешкалась – на одну лишь секунду, но этого хватило, чтобы герцог Пардлоу нагнал меня и взял за руку.

– Вы ужасная лгунья, – упрекнул он. – Хотелось бы знать, что вы все-таки скрываете?

– А на что вы рассчитывали, застав меня врасплох? – огрызнулась я. – Хотя, если уж на то пошло, сейчас я не лгу.

Он рассмеялся и шагнул ближе, изучая мое лицо. Глаза у него были бледно-голубыми, как у Джона, но из-за более темных бровей и ресниц взгляд казался жестким.

– Может, и не лжете, – все так же насмешливо сказал он. – Но явно чего-то недоговариваете.

– Я не обязана сообщать вам все, что знаю, – с достоинством произнесла я, пытаюсь отнять руку. – Пустите.

Он неохотно разжал пальцы.

– Прошу прощения, леди Грей.

– Конечно, – кивнула я и хотела было его обойти, но он тут же опять заступил дорогу.

– Я все-таки хотел бы знать, где мой брат.

– Мне и самой хотелось бы это знать, – парировала я, поворачивая в другую сторону.

– Позвольте спросить, куда вы направляетесь?

– К себе домой.

Странно называть дом Джона «своим»... хотя другого у меня все равно нет.

«Нет, есть, – возразил упрямый голосок в сердце. – У тебя теперь есть Джейми».

– Чему вы так улыбаетесь? – поразился Пардлоу.

– Тому, что скоро приду домой и сниму наконец эти туфли. – Я торопливо стерла с лица улыбку. – Они ужасно тесные.

Он дернул губами.

– Позвольте облегчить ваши муки, леди Грей.

– Нет, право, не стоит...

Однако он уже вытащил деревянный свисток и оглушительно засвистел. Из-за угла выскочили два мускулистых приземистых парня – братья, наверное, уж очень они были похожи, – тащившие паланкин на двух жердях.

– Это уже излишне, – запротестовала я. – К тому же Джон говорил, у вас подагра, вам и самому портшез сгодится...

Герцог недовольно прищурился, сжимая губы.

– Обойдусь, мадам.

Он схватил меня за руку и втащил в портшез, сбив при этом шляпу на глаза.

– Дама под моей защитой. Отвезите ее в «Королевский герб», – велел он братьям Труляля и Траляля, захлопывая дверь. И прежде чем я успела рявкнуть: «Голову ему с плеч!», мы с бешеной скоростью понеслись по Хай-стрит.

Я схватилась за ручку, собираясь выпрыгнуть на ходу – и плевать на синяки и ушибы, – но этот ублюдок запер ее на щеколду, до которой изнутри не дотянуться. Оставалось лишь кричать носильщикам, но те не слушали, скача по улочкам с такой скоростью, будто несли добрую весть из Гента в Ахен⁴.

Пыхтя от злости, я откинулась на спинку и содрала шляпку. Что этот Пардлоу о себе возомнил?! По рассказам Джона и случайным репликам его детей и племянника ясно одно: он привык добиваться своего любой ценой.

– Ну это мы еще посмотрим! – пробормотала я, вытаскивая из шляпки длинную булавку с жемчужной головкой. Сеточка, под которую были спрятаны волосы, оторвалась, так что я отцепила ее и взмахнула распущенными прядями.

Мы повернули на Четвертую улицу, вымощенную не булыжником, а кирпичом, так что паланкин стало трясти уже слабее. Я отлипла от сиденья и зашарила по оконной створке. Если удастся открыть, смогу добраться до щеколды. Пусть вывалюсь наружу на полном ходу – зато не буду безвольной куклой в руках герцога!

Шторка на окне сдвигалась вверх и вниз, но открыть его можно было, лишь вставив пальцы в узкую канавку сбоку и потянув створку на себя. Только я примерилась, как вдруг раздался прерывистый рык герцога:

– Стой! Стоять... Я... больше... не могу.

Он замолчал, носильщики остановились. Я припала глазом к щели. Герцог стоял посреди улицы, прижимая к груди кулак. Лицо у него побагровело, губы, напротив, посинели.

– Опустите меня и откройте уже эту чертову дверь! – рявкнула я сквозь стекло носильщикам.

Те послушались, и я, взметнув юбками, выскочила из портшеза, не забыв приколоть булавку внутри кармана. Вдруг еще пригодится.

– Садитесь, черт бы вас побрал! – велела я Пардлоу. Тот упрямо покачал головой, но все-таки позволил отвести себя к портшезу. Я запихала его внутрь – не без злорадства из-за неожиданной смены ролей. Хотя в глубине души и побаивалась, как бы он внезапно не помер.

Первую мысль – что у него сердечный приступ – я отмела, едва услышала, как он дышит... точнее, пытается дышать. Этот свистящий хрип астмы ни с чем не спутать, однако на

⁴ Намек на одноименное стихотворение Роберта Браунинга.

всякий случай я взяла герцога за запястье и проверила пульс. Учащенный, но вполне ровный, а крупные капли на лбу – всего лишь пот из-за жаркой погоды, а вовсе не липкая испарина, обычная для инфаркта миокарда.

– Здесь болит?

Я указала на кулак, который тот все еще прижимал к груди.

Герцог покачал головой, кашлянул и отнял руку.

– Надо... лекарство... там... – выдавил он.

Ясно: он пытается залезть в кармашек на жилете. Я просунула в него два пальца и выудила эмалевую коробочку, где лежал крохотный пузырек.

– Что это?.. А, не важно.

Я вытащила пробку, и в нос ударил резкий запах аммиака.

– Нет, – твердо сказала я, заткнула пузырек и спрятала его вместе с коробочкой в карман. – Это не поможет. Вытяните губы и выдохните.

Герцог выпучил глаза, но послушался.

– Так, а теперь расслабьтесь и втяните воздух. Не рывком, а медленно, на четыре счета. Раз... два... три... четыре. И снова выдох на два счета. И опять вдох: в том же ритме. Да, вот так... Вдох на четыре, выдох на два. Да, все правильно. И не переживайте, задыхаться вы больше не будете, просто дышите так постоянно.

Герцог кивнул.

Я огляделась: мы стояли рядом с Локаст-стрит, отсюда рукой подать до аптеки Питермана.

– Эй, ты, – велела я одному из носильщиков. – Беги в аптеку, принеси кувшин крепкого кофе. Он оплатит, – добавила я, рукой указывая на герцога.

Вокруг понемногу собиралась толпа. Это плохо: неподалеку была хирургическая доктора Хебди, и он в любой момент мог выглянуть на шум. Сейчас только этого шарлатана с ланцетом наперевес нам не хватало.

– У вас астма, – повернулась я к герцогу и встала на колени, чтобы видеть его лицо, пока считаю пульс.

Сердце уже не частило, хоть стучало немного вразнобой: должно быть, тот самый «парадоксальный пульс», который иногда наблюдается у астматиков, когда на выдохе сердце стучит быстрее, а на вдохе замедляется. Хотя диагноз и без того понятен.

– Вы знали?

Он кивнул, выдыхая сквозь вытянутые губы.

– Да, – коротко добавил он и втянул воздух.

– К доктору обращались? – Кивок. – Неужто он рекомендовал вам нюхательные соли?!

Я жестом указала на флакончик в кармане. Герцог покачал головой.

– Это из-за... обмороков. Иногда... и такое бывает.

– Ясно.

Я запрокинула ему голову, рассматривая зрачки: вполне обычные на вид. Спазм ослаб, и герцог это тоже ощутил; плечи у него опали, синева с губ ушла.

– Во время приступа астмы их использовать нельзя: кашель станет сильнее, мокроты будет больше.

– ...Да что ж вы столбом стоите-то, а?! Ну-ка, парень, живо беги за доктором! – донесся из толпы пронзительный женский голос. Я поморщилась, и герцог, заметив мою гримасу, удивленно приподнял бровь.

– Поверьте, этот доктор вам не понравится.

Я встала и задумчиво оглядела толпу.

– Благодарю вас, но нет, доктор нам не нужен. – Я чарующе улыбнулась. – Всего лишь приступ желудочной колики. Съел что-то несвежее. Уже все хорошо.

– Как по мне, мэм, выглядит он не очень, – с сомнением произнес другой зевака. – Лучше все-таки позвать врача.

– Пусть уже поддыхает! – раздался вопль из задних рядов. – Чертов красномундирник!

По толпе пробежал странный ропот, а у меня засосало под ложечкой. До этого момента люди не видели в герцоге британского офицера, просто собрались полюбоваться на занятное зрелище. Но теперь...

– Леди Грей, я приведу врача!

К моему ужасу, сквозь толпу, орудуя тростью с золотым набалдашником, пробирался мистер Колфилд – видный тори.

– А ну, брысь отсюда, оборванцы!

Он заглянул в портшез и приподнял шляпу.

– К вашим услугам, сэр! Считайте, помощь уже в пути!

Я схватила Колфилда за рукав. В толпе, слава богу, пока разгорались споры. Одни осыпали нас с Пардлоу проклятиями, другие, лоялисты (а может, просто здравомыслящие люди, не считавшие своим патриотическим долгом избивать на улице больных стариков), столь же шумно протестовали.

– Нет-нет! – прошептала я. – Пусть за врачом идет кто-нибудь другой. Нельзя бросать его светлость одного!

– Его светлость?..

Моргнув, Колфилд выудил из маленького футляра пенсне, приложил к носу и заглянул в портшез. Пардлоу надменно, несмотря на свист в легких, ему кивнул.

– Герцог Пардлоу, – поспешила я сказать, все еще цепляясь за рукав Колфилда. – Ваша светлость, позвольте представить вам мистера Финиса Грэма Колфилда.

Я неопределенно помахала рукой, но, заметив наконец носильщика с кувшином, бросилась ему наперерез, чтобы перехватить прежде, чем того засосет разъяренная толпа.

– Благодарю. – Я выхватила кувшин. – Надо увезти его прежде, чем толпа озверевает... еще больше, – уточнила я, услышав, как от крыши портшеза – хрясть! – отскочил булыжник.

Мистер Колфилд пригнулся.

– Эй! – в бешенстве заорал носильщик: уж больно вероломно покушались на источник его дохода. – А ну прочь, все вы!

Стиснув кулаки, он попер на толпу, но я схватила его за плечо и сказала с нажимом:

– Унесите герцога... и свой портшез отсюда. Отвезите его в...

Только не в «Королевский герб», тот считается оплотом лоялистов, и это лишь раздражит тех, кто двинет вслед за нами. Тем более мне не хотелось вновь оказаться во власти герцога.

– Отвезите нас к дому семнадцать по Честнат-стрит! – выпалила в итоге я и, выудив из кармана монету, сунула ему в руку. – Живей!

Тот без раздумий взял деньги и бегом, не опуская кулаков, заспешил к портшезу. Я, прижимая кувшин с кофе к груди, заковыляла вслед в красных марокканских туфлях на каблуке. Только теперь заметила на рукаве носильщика нашитый номер: тридцать девять.

Портшез уже осыпало градом камней; второй носильщик – номер сорок – отмахивался от них, как от пчел, и орал: «Чтоб вам сдохнуть!» – а мистер Колфилд вторил ему в более благовоспитанной манере: «Прочь!» и «Уходите!», грозя тростью самым смелым мальчишкам, которые так и норовили подобраться поближе.

– Вот, – выдохнула я, прижимаясь к боку портшеза.

Хэл, судя по сипящему свисту, был еще живой. Я сунула ему в руки кувшин с кофе.

– Выпейте... до дна, – велела я. – И продолжайте дышать.

Я захлопнула дверь, с некоторым злорадством щелкнула задвижкой и, выпрямившись, обнаружила рядом Жермена, старшего сына Фергуса.

– Опять у вас беда стряслась, *Grand-mère*?⁵ – спросил он, ничуть не смущаясь летевших в нас камней, к которым добавились куски свежего навоза.

– Да, наверное... – ответила я. – Только не надо...

Договорить не успела: Жермен повернулся к толпе и на удивление громко заорал:

– ЭТО МОЯ БАБУЛЯ! Хоть ВОЛОС у нее троньте, и я...

В толпе захохотали, и я торопливо вскинула к голове руки. Совсем забыла про упавшую шляпку! Теперь волосы – те, что не прилипли к мокрому лицу и шее, – торчали во все стороны пушистым облаком.

– Да я вам каждому бока намну! – орал Жермен. – Да, ТЕБЕ, Шеки Лоу. И тебе тоже, Джо Грум!

Двое мальчишек замешкались, опуская куски навоза. Видать, хорошо знали Жермена.

– А моя бабуля вашим родителям расскажет, чем вы тут занимаетесь!

Это решило вопрос: мальчишки торопливо попятнулись, побросав навоз на землю, и старательно сделали вид, будто вообще не поняли, откуда тот взялся.

– Идем, бабуля.

Жермен взял меня за руку. Носильщики, неуклюже присев, подняли портшез. В чертовых туфлях мне за ним не поспеть. Поэтому я сбросила их – и ровно в этот момент увидела пухлого доктора Хебди: тот пыхтел, торопясь вслед за угрюмой женщиной, которая первой предложила позвать его на помощь. Теперь она триумфально вышагивала в ореоле собственного героизма.

– Благодарю вас, мистер Колфилд!

Я торопливо подхватила туфли одной рукой и бросилась вдогонку. Юбки волочились по грязным булыжникам, но меня это никоим образом не волновало. Жермен приотстал, грозя кулаками преследователям, – однако, судя по задорному свисту, враждебный настрой уже сменился весельем, и камни вслед больше не летели.

Когда мы свернули за угол, носильщики сбавили ход, и по плоским кирпичам Честнат-стрит я сумела нагнать портшез. Хэл выглядывал в окно. Кувшин, стоявший рядом на сиденье, опустел.

– Куда мы... направляемся, мадам? – крикнул он, как только завидел меня. Судя по окрепшему голосу – который я расслышала даже сквозь стекло и за грохотом шагов, – ему и впрямь стало лучше.

– Не волнуйтесь, ваша светлость, – крикнула я в ответ, трусцой двигаясь рядом. – Вы под моей защитой.

⁵ Бабушка (фр.).

Глава 7

Опасные последствия необдуманных действий

Джейми продирался сквозь заросли ежевики, не замечая ни сладких ягод, ни колючих ветвей. Он был готов растоптать все, что только попадется на пути.

Добравшись до лошадей, стреноженных на лужайке, он помедлил не более секунды, но все-таки развязал обеих и, хлопнув одну кобылу по крупу, отправил ее в кусты. Даже если милиция отпустит Грея на все четыре стороны – пусть возвращается в Филадельфию на своих двоих. Еще неизвестно, что произойдет в городе, но его светлость в любом случае будет только путаться под ногами.

А что должно произойти?.. Джейми задумался, ударяя пятками по бокам своей лошади. С некоторым удивлением он заметил, что руки дрожат, и сильнее стиснул поводья.

Костяшки на правой руке дернулись, и белая вспышка боли там, где не хватало пальца, пронзила всю руку. Джейми зашипел сквозь зубы.

– Зачем, черт возьми, ты, идиот эдакий, мне рассказал? – пробормотал он под нос, пуская лошадь в галоп. – На что ты рассчитывал?!

На то и рассчитывал. Джон не сопротивлялся, не лез в драку. «Убей меня», – вот что сказал этот подонок.

Очередной приступ ярости опять свел руки судорогой. Джейми воочию представил, как сжимает шею этому мелкому ублюдку. Неужели он и впрямь совершил бы убийство, если бы не внезапное появление Вудбайна с отрядом?

Нет. Не совершил бы. Даже сейчас, несмотря на дикое желание вернуться и вытрясти из Грея всю душу, Джейми понемногу осмысливал случившееся на поляне. Почему Грей ему рассказал? Ответ очевиден – поэтому-то Джейми и полез без раздумий в драку, поэтому его и трясло до сих пор.

«Мы оба трахались с тобой».

Джейми задышал глубже, и голова закружилась от лишнего воздуха, зато дрожь понемногу утихла. Он сбавил ход, но лошадь по-прежнему нервно прижимала уши.

– Все хорошо, *bhalaich*⁶, – сказал он. – Все хорошо...

Джейми казалось, его сейчас стошнит. Однако желчь понемногу опустилась обратно.

Он все еще ощущал рваную рану, которую Джек Рэндолл оставил в его душе. Думал, что все давно поросло шрамами, что отныне он в безопасности – но нет, чертов Грей содрал покрывавшую ее кожицу всего лишь пятью словами: «Мы оба трахались с тобой». Джейми его даже не винил – разумом, по крайней мере. Грей не мог знать, что сотворит с ним этой фразой.

Впрочем, мыслить здраво все равно не получалось: Джейми вспомнил о другом его признании. Оно тоже терзало душу, но уже по-другому.

«Я вступил в интимные отношения с вашей супругой».

– Ублюдок! – прошипел Джейми, против воли дергая уздечку, отчего лошадь испуганно тряхнула головой. – Зачем? Зачем ты мне это сказал, сволочь?

И снова – пусть и запоздало – понял ответ.

Потому что Клэр все равно призналась бы при первой же возможности. И Грей это прекрасно знал. Поэтому решил: пусть лучше гнев обманутого мужа обрушится не на неверную супругу, а на ее любовника.

А Клэр, конечно, рассказала бы. Джейми сглотнул. Точнее, расскажет. Скоро. Что же ему тогда делать?..

⁶ Мальчик (*гэльск.*).

Он снова содрогнулся всем телом и сбавил ход; лошадь теперь брела почти шагом, мотая головой и принохиваясь.

Не ее вина. Не ее. Они думали, он мертв. Джейми помнил, какая эта бездна – сам много лет жил на грани. И понимал, на что могут толкнуть отчаяние вкупе со спиртным.

Но чертово воображение... Точнее, его отсутствие. Как это произошло? Где? Знать о случившемся уже мучительно, не знать подробностей – и вовсе невыносимо.

Лошадь остановилась, поводья обвисли. Джейми замер посреди дороги, закрыв глаза, и мерно задышал, пытаясь молитвами изгнать жуткие картины перед глазами.

Рассудок сдался, значит, на помощь пора призвать Господа. И спустя некоторое время дикое, дотошное стремление узнать все до последней детали улеглось. Переведя дух, Джейми понял, что снова может продолжать путь, и взялся за уздечку.

Все это подождет. Первым делом надо увидеть Клэр. Он не представлял еще, что скажет, как поступит, но ему необходимо было ее увидеть. Он изнывал по ней, как переживший кораблекрушение, много дней болтаясь в океане, изнывает по пресной воде и пище.

* * *

Кровь стучала у Грея в ушах с такой силой, что он не слышал спора похитителей, которые, предосторожности ради связав ему руки, сгрудились неподалеку и теперь шипели, точно гусиная стая на скотном дворе, изредка бросая в его сторону злые взгляды.

Грею было плевать. Левым глазом он ничего не видел, да и печень наверняка отбита, – но и это его не волновало. Он рассказал Джейми Фрэзеру правду – всю, до единого слова, – и теперь испытывал такую же безумную гамму чувств, как после сокрушительной победы: пронзительную радость, что остался жив; всплеск пьяных эмоций, которые сперва захлестывают с головой, а потом стекают, оставляя пустое недоумение... и абсолютную неспособность понять, какой ценой досталась тебе эта победа.

Колени тоже тряслись, как после долгой битвы. Поэтому Грей бесцеремонно уселся на землю и закрыл здоровый глаз.

После некоторой паузы, пока он не замечал ничего, кроме стучащей в голове крови, шум в ушах понемногу начал стихать, и Грей услышал, как его зовут по имени.

– Лорд Грей! – окликнули уже громче, обдавая лицо вонючим табаком.

– Меня зовут не лорд Грей. – Он сердито открыл глаз. – Я же говорил.

– Вы сказали, ваше имя лорд Джон Грей, – фыркнул собеседник, досадливо хмурясь из-под спутанных волос. Тот самый здоровяк в грязной охотничьей рубахе, который первым наткнулся на них с Фрэзером.

– Именно. И если вам надо ко мне обратиться, будьте добры звать меня «милорд» или просто «сэр». Чего вам?

Мужчина с немалым возмущением отступил на шаг

– Что ж, раз вы настаиваете... Сэр, прежде всего мы хотели бы знать, не приходите ли вы братом генерал-майору Чарльзу Грею?

– Нет.

– Нет? – Тот хмуро свел брови. – Но вы с ним знакомы? Он вам родственник?

– Да, он... Он... – Грей задумался было над степенью их родства, но потом бросил подсчитывать поколения предков и махнул рукой. – Какой-то дальний кузен.

Окружающие довольно замычали. Мужчина по имени Вудбайн сел рядом с Греем на корточках, держа в руке свернутый лист бумаги.

– Лорд Джон, – начал он несколько вежливее. – Вы говорили, что в настоящий момент не состоите на службе его величества?

– Это так.

Грею отчаянно хотелось зевнуть. Волнение, до того бурлившее в крови, утихло, и теперь его клонило в сон.

– Тогда как вы объясните эти бумаги, милорд? Мы нашли их в вашем кармане.

Он бережно развернул листы и сунул Грею под нос.

Тот скосил здоровый глаз.

Уведомление от адъютанта генерала Клинтона: требование немедленно, при первой же возможности, явиться в штаб. Да, он эту записку уже видел, хоть и мельком, – перед тем как объявился восставший из могилы Джейми Фрэзер, перевернув все с ног на голову. Грей не смог сдержать улыбки. Этот чертов улюбок живой!

Вудбайн тем временем развернул второй лист. Клочок бумаги с красной восковой печатью, узнаваемой с первого же взгляда: патент на офицерский чин, подтверждающий все полномочия Грея.

Грей недоверчиво заморгал: кривоватый почерк клерка расплывался перед глазами. Однако в самом низу, прямо под королевской печатью, красовалась размашистая подпись уже другой рукой: твердой и донельзя знакомой.

– Хэл! – воскликнул он. – Чтоб тебя!

* * *

– Говорю вам, солдат он! – сказал коротышка в очках, который буравил Грея на удивление неприязненным взглядом из-под шапочки с надписью «Убей!». – Не просто солдат, еще и шпион вдобавок. Давайте сию минуту вздернем его на суку!

Остальные поддержали коротышку довольными возгласами. Угломнить их удалось только капралу Вудбайну: он встал и принялся орать на сторонников немедленной казни без суда и следствия, пока они наконец не отступили с недовольным бурчанием. Грей сидел, зажимая в пальцах скомканный патент, и сердце колотило все сильнее.

Его вполне могут повесить... Пару лет назад Хау ведь казнил капитана Континентальной армии, которого заподозрили в шпионаже. Уильям тогда много говорил и об аресте Хейла, и о его казни (он сам был тому свидетелем), и эти рассказы изрядно потрясли воображение Грея.

Уильям... Господи, Уильям! Грей только сейчас вспомнил о сыне. Они столкнулись с ним на лестнице, а потом с Фрэзером сбежали через крышу и вниз по водосточной трубе, бросив Уильяма переваривать новости о своем происхождении в полном одиночестве.

Хотя нет. Не в одиночестве... С ним ведь Клэр. Грей приободрился. Она поговорит с Уильямом, успокоит его, объяснит... Да, это будет непросто, очень непросто. Однако даже если Грея через пять минут вздернут на суку, его сын не останется один.

– Заберем его в лагерь, – в который раз упорно повторил Вудбайн. – Что толку вешать прямо здесь?

– Одним красномундирником станет меньше. Как по мне, уже неплохо! – возразил громила в охотничьей рубахе

– Гершон, я не говорю, что мы вообще не будем его вешать. Просто не здесь и не сейчас. – Вудбайн, обеими руками держась за мушкет, медленно оглядел мужчин хищным взглядом. – Не здесь и не сейчас! – повторил он.

Грей, поражаясь силе его характера, еле сдержался, чтобы не закивать вместе с остальными.

– Заберем его в лагерь. Все слышали, что он сказал? Генерал-майор Чарльз Грей ему родня. Может, подполковник Смит сам его повесит, а может, отправит к генералу Уэйну. Помните Паоли!

– Помните Паоли! – подхватил нестройный хор голосов.

Грей вытер заплывший глаз рукавом: из него непрерывно текли щипучие слезы.

Паоли... Что, черт возьми, еще за Паоли? И при чем тут его казнь?

Впрочем, Грей решил пока не задавать лишних вопросов, и когда его вздернули на ноги, безропотно пошел за похитителями.

Глава 8

Гиппократ: «Homo est obligamus aerobe»⁷

К тому времени, когда Тридцать девятый распахнул дверцу портшеза, герцог заметно побагровел, и вряд ли только из-за жары.

– Вы хотели повидать брата? – спросила я, не давая ему и рта открыть, и широким жестом указала на дом. – Вот его жилище.

Правда, хозяина пока нет, но мы подождем.

Герцог смерил меня выразительным взглядом, но рассудительно не стал тратить зря воздух, которого ему по-прежнему не хватало, – лишь раздраженно отмахнулся от услужливо протянутой руки Сорокового и вылез из портшеза. С носильщиками, к счастью, расплатился сам (поскольку у меня с собой денег не было) и с хрипом предложил мне руку. Я приняла ее, не желая устраивать сцену прямо у парадного входа. Жермен, легко нагнавший портшез, маячил теперь в стороне, из вежливости не подходя слишком близко.

На крыльце нас поджидала миссис Фигг. Выломанная дверь, уже снятая с петель, лежала на козлах рядом с кустом камелии, дожидаясь плотника.

– Ваша светлость, позвольте представить миссис Мортимер Фигг. Наша экономка и кухарка. Миссис Фигг, это его светлость, герцог Пардлоу. Брат лорда Джона.

Ее губы сложились в ругательство, но вслух, благодарение богу, она ничего не сказала. Экономка проворно, невзирая на свои объемы, спустилась по ступенькам и подхватила Хэла под вторую руку – очень вовремя, потому что он снова начал синеть.

– Вытяните губы и дышите, – напомнила я. – Живей!

У него заклокотало в горле от удушья, но Пардлоу послушно задышал, хоть и бросая в мою сторону свирепые взгляды.

– Что, во имя святого духа, вы с ним сотворили? – возмутилась миссис Фигг. – У него такой вид, будто он вот-вот помрет!

– Для начала жизнь ему спасла, – огрызнулась я. – Двигайте ногами, ваша светлость.левой-правой.

Мы поволокли герцога к дому.

– Потом не дала толпе забить его камнями... и Жермен очень нам помог, – добавила я, оглянувшись на чрезвычайно довольного собой мальчишку.

А потом герцога мы похитили... но об этом я решила не упоминать.

– И, кажется, жизнь ему придется спасать еще раз. – Я остановилась на минутку, чтобы самой перевести дух. – В какой из спален его разместим? Может, в комнате Уильяма?

– Уилл... – начал было герцог, но тут же судорожно закашлялся, приобретая дивный пурпурный оттенок. – Уи... Уилл...

– Ах да, совсем забыла. Конечно. Уильям же ваш племянник, верно? Его сейчас тоже нет. Я строго посмотрела на миссис Фигг. Та фыркнула, но ничего не сказала.

– Ваша светлость, дышите!

В доме, как выяснилось, уже немного навели порядок. Обломки смели в аккуратную горку возле двери, и рядом с ней на оттоманке сидела Дженни Мюррей, выбирая из кучи уцелевшие кристаллы от люстры. Завидев нас, она приподняла бровь, отложила миску и неторопливо встала.

– Клэр, тебе что-нибудь надо?

– Да, горячей воды.

⁷ Человек – существо дышащее (*лат.*).

Мы с пыхтением (герцог хоть и был худощавым и стройным, но все-таки оказался мужчиной весьма тяжелым) усадили Пардлоу в высокое кресло.

– Миссис Фигг, чашки; несколько штук. Дженни, мою аптечку. Ваша светлость, не забывайте дышать! Выдох... два... три... четыре. Не глотайте воздух! Медленно втягивайте его в себя – вам хватит, уверяю.

Хэл весь взмок от пота и судорожно дергался в панике, что воздуха слишком мало.

Я и сама была готова запаниковать. Беда в том, что Пардлоу в самом деле может умереть. У него сильный приступ астмы; иногда в таком случае бессильны даже инъекции адреналина вместе со всеми достижениями медицины двадцатого столетия. В любой момент может случиться сердечный приступ, вызванный сильным стрессом и недостатком кислорода, или же к смерти приведет банальное удушье.

Герцог бессильно сжимал кулаки, молескиновые бриджи измялись и потемнели от пота, жилы на шее вздулись от напряжения.

Не без труда я разжала ему пальцы и с силой стиснула в своих руках. Надо отвлечь его, пока паника не завладела им полностью... если у герцога вообще есть шанс.

– Посмотрите на меня. – Я подалась к нему и заглянула прямо в глаза. – Все будет хорошо. Слышите? Кивните, если слышите.

Тот кое-как кивнул. Он дышал, но чересчур часто, вялая струйка воздуха едва касалась моей щеки. Я сжала ему ладонь еще сильнее и заговорила ровным голосом:

– Медленнее. Дышите вместе со мной. Вытяните губы... выдохните...

Свободной рукой я мерно отстукала по его колену четыре счета. На третьем у герцога закончился воздух, но он по-прежнему вытягивал губы и хрипел.

– Не так быстро! – рявкнула я, когда он разинул рот, жадно втягивая воздух. – Пусть это происходит само собой. Раз... Два... Выдох!

Я слышала, как Дженни сбегает по лестнице с моей аптечкой, а миссис Фигг ураганом носится по кухне, где у нее кипел котелок с водой. Вот она вернулась с тремя чашками, нанизав их на палец, а другой рукой прижимая к груди банку, закутанную в полотенце.

– ...Три... Четыре. Дженни, найди хвойник! Раз... Два... Выдох, два... Три... Четыре. По шепотке в каждую чашку! Два... Да, вот так... Выдох.

Главное, не спускать с герцога глаз и заставлять его дышать. Если собьется с ритма, давление в легких окончательно ослабнет, дыхательные пути перекроются, и тогда...

Я торопливо отогнала эту мысль, в перерыве между счетом сыпля приказами.

Что, черт возьми, можно сделать?

Если честно, мало что. Гилления и дурман слишком ядовитые, да и действуют чересчур медленно...

– Дженни, аралия, – велела я. – Корень, разотри его сюда. – Я ткнула пальцем во вторую и третью чашки. – Два... три... четыре.

В чашках уже плавали палочки хвойника (и впрямь похожего на мелкую еловую хвою). Волью в герцога первую порцию, как только немного остынет, хотя по-хорошему траве надо настаиваться не меньше получаса.

– Миссис Фигг, нужны еще чашки! Два... три... Да, вот так, хорошо.

Рука герцога была скользкой от пота, но он сжимал мне пальцы с невиданной силой, грозя переломить все косточки. Я немного покрутила запястьем; он заметил это и ослабил хватку. Я подалась вперед, обнимая его руку обеими ладонями – и заодно нащупывая пульс.

– Вы не умрете! – сказала с нажимом. – Я не позволю.

В студенистых голубых глазах мелькнуло что-то вроде улыбки, но заговорить Пардлоу, само собой, даже не пытался. Губы у него все еще были синими, лицо – белым, невзирая на жар.

Первая чашка хвойного чая чуть-чуть помогла: горячее питье ослабило спазм. В конце концов, хвойник содержит адреналин, который в нынешних обстоятельствах единственное

более-менее толковое средство против астмы. Хотя за десять минут он и настояться-то не успел...

Впрочем, герцог заметно воспрянул духом. Он откинулся на спинку, переплетая со мной пальцы.

Боец по натуре. Я таких сразу вижу.

– Дженни, завари еще три чашки, пожалуйста.

Если Пардлоу будет пить достаточно медленно – а иначе и не получится, потому что он делает один лишь крохотный глоток между вдохами, – то с шестой чашкой самого крепкого настоя мы вольем в герцога нужное количество лекарства.

– А вы, миссис Фигг, заварите три горсти хвойника и щепотку аралии вместе с кофе и дайте настояться четверть часа.

Если герцог выживет, под рукой стоит иметь крепкую настойку эфедры. Приступ не первый – и если он не станет последним, то следующий может приключиться в любой момент.

Теперь, когда я почти уверилась, что герцог выживет, можно обратить внимание и на другие его симптомы

На лбу Пардлоу выступили крупные капли пота. Мундир с жилетом и кожаной португеей я с него сняла, но рубашка по-прежнему липла к груди, а штаны в складках паха потемнели. Впрочем, это понятно: день сегодня жаркий, герцог перенервничал, да и горячий чай сыграл свою роль. Синева с губ пропала, лицо и руки вроде бы не отекали, лопнувших под кожей сосудов не видеть.

Хрипы в легких я слышала даже без стетоскопа, но грудная клетка не увеличена. Герцог был таким же стройным, как и Джон, даже чуточку более худощавым. Значит, хронические заболевания легких можно исключить... как, думаю, и сердечную недостаточность. Цвет лица при нашем знакомстве у него был хороший, пульс даже сейчас под моими пальцами бился уверенно – немного быстро, но без перебоев, без аритмии...

Меня привел в чувство Жермен, который крутился подле локтя, с интересом поглядывая на герцога. Тот и сам обратил на мальчугана внимание, вопросительно подняв бровь.

– М-м-м? – спросила я, все так же отсчитывая ритм для дыхания.

– *Grand-mère*, я тут подумал, как бы его уже не хватились. – Жермен кивнул на Пардлоу. – Может, послать кого, чтоб солдат по тревоге не подняли? А то носильщики ведь сболтнут, что было.

– Ох...

Да, все верно. Генерал Клинтон, например, знает, что последний раз Пардлоу видели в моем обществе. Вдруг герцог приехал в Филадельфию не один, а со всем своим полком. Тогда его уже обыскали – пропажу офицера наверняка заметили в считанные минуты.

И Жермен – толковый парнишка, таких еще поискать – прав насчет носильщиков. Судя по номерам, они приписаны к центральному агентству Филадельфии, значит, посланцы генерала в два счета найдут Тридцать девятого с Сороковым и выяснят, по какому адресу они доставили герцога.

Дженни, разлив кипятка по чашкам, встала перед Пардлоу на колени, кивком обещав мне следить за его дыханием, пока я говорю с Жерменом.

– Он велел носильщикам отвезти меня в «Королевский герб», – сообщила я мальчику, когда мы с ним вышли на крыльцо, где нас не могли подслушать. – А встретились мы в штабе генерала Клинтона, который...

– *Grand-mère*, я знаю, где это.

– Да уж не сомневаюсь. Ты что-то задумал?

– Есть одна мысль... – Он оглянулся на дом и хитро прищурился: – Бабуля, а как долго вы хотите держать его в плену?

Итак, моя задумка для Жермена секретом не стала. Ничего удивительного: наверняка от миссис Фигг он уже слышал о внезапном появлении рыжего горца и, зная, кем приходится нам Джейми, запросто сложил два и два. Интересно только, видел ли он Уильяма? Если да, то Жермен знает все. Если же нет... то не стоит пока вдаваться в такие тонкости.

– Пока твой дедушка не вернется. Или лорд Джон, – запоздало добавила я.

Хоть бы Джейми поторопился... Или пусть сам пока спрячется где-нибудь в лесу, а ко мне с весточкой пришлет Джона.

– Как только я отпущу герцога, он в поисках брата перевернет весь город. И, скорее всего, безрассудно падет где-нибудь бездыханным.

А Джейми только облавы не хватало.

Жермен задумчиво потер подбородок – странный жест для ребенка, который еще не бреет бороды. Впрочем, его отец всегда так делал. Я улыбнулась.

– Значит, недолго. *Grand-père*⁸ вернется как только сможет, он вчера ужасно к вам торопился.

Мальчишка весело хмыкнул, но, посмотрев на открытую дверь, скривил губы.

– Что до старика, то долго прятать его не получится. Но можно послать генералу записку, и еще одну – в «Королевский герб», сказать, что его светлость остановился в доме лорда Джона, тогда искать не станут. Даже если к нему приедут, вы всегда можете предложить гостю выпивки и сказать, что герцог, увы, пять минут назад ушел... А его просто запереть в чулане. Связать по рукам и ногам и сунуть в рот кляп, чтоб не орал почем зря, – добавил он.

Жермен был мальчиком очень рассудительным – весь в Марсали.

– Отличная мысль, – согласилась я, еще не решив, полезно ли ограничивать контакты Пардлоу с внешним миром. – Прямо сейчас этим и займемся.

Взглянув мельком на герцога, который хоть и сипел, но уже понемногу приходил в чувство, я взбежала по лестнице и села за рабочий стол Джона. Смешать чернила и набросать две записки было минутным делом. Я задумалась над подписью, но тут заметила перстень Джона, лежавший на краю стола.

Сердце кольнуло: обрадовавшись чудесному воскрешению мужа, я совсем забыла про Джона.

Впрочем, в любом случае он будет цел и невредим. Джейми не допустит с ним беды, и совсем скоро они оба вернутся в Филадельфию...

Мои мысли прервал звон часов на каминной полке. Четыре часа дня.

– Когда весело, время летит незаметно, – пробормотала я и, нацарапав что-то похожее на подпись Джона, подожгла от тлеющих в камине угольков свечу, капнула на свернутые записки воском и приложила к ним перстень с полумесяцем. Джон вот-вот объявится; может, послания даже не успеют дойти до адресатов.

А Джейми придет за мной, едва на город опустится ночь!

⁸ Дедушка (фр.).

Глава 9

В делах людей прилив есть и отлив⁹

Джейми ехал по дороге, почти не замечая ни обгонявших его порой всадников, ни пеших путников. И лишь вынырнув из красного тумана, поразился, сколько на самом деле вокруг людей: и отряды ополченцев, вышагивающих ровным строем, и одинокие всадники, и ползущие из города фургоны, набитые тюками, на которых восседали женщины и дети...

Он накануне видел, что из Филадельфии тянется череда беженцев (господи, неужели это было только вчера?) и хотел спросить у Фергуса, в чем дело, но за последующими за этим переживаниями совсем забыл.

Чувство тревоги усилилось, и он ударил ногой лошадь, заставляя ее ускорить шаг. До города не более десяти миль, он прибудет задолго до темноты.

Может, лучше все-таки дождаться ночи?.. Что бы ни ждало их с Клэр – бурное выяснение отношений или постель, – лишние свидетели им ни к чему.

Одна мысль о Клэр – и Джейми снова вспыхнул от ярости, как спичка Брианны.

– *Ifrinn!*¹⁰ – выругался он вслух и саданул кулаком по открытой ладони. Столько усилий, чтобы успокоиться, – и все впустую. Пусть все катится к чертям: и сам он, и Клэр, и Джон Грей, чтоб его... Будь оно проклято!

– Мистер Фрэзер!

Джейми дернулся, точно получив в спину пулю; лошадь с фырканием остановилась.

– Мистер Фрэзер! – позвали его уже громче, и рысью на мелкой неказистой лошаденке к нему подъехал Дэниэл Морган, ухмыляясь во все зубы. – Знал же, что это вы, как есть знал! Разве найдется другой такой великан со столь приметной гривой? А если и найдется, не хотел бы я с ним иметь дело!

– Полковник Морган... К свадьбе готовитесь? – спросил Джейми, обращая внимание на его новенькую форму со свежими знаками отличия.

Он кое-как выдавил улыбку, хотя внутри все бушевало, как воды у берегов Стромы¹¹.

– Что? А, вы про это... – Дэнни вывернул шею, пытаясь разглядеть собственный воротник. – Тьфу ты! Это все Вашингтон с его чертовой страстью к раздаче наград. Нынче в Континентальной армии генералов больше, чем рядовых солдат. Стоит офицеру хоть две битвы пережить – на тебе генеральский чин. А то, что к нему никаких мало-мальских выплат не полагается, – это уж другое дело.

Он приподнял шляпу и окинул Джейми взглядом с головы до ног.

– Из Шотландии вернулись, да? Слыхал, вы отвозили на родину тело бригадного генерала Фрэзера – вашего родственника, знать? – Он сокрушенно покачал головой. – Стыдоба какая! Отличный был боец и человек хороший.

– Да, славный... Мы похоронили его дома, в Балнаине.

Они продолжили путь вместе. Дэн сыпал вопросами, а Джейми коротко на них отвечал: и вежливости ради, и из искренней симпатии к Моргану. Они не встречались со времен Саратоги, где Джейми служил под его командованием, так что поговорить им было о чем. В любом случае, он даже обрадовался компании: беседа отвлекала, заставляла забыть о бесполезной ярости.

– Полагаю, здесь мы расстанемся... – сказал Джейми некоторое время спустя. Они достигли перекрестка, и Дэн замедлил шаг. – Мне надо в город.

⁹ В. Шекспир. Юлий Цезарь (в пер. М. Зенкевича).

¹⁰ Черт (гэльск.)

¹¹ Строма – шотландский остров, известный коварными течениями и водоворотами близ его берегов.

– С чего бы? – поразился Морган.

– Чтобы... чтобы повидаться с супругой.

На последнем слове голос чуть было не дрогнул, и Джейми торопливо прикусил язык.

– О, да?! Но может, на четверть часика задержитесь?..

Дэн смотрел на него с хитрецей, и на душе у Джейми стало беспокойно. Однако солнце еще высоко, а в Филадельфию до ночи все равно лучше не соваться...

– Может, и задержусь, – осторожно ответил он. – А что такое?

– Я хотел повидать одного приятеля. Было б славно, если б вы с ним тоже познакомились. Здесь совсем рядом, рукой подать. Ну же, соглашайтесь!

Морган повернул вправо и махнул Джейми, приглашая следовать за собой, – что тот и сделал, ругая себя за глупость.

Честнат-стрит, дом 17

Я вся взмокла, пока снимала приступ астмы. Однако герцог наконец задышал сам, не сосредотачиваясь более на каждом вздохе. Измучился он не меньше моего и теперь с закрытыми глазами бессильно обмяк в кресле, дыша мелко, часто, но все-таки без посторонней помощи! У меня и самой от переизбытка воздуха – я ведь дышала с герцогом в унисон – заметно кружилась голова.

– Вот, возьми, *piuthar-chèile*¹², – сказала Дженни мне на ухо, и я открыла глаза, не сообразив даже, когда успела их зажмурить. Она вложила мне в руку стакан с бренди. – Виски в доме нет, но и это, думаю, сгодится. Может, его светлости тоже капельку налить?

– Само собой, – надменно ответил тот, не шевельнув, однако, даже пальцем. – Буду весьма признателен, мадам.

– Да, ему не повредит, – согласилась я, потягивая спину. – И себе налей. Сядем и выпьем. И вы тоже, миссис Фигг.

Дженни и миссис Фигг трудились наряду со мной, то перемалывая траву, то заваривая настои, то таская холодные полотенца, чтобы утирать пот. Лишь благодаря их самоотверженной помощи мне удалось сохранить герцогу жизнь.

Миссис Фигг имела четкие представления о надлежащем для прислуги поведении – и туда не входили душевные разговоры за бокалом бренди с хозяевами дома, не говоря уже о заезжих герцогах. Однако даже она все-таки признала, что в этот день обстоятельства выдались более чем необычные. Поэтому экономка чопорно уселась на тахту возле двери, откуда запросто прогнала бы любого незваного гостя, осмелившегося сунуться в дом без приглашения.

Какое-то время все молчали, в комнате царил умиротворение. В душной атмосфере ощущалось то самое чувство товарищества, которое – пусть даже на время – связывает людей, прошедших через тяжкое испытание. Однако постепенно я осознала, что в распахнутое окно с воздухом несутся странные уличные шумы: непривычно громкие крики и грохот колес. А еще далекий гром барабанов.

Миссис Фигг тоже это заметила и с любопытством повернула голову, тряхнув ленточками чепца.

– Господи Иисусе, помилуй нас! – сказала она, отставляя пустой стакан. – Что-то нехорошее грядет.

Дженни удивленно подняла бровь и с опаской повернулась ко мне.

– Нехорошее? – уточнила она.

– Как полагаю, речь о Континентальной армии, – заговорил Пардлоу. Он глубоко вдохнул и откинул голову на спинку кресла. – Господи... До чего же славно просто дышать.

¹² Свояченица (гэльск.).

Дыхание у него до сих пор было учащенным, но уже не поверхностным. Он поднял бокал, отсалютовал мне.

– Благодарю вас, моя... дорогая. Кажется, я и так был перед вами в долгу... из-за моего сына, а теперь...

– Что значит Континентальная армия? – перебила я. Свой стакан, тоже опустевший, поставила на стол. Сердце, унявшееся было за последние минуты, опять зачастило.

Пардлоу прикрыл один глаз, а другим посмотрел на меня.

– Американцы, – негромко пояснил он. – Повстанцы. Что еще... это может значить?

– Хотите сказать, они скоро будут здесь? – осторожно спросила я.

– Ничего я не хочу сказать, – уточнил он и кивнул на миссис Фигг. – Это она говорит... Впрочем, все чистая правда. Люди генерала Клинтона... покинули Филадельфию. Думаю, Вашингтон... готов занять город.

Дженни раздраженно выдохнула, а миссис Фигг грязно выругалась на французском, правда, тут же зажала рот пухлой ладонью.

– О, – только и сказала я невыразительно.

На сегодняшней встрече с Клинтонном я была совсем сбита с толку и потому не подумала, к чему может привести уход британской армии.

Миссис Фигг решительно встала.

– Пойду спрячу столовое серебро. Леди Грей, оно будет закопано под ракитовым кустом у летней кухни.

– Погодите! – Я вскинула руку. – Не думаю, что стоит так торопить события, миссис Фигг. Англичане еще не ушли из города, и американцы нас пока не осадили. А вилки нам пригодятся к ужину.

Та недовольно хмыкнула, но все-таки кивнула и стала собирать стаканы из-под бренди.

– Что тогда приготовить? У меня есть холодный окорок, но я подумывала сделать куриное фрикасе. Уильяму оно нравится. – Она бросила мрачный взгляд в сторону гостиной, где на обоях бурели кровавые пятна. – Как думаете, к вечеру он вернется?

Вообще-то Уильям жил в казармах, но частенько проводил ночь в особняке – особенно если миссис Фигг готовила куриное фрикасе.

– Бог его знает, – ответила я.

Подумать об Уильяме времени у меня тоже не было. Может, он и вернется, когда остынет, чтобы поговорить с Джоном. Я много раз видела, как бесятся Фрэзеры, они редко таят в себе зло. Обычно предпочитают сразу рубить сплеча. Я украдкой взглянула на Дженни. В ответ та посмотрела на меня, словно бы невзначай положив локоть на стол и задумчиво прижав палец к губам. Я улыбнулась ей краешком рта.

– И где же мой племянник? – спросил Хэл, сумев наконец сосредоточиться на чем-то помимо следующего вдоха. – И, если уж на то пошло, где мой брат?

– Не знаю, – ответила я, забирая стакан у герцога и ставя его на поднос миссис Фигг. – Правда не знаю, я не вру. Но надеюсь, он скоро вернется.

Я потеряла лицо и пригладила волосы. Итак, пора заняться пациентом.

– Уверена, что Джон тоже очень хотел бы повидаться с вами. Но...

– Я бы столь уверен не был, – перебил герцог и окинул меня взглядом: всю, от босых ног до растрепанных волос. Насмешливая улыбка стала шире. – Вы должны рассказать... при случае... как так вышло... что Джон на вас женился.

– В приступе отчаяния, – кротко ответила я. – Впрочем, вам уже пора в постель. Миссис Фигг, спальня готова?..

– Благодарю, миссис Фигг, – перебил герцог. – В этом нет... необходимости...

Я шагнула к нему, смерив пациента строгим взглядом опытной сиделки.

– Хэральд, – начала я сурово. – Я не только ваша невестка. – От этого слова почему-то пробрало дрожью, но я мысленно отмахнулась. – Я еще и ваш врач. И если вы не будете... Что такое?!

Герцог глядел меня все с тем же загадочным выражением: не то с насмешкой, не то с весельем.

– Вы сами разрешили называть себя по имени!

– Да, – признал он. – Но Хэральдом меня не звали... лет этак с трех. – Он вполне искренне улыбнулся. – Родные зовут меня Хэлом.

– Ладно, пусть будет Хэл. – Я улыбнулась в ответ, но увести себя от темы не позволила. – Сейчас, Хэл, вас хорошенько оботрут губкой, и вы отправитесь баиньки.

Он расхохотался, но тут же снова захрипел. Покашлял немного, прижимая кулак к ребрам, замолчал, осторожно кхекнул еще пару раз и наконец устался на меня.

– Вы, невестка, и впрямь считаете... будто мне три года? Хотите отправить в постель... без сладкого?

Подобрав под себя ноги, он попытался встать. Я легонько толкнула его в грудь раскрытой ладонью. Герцог не удержался и упал обратно в кресло, донельзя оскорбленный. И, надо признать, испуганный: до этой поры он и не сознавал, насколько на самом деле слаб. Подобные приступы всегда вытягивают последние силы.

– Вот видите? – сказала я уже мягче. – У вас ведь бывали приступы и прежде, да?

– Допустим, – неохотно признал он. – И все же...

– И как долго вы отлеживались после предыдущего?

Он поджал губы.

– Неделю. Но это все идиот доктор! Он...

Я положила руку ему на плечо, и герцог замолчал – не только из-за прикосновения, но и потому, что ему банально не хватило воздуха.

– Вы. Не можете. Дышать. Самостоятельно, – заговорила я, для пущей убедительности разделяя слова. – Хэл, послушайте. Давайте вспомним, что случилось за сегодня. Сперва на улице у вас начался серьезный приступ астмы. Потом вас чуть не растерзала толпа, а вы были беспомощнее ребенка... И не спорьте, Хэл, я все собственными глазами видела!

Я прищурилась. Он тоже, но возражать не стал.

– И наконец, вы едва одолели расстояние от ворот до входной двери – а тут всего-то футов двадцать, – как у вас начался самый настоящий астматический статус¹³. Слыхали о таком прежде?

– Нет... – пробормотал он.

– Так вот, теперь слышали, причем испытали на собственном опыте. Сколько в прошлый раз вы провели в постели – неделю? А тот приступ разве мог сравниться с нынешним?

Пардлоу сжал губы в тонкую линию. Глаза его испускали молнии. Вряд ли кто осмеливался говорить с герцогом в подобном тоне. Ничего, ему полезно...

– Чертов доктор сказал... все из-за сердца. – Пардлоу разжал кулак, поглаживая грудь. – Я-то знал, что это не оно.

– Думаю, вы правы, – согласилась я. – Это тот самый доктор, который дал вам нюхательные соли? Если так, он и впрямь шарлатан.

Герцог сдавленно хохотнул.

– Пожалуй. – Он замолк, чтобы перевести дух. – Хотя... если по правде... соли он мне не давал. Я сам... Из-за обмороков... Я же говорил.

– Да, помню.

¹³ Астматический статус – тяжелое осложнение бронхиальной астмы, возникающее в результате длительного некупирующегося приступа. Может привести к летальному исходу.

Я села рядом и взяла его за запястье. Герцог вырваться не стал, с любопытством на меня поглядывая. Пульс был хорошим: неторопливым и ровным.

– И давно у вас обмороки?

Я наклонилась, заглядывая ему в глаза. Точечного кровоизлияния нет, признаков желтухи тоже, зрачки одинаковые...

– Довольно давно. – Герцог вдруг с силой отнял руку. – Мадам, у меня нет времени болтать о здоровье! Я...

– Клэр. – Я с улыбкой положила руку ему на грудь, удерживая на месте. – Вы – Хэл, я – Клэр. И вы, ваша светлость, никуда не пойдете.

– Руки уберите!

– У меня большое искушение и впрямь вас отпустить – и полюбоваться, как вы падаете на пол! Но сперва надо дождаться, пока миссис Фигг не сварит микстуру. Иначе вы будете метаться полудохлой рыбиной, а крючок изо рта достать нам будет нечем.

Хотя руку я все равно убрала, встала и вышла из комнаты прежде, чем Пардлоу втянул в себя нужное количество воздуха, чтобы достойно ответить.

Дженни стояла у пустого дверного проема, выглядывая наружу.

– Что там? – спросила я.

– Не знаю. – Она не отводила глаз от кучки оборванцев, которые слонялись на другом конце улицы. – Но мне это не нравится. Думаешь, он прав?

– Насчет того, что британская армия уходит? Да. А с ними – половина лоялистов города.

Я хорошо понимала, из-за чего тревожится Дженни. Воздух был горячим и густым; как обычно, трещали цикады, а листья каштанов висели унылыми тряпочками. Однако в атмосфере уже ощущалось нечто чуждое. Волнение? Паника? Страх? Или даже все разом...

– Как думаешь, может, лучше сходить в типографию? – спросила она, хмуря брови. – Забрать Марсали и детей... Наверное, здесь им будет безопаснее? Вдруг бунт начнется или еще что...

Я покачала головой:

– Вряд ли. Все же знают, что они патриоты. Это лоялистам теперь придется несладко. Раз британской армии нет, защищать их некому, и повстанцы могут делать с ними все, что захотят. А здесь... – По позвоночнику будто провели скользким ледяным пальцем. – А здесь дом лоялиста.

«Причем даже без двери; захочешь – не запрешься», – хотела добавить, но не стала.

Из комнаты донесся грохот падения, но мы с Дженни и глазом не моргнули, за долгие годы привыкнув к общению с упрямыми. Я отсюда слышала, как дышит герцог – вот если начнет опять хрипеть, тогда и приду.

– А тебе самой не опасно его здесь держать? – поинтересовалась Дженни вполголоса, кивая в сторону гостиной. – Может, лучше отвезти его в типографию?

Я задумчиво поморщила лоб. Письма, которые отнес Жермен, ненадолго сдержат поиски, а я отважу любого, кто придет в дом. Однако на помощь солдат в случае чего можно не рассчитывать. Мало ли что произойдет. Вдруг в толпе расслышали адрес, который я назвала носильщикам...

Если повстанцы сплотятся и выступят против беззащитных лоялистов... Я ведь чувствовала царившее в городе напряжение.

– Тебе на крыльцо запросто могут притащить бочонок смолы и мешок перьев, – подхватила Дженни, вторя моим самым мрачным мыслям.

– М-да, не лучшее средство против астмы, – пошутила я, и она фыркнула.

– Может, стоит отдать его светлость генералу Клинтону? Мне уже доводилось прятать в шкафу беглеца, пока солдаты обыскивают мой дом. Вряд ли Сыны свободы, которые явятся за

герцогом, будут вести себя вежливее... Особенно если то, что рассказывала про них Марсали, хоть наполовину правда.

– Может, и стоит...

Тяжелую нависшую тишину разорвал грохот выстрела где-то возле реки. Мы встрепенулись. Впрочем, все было тихо, так что я осторожно выдохнула.

– Беда в том, что герцог очень болен. Я не могу протащить его через полгорода по пыльной грязной дороге и передать заботам армейского костолома или, допустим, того же шарлатана Хебди. Если у него начнется очередной приступ...

Дженни скривилась и неохотно признала.

– Да, ты права. И самой тебе нельзя уходить из дома: вдруг его светлости и впрямь станет хуже.

– Да, верно...

Тем более что Джейми будет искать меня именно здесь. Уходить нельзя.

– Знаешь, если Джейми не застанет тебя тут, то первым же делом отправится в типографию, – заметила Дженни.

– Можешь уже перестать?

– Что перестать? – удивилась она.

– Читать мои мысли!

– А, это... – Она хмыкнула, щуря синие глаза. – Клэр, все твои мысли написаны на лице.

Разве Джейми не говорил?

Я вся, до самого декольте, вспыхнула от смущения (и только сейчас поняла, что так и не сменила янтарное шелковое платье, теперь насквозь мокрое от пота, изрядно запылившееся и вообще потерявшее всяческий вид; вдобавок корсет невыносимо сдавливал грудь). Надеюсь, все-таки я для Дженни не открытая книга. Некоторыми своими соображениями делиться с ней вовсе не хотелось.

– Хорошо, я знаю не все, о чем ты думаешь, – признала она (опять, черт бы ее побрал!). – Но когда ты думаешь о Джейми, это сразу понятно.

Разговор, перешедший на обсуждение моей предательской мимики, мне не нравился. Поэтому я решила извиниться и проведать герцога, который кашлял и вполголоса бранился по-немецки, – однако мое внимание привлек бегущий вдалеке паренек в куртке наизнанку, из-под которой белел подол рубашки.

– Коленсо! – воскликнула я.

– Что? – обернулась Дженни.

– Не что! Кто! Он! – Я ткнула пальцем в маленькую фигурку на другом конце улицы. – Коленсо Барагванат. Грум нашего Уильяма!

Коленсо бежал к дому с такой скоростью, что чуть не сбил нас с Дженни с ног. Мы едва успели отпрянуть. У самого порога он споткнулся и упал лицом вниз.

– Да за тобой словно черт рогатый гонится, парень! – сказала Джейми, помогая ему подняться. – И куда ж ты штаны подевал?

Юноша впрямь был в одной лишь рубашке под курткой, да еще и босой.

– Они забрали, – задыхаясь, выпалил он.

– Кто они?

Я сняла с него куртку и вывернула как надо.

– Они! – Он беспомощно ткнул пальцем в сторону Локаст-стрит. – Я в таверну заглянул, искал лорда Элсмира... А там уйма мужчин, и все гудят, что твой пчелиный рой... Здоровяки, каких поискать. Один меня узнал и как завопит, что я за ними шпионю, хочу донести солдатам. Схватили меня, назвали перебежчиком, куртку вывернули... Один сказал, что прочит меня, на всю жизнь запомню! Штаны стянул и... и... В общем, я как-то вывернулся, прополз под столами и дал деру. – Он утер нос рукавом. – Мадам, а лорд Элсмир дома?

– Нет. Зачем он тебе?

– Ох, не мне, мадам... Его майор Финдли разыскивает. Срочно.

– Хм... Ладно, где бы он ни был, вечером точно появится у себя дома. Ты ведь знаешь, где он живет?

– Да, мадам, только на улицу без штанов я не пойду! – испуганно и в то же время возмущенно выпалил Коленсо. Дженни засмеялась.

– Не стыдись, парнишка. У моего старшего внука найдется пара старых штанов как раз тебе впору. Я в типографию, – сообщила она мне. – Принесу штаны и расскажу Марсали, что творится.

– Хорошо, – неохотно согласилась я, не желая ее отпускать. – Только поспеши назад. И скажи, пусть не вздумает печатать это в газете!

Глава 10

Схождение святого духа на нерадивого апостола

Дэн Морган не солгал: до его «рядом» и впрямь оказалось рукой подать; по заросшей аллее от дорожного тракта в вязовую рощицу, где притаилась ветхая хижина. Возле нее щипал траву толстый серый мерин, чья упряжь валялась на крыльце; он вскинул голову и негромким ржанием поприветствовал гостей.

Джейми вслед за Дэном нырнул в дверной проем и очутился в темной грязной комнате, где воняло кислой капустой и мочой. Окно было лишь одно – с распахнутыми ставнями, сквозь которые солнечный свет падал на продолговатую макушку сидящего за столом высокого мужчины, обернувшегося на стук двери.

– Полковник Морган, – негромко сказал он, на южный манер растягивая слова. – Надеюсь, вы с добрыми вестями?

– Не просто с вестями, генерал! – воскликнул старина Дэн и подтолкнул Джейми к столу. – Вот, встретил по дороге этого пройдоху и, само собой, пригласил к нам. Тот самый полковник Фрэзер, о котором я рассказывал. Прямоком из Шотландии – и, думаю, готов взять на себя командование войсками Тейлора.

Мужчина встал и с улыбкой протянул руку, хотя губы при этом сжимал так плотно, будто боялся мимоходом сболтнуть что-то лишнее. Ростом он не уступал Джейми – и тот, заглянув в пронзительные серо-голубые глаза, понял, что с него в один краткий миг сняли мерку.

– Джордж Вашингтон, – представился тот. – К вашим услугам, сэр.

– Джеймс Фрэзер... – чуть оторопело отозвался тот. – Ваш... наипокорнейший слуга...

Сэр!

– Присядьте, мистер Фрэзер. – Великан из Вирджинии указал на грубую скамью возле стола. – У меня охромел конь, раб пошел искать другого. Понятия не имею, как быстро он вернется, потому что мне нужен крепкий зверь, способный выдержать мой вес, а не те дохлые клячи, которые остались в округе. – Он окинул Джейми цепким взглядом, габариты их примерно совпадали. – Вряд ли у вас найдется подходящая лошадь...

– Найдется, конечно же! – Ведь именно на такой ответ Вашингтон и рассчитывал. А Джейми уступил безо всякого сожаления. – Не окажете ли мне честь принять ее в дар, генерал?

Старина Дэн раздраженно хмыкнул и переступил с ноги на ногу, явно желая возразить, но Джейми коротко махнул ему головой. До Филадельфии всего ничего, доберется и пешком.

Вашингтон обрадовался и стал сердечно благодарить Джейми, заверяя, что лошадь вернут ему в тот же миг, как только найдут ей замену.

– Однако в настоящий момент я никак не могу без нее обойтись, – с сожалением сказал он. – Вы же наверняка знаете, что Клинтон отзывает войска из Филадельфии?

Джейми будто молнией тряхнуло.

– Я не... То есть... Нет, сэр, я не знал.

– Я как раз хотел рассказать, – обиженно заявил Дэн. – Вечно мне не дают и слова вставить.

– Почему же – дали, – не без иронии заметил Вашингтон. – Можете еще парочку вставить, если поторопитесь прежде, чем сюда нагрянет Ли. Садитесь, джентльмены, если не против подождать... А! Вот, собственно, и они.

С улицы донесся шум приближающегося конного отряда, и через пару минут в хижину набились офицеры Континентальной армии.

Они, пропыленные и взмокшие, были одеты в разношерстные мундиры, а кое-кто – так и просто в домотканые штаны и рубахи. Одежда за долгие дни в походе заносилась и заляпалась грязью; запах от мужских тел перебивал и без того не самое приятное амбре в хижине.

Впрочем, за всей суетой и шумом Джейми все равно нашел источник резкого запаха мочи: в самом дальнем углу, прижимаясь к стене, стояла худенькая женщина, держащая у груди завернутого в платок младенца. Ее взгляд испуганно перебегал с одного неожиданного гостя на другого. По платку расплывалось темное пятно, но мать боялась сдвинуться с места и сменить пеленку, только переступала с ноги на ногу, похлопывая ребенка, чтобы его успокоить.

– Полковник Фрэзер! Какая встреча! Надо же!

Джейми с удивлением обнаружил, что ему трясет руку Энтони Уэйн – ныне известный как Безумный Энтони, – с которым он последний раз виделся задолго до Тикондероги.

– Как ваша супруга? Как ваш племянник-индеец? – спрашивал тот, улыбаясь во все зубы. Энтони был невысоким и кряжистым, с круглыми, как у бурундука, щеками, острым любопытным носом и яркими глазами, изредка так и полыхавшими бешеным огнем. Хотя сейчас они, к счастью, светились лишь дружеским интересом.

– Все хорошо, сэр. Благодарю. И...

– Скажите, а ваша супруга тоже где-нибудь поблизости? – Уэйн понизил голос: – А то подагра меня вконец замучила, проклятая, а ваша супруга тогда, в Тикондероге, сотворила настоящее чудо с тем абсцессом у меня на спине...

– Полковник Фрэзер, позвольте представить вам генерал-майора Чарльза Ли и генерала Натаниэля Грина.

Голос Вашингтона с протяжным акцентом, к счастью, положил конец рассказам Безумного Энтони про его недуги.

Чарльз Ли был одет лучше всех присутствующих, не считая самого Вашингтона: в полную униформу от горжета до начищенных сапог. Джейми никогда прежде его не встречал, но все равно, даже невзирая на платье, узнал бы в нем опытного солдата. Англичанин держался с таким видом, будто чуял дурной запах, но руку пожал не брезгливо, обронив вполне искренне: «Рад знакомству, сэр». О Чарльзе Ли Джейми знал две вещи – и обе рассказал ему Йен: что у него жена из моговков и что индейцы называют его *Оуневатерика*. Йен говорил, это значит «кипящая вода».

Стоя между Кипящей Водой и Безумным Энтони, Джейми начал сознавать, что ему надо было пришпорить коня и рвануть куда подальше в тот же миг, как только он увидел на дороге Дэна Моргана. Однако что толку жалеть...

– Садитесь, джентльмены, не будем тратить время попусту. – Вашингтон повернулся к женщине в углу. – Миссис Хардман, у вас найдется выпить?

Она нервно сглотнула, сжимая ребенка так сильно, что тот по-пороссячи взвизгнул и разревелся. Кое-кто из мужчин – отцов, должно быть, – поморщился.

– Нет, друг, – ответила женщина, и Джейми понял, что она квакер. – Только вода из колодца. Принести ведро?

– Не утруждайся, друг Хардман, – негромко заговорил Натаниэль Грин. – У меня в седельной сумке найдется пара бутылей, нам хватит. – Он медленно, чтобы не напугать, подошел к женщине и взял ее под руку. – Идем на улицу. Тебе нет нужды проявлять гостеприимство.

Грин был очень высоким и крупным мужчиной, сильно хромал вдобавок, но женщина, замороженная его простой речью, покорно пошла следом – хоть и тревожно оборачивалась на ходу, словно опасаясь, как бы ее хижину не спалили.

Четверть часа спустя Джейми и сам не был уверен, что хижина уцелеет. Воздух внутри раскалился до предела. Последние шесть месяцев Вашингтон со своими людьми безвылазно проторчал в Валли-Фордж, и теперь офицеры рвались в бой.

Разговоры становились громче, планы множились, со всех сторон сыпали возражениями... Джейми слышал вполуха, мыслями он уже умчался в Филадельфию. От Фергуса он узнал достаточно, чтобы понять: город раздирают на части две силы – лоялисты и патриоты. До недавней поры их сдерживали лишь британские солдаты. Однако лоялистов – меньшинство. Как только армия уйдет, они окажутся во власти повстанцев – а те, само собой, отыграются за столько месяцев унижений.

А Клэр... Во рту у Джейми пересохло. Все в Филадельфии знают, что она замужем за лордом Джоном – видным лоялистом. Вдобавок самого Грея рядом нет... милостью Джейми. Клэр теперь одна, беспомощная, в готовом взорваться городе.

Как скоро последние британцы покинут Филадельфию? Увы, этого никто не знал...

Джейми практически не принимал в разговоре участия: прикидывал, сколько времени потребуется, чтобы дойти до Филадельфии пешком (а может, выйти вроде как в уборную – и умыкнуть лошадь, которую он отдал Вашингтону?). Он торопился уйти не только из-за Клэр, но и потому, что помнил слова старины Дэна, когда тот представлял его генералу Вашингтону.

Не хватало еще, чтобы...

– Так что скажете, полковник Фрээр? – спросил Вашингтон. Джейми закрыл глаза и вернул душу Господу. – Окажете ли вы мне услугу, приняв командование батальоном Генри Тейлора? Тот тяжело заболел и скончался два дня назад.

– Это... большая честь, сэр, – выдал Джейми. – Однако у меня в Филадельфии... одно неотложное дело. Как только решу его – я к вашим услугам. И, конечно же, я принесу из города последние известия о том, как обстоят дела с войсками генерала Клинтона!

Вашингтон нахмурился было, услышав отказ, но последняя часть фразы заставила Грина и Моргана одобрительно хмыкнуть, а Уэйн склонил мелкую бурундучью голову.

– Хватит ли вам трех дней, полковник?

– Да, сэр!

До города не больше десяти миль – за пару часов доберется. А чтобы забрать Клэр, достаточно и минуты.

– Вот и славно. Вы представлены к временному полевому званию генерала. И...

– *Ifrinn!*

– Прошу прощения, полковник? – удивился Вашингтон. Дэн Морган, который и прежде слышал, как чертыхается на гэльском Джейми, потрясенно застыл.

– Я... благодарю вас, сэр!

Джейми сглотнул, ощущая головокружительную волну жара.

– Хотя ваше назначение должен одобрить Конгресс, – чуть хмуро продолжил Вашингтон. – И есть немалая вероятность, что эти продажные сукины дети откажут.

– Понимаю, сэр, – заверил Джейми. Вся надежда теперь только на Конгресс.

Дэн Морган протянул бутылку, и он сделал большой глоток, едва замечая, что пьет. Совершенно взмокший, опустился на скамью, надеясь избежать еще каких-нибудь назначений.

Господи, и как быть теперь? Он-то рассчитывал по-тихому проникнуть в город, забрать Клэр и поехать куда-нибудь на юг, в Чарльстон или Саванну, где можно будет поставить печатный станок и до конца войны заниматься спокойным делом. А потом вернуться в Ридж. Джейми знал, что в любом случае рискует: нынче каждый мужчина младше шестидесяти лет призывался на воинскую службу, и, если уж на то пошло, безопаснее быть генералом, чем командовать мелким отрядом ополченцев. Кроме того, генерал может уйти в отставку... Единственная ободряющая мысль.

За этими разговорами Джейми украдкой разглядывал Вашингтона, обращая внимание и на то, как он говорит, и как движется, чтобы потом во всех подробностях пересказать Клэр. Жаль, что Брианна не услышит; они с Роджером Маком не раз размышляли о том, каково это –

повстречать вдруг персону вроде Вашингтона... Хотя Джейми по опыту общения со многими известными личностями сказал бы, что зачастую то еще разочарование.

Впрочем, надо признать, Вашингтон вел себя достойно: он больше слушал, чем говорил, и замечания отпускал строго по делу. Держался уверенно и непринужденно, однако чувствовалось, что грядущие события весьма его волнуют. Лицо у него было рябым и совсем некрасивым, однако светилось достоинством и присутствием духа.

Внезапно он оживился и стал изредка хохотать, показывая крупные испещренные пятнами зубы. Джейми зачарованно распахнул глаза: Брианна говорила, они ненастоящие, сделаны то ли из дерева, то ли из кости гиппопотама. Невольно Джейми вспомнил о Старом Лисе: у деда тоже была вставная челюсть из бука. Когда-то давным-давно, в пылу спора, Джейми швырнул ее в огонь – и на мгновение он словно бы опять очутился в замке Босфор, почувствовал запах торфяного дыма и жареной оленины, а каждый волосок на теле ощерился колючкой, напоминая, что он в доме врага и любой из родичей с радостью его прикончит.

И столь же неожиданно он вернулся: оказался вдруг на скамье между Ли и стариной Дэном, чувствуя запах пота и волнения, от которого невольно вскипала кровь.

Странное это чувство: сидеть в шаге от человека, с которым практически не знаком, но о котором знаешь едва ли не больше его самого.

Впрочем, он и прежде сидел рядом с Чарльзом Стюартом, зная, какая участь ему уготована, потому что об этом рассказывала Клэр.

Хотя... Иисус говорил Фоме: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». А как назвать того, кто все-таки видел и теперь вынужден жить с этим знанием? Увы, это трудно назвать благословением...

* * *

Прошло не меньше часа, прежде чем Вашингтон распрощался с остальными генералами. Джейми не раз успел подумать, что проще вскочить, опрокинуть стол и сбежать, а Континентальная армия пусть сама разбирается со своими бедами.

Он по опыту знал, как медленно движутся войска, не растрчивая попусту силы. Да и Вашингтон, похоже, считал, что британцы покинут Филадельфию не ранее чем через неделю. Только бесполезно себя убеждать, что времени еще достаточно – тело, казалось, живет собственными желаниями. Джейми мог подавить голод, жажду, усталость и боль от ран... Однако не мог ничего поделать с необходимостью увидеть сию же минуту Клэр.

Наверное, это и есть тот самый «переизбыток тестостерона», о котором частенько упоминали они с Брианной, когда говорили о странном, на их взгляд, поведении мужчин. Надо будет как-нибудь спросить, что такое этот самый «тестостерон»...

Джейми заерзал на скамье, пытаясь сосредоточиться на словах Вашингтона.

Наконец в дверь постучали, и в хижину заглянул темнокожий мужчина.

– Готово, сэ, – сказал он с протяжным акцентом, выдававшим уроженца Вирджинии.

– Благодарю, Цезарь. – Вашингтон кивнул в ответ, поставил обе руки на стол и поднялся. – Итак, договорились, джентльмены? Генерал Ли, вы едете со мной. С остальными, как условлено, встретимся на ферме Сатфина, если не поступит иных распоряжений.

Сердце у Джейми радостно скакнуло, и он хотел было встать, но старина Дэн схватил его за рукав.

– Погодите-ка минутку. Надо же узнать о своем новом отряде, так?

– Я... – начал Джейми и огляделся, но помощи ждать было неоткуда.

Поэтому он сел, дожидаясь, пока Натаниэль Грин поблагодарит миссис Хардман за гостеприимство и вручит ей небольшую компенсацию от армии за труды. Джейми был готов побиться об заклад, что монеты в кошельке вовсе не армейские, а самого Грина, но женщина

взяла их, хоть на измученном лице не отразилось ни толики радости. Плечи ее поникли, как только последние генералы скрылись за дверью. Все-таки их присутствие подвергало женщину с ребенком немалой опасности – кто-нибудь мог увидеть в ее доме людей в форме Континентальной армии.

Она мельком взглянула на них с Дэном, но, кажется, их общество тревожило ее меньше – все-таки они в гражданском платье. Свой мундир Дэн снял и, вывернув наизнанку, сложил рядом на скамье.

– Ну как, нимб голову не печет? – спросил он вдруг.

– Что?!

Джейми оторопел.

– «В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!»¹⁴ – процитировал Дэн и широко ухмыльнулся.

– Моя Эбигейл – женщина набожная и частенько зачитывает мне куски из Библии в надежде, что я остепенюсь, хотя, надо сказать, пользы от ее усердия мало.

Он вытащил из холщового мешка пачку потрепанных бумаг с загнутыми уголками, роговую чернильницу и пару рваных перьев.

– Итак, прежде чем свежевоскрешенный Иисус наш удалится по своим делам, позвольте написать имена ваших ротных командиров и указать их расположение, потому что находятся они все вовсе не в лагере. Миссис Хардман, мадам, вас не затруднит принести капельку воды для чернил?

Джейми приложил все силы, чтобы справиться с этим делом побыстрее, и следующие пятнадцать минут разбирал каракули, нацарапанные медлительной рукой Дэна.

До Филадельфии идти часа два... может, три...

– У вас есть деньги на первые расходы? – у самых дверей спросил Дэн.

– Ни пенни, – признался Джейми, бросая взгляд на пояс, где обычно болтался кошель. Он давно отдал его Дженни, чтобы та во время дороги могла развлечься и купить какие-нибудь безделушки. А сегодня утром он так торопился увидеть Клэр, что из типографии выскочил, не прихватив ничего, кроме одежды на плечах и пачки листовок для Фергуса.

Джейми задумался на минуту, как все сложилось бы, не попадись он на глаза солдатам, когда передавал Фергусу бумаги, – тогда он не привел бы за собой погоню в дом лорда Джона... не столкнулся бы с Уильямом...

Хотя сокрушаться в любом случае уже поздно.

Дэн снова залез в свой мешок, выудил еще один, поменьше, и звенящий кошель впридачу.

– Вот, немного еды на дорогу и аванс в счет вашего генеральского жалованья, сэр. – Он расхохотался над собственной остроумной шуткой. – Униформу придется купить; ни один портной в Филадельфии не возьмется за пошив мундира Континентальной армии. И горе вам, если предстанете пред очи Джорджа Вашингтона в ненадлежащем виде. Он рьяный сторонник мундиров: говорит, нельзя внушить к себе уважение, если выглядишь последним оборванцем. Хотя вы и сами, небось, это знаете.

Дэн (который в обеих битвах под Саратогой сражался в одной лишь охотничьей рубаше, из-за жары повесив мундир на ветку) широко улыбнулся. На загорелой коже ярко проступил белый шрам у верхней губы, там, где пуля прошла навывлет.

– Засим позвольте откланяться, генерал Фрэзер!

Джейми фыркнул, но все же с улыбкой встал, чтобы пожать Дэну руку. Затем вернулся к разбросанным по столу бумагам, сложил их вместе с кошелом (и одиноким пером, которое

¹⁴ Евангелие от Иоанна, 20:19.

позабыл старина Морган) в сумку. За еду он был особенно благодарен: мешок источал аромат вяленого мяса и лепешек, на дне прощупывались твердые яблоки. Утром Джейми даже позавтракать не успел.

Он встал – и вдруг ногу от поясницы до самой стопы белой вспышкой пронзила боль. Ахнув, Джейми упал на табурет: нижнюю часть спины и правую ягодицу скрутило судорогой.

– Господи Иисусе, Пресвятая Дева Мария, только не сейчас! – простонал он сквозь зубы не то молитву, не то проклятие.

Первый раз спина хрустнула, еще когда он избивал Джона Грея, но тогда в пылу схватки Джейми не обратил на это внимания. Потом, в седле, был слишком занят невеселыми мыслями. А теперь, после часа на жесткой скамье, мышцы успели вконец заоченеть, и...

Он попытался было встать, но тут же сполз обратно. Уперся в столешницу кулаками, склонил голову и произнес на гэльском пару фраз – отнюдь не молитвенных.

– Все хорошо, Друг мой?

Хозяйка дома тревожно прищурилась.

– Се... кундочку, – выдавил Джейми, пытаясь дышать так, как учила Клэр, чтобы снять спазмы.

– У вас будто бы схватки, – насмешливо сказала женщина.

Прежде и сам Джейми находил это забавным, но не сегодня.

Боль понемногу улеглась. Он вытянул ногу и очень медленно снова согнул. Вот так, потихоньку... Но только он приподнялся, всю нижнюю часть тела опять сковало, и ягодицу прострелило слепящей болью.

– У вас есть... виски?.. Или ром?

Только бы встать на ноги... Однако женщина покачала головой.

– Прости, Друг. Даже пива нет. И молока для детей тоже, – с горечью добавила она. – Солдаты всех коз увели.

Она не уточнила, что за солдаты; впрочем, ей было и не важно. Джейми, буркнув под нос извинения на тот случай, если это были борцы за независимость или ополченцы, снова опустился на стул. Такое с ним случалось уже трижды – неожиданная вспышка боли напрочь лишала его возможности двигаться. Первый раз он встал на ноги лишь на четвертый день, потом – на второй, но следующие несколько недель все равно передвигался с большим трудом.

– Сильно болит? Могу дать сироп из ревеня, – предложила женщина.

Джейми выдавил улыбку, но покачал головой.

– Благодарю, мэм. Просто спину прихватило. Сейчас отпустит и будет легче.

Беда в том, что отпустит далеко не сразу, и все это время он будет практически беспомощен. Джейми начинал паниковать.

– Ох...

Женщина нерешительно замерла, но тут заплакал ребенок, и она взяла его на руки. Из-под кровати выползла девочка – мелкая еще, лет пяти-шести – и с любопытством уставилась на Джейми.

– Ты останешься на ужин? – на удивление четко заговорила она и нахмурилась. – Кажется, ты очень много ешь.

Похоже, она все-таки постарше – лет восьми, а то и девяти. Джейми улыбнулся. От боли на лбу выступила испарина, но уже можно было дышать.

– Вашу еду, *nighean*¹⁵, я брать не буду, – заверил он. – Более того, в сумке у меня есть добрый ломоть хлеба и мясо, это тебе.

Глаза у нее стали размером с монету, и Джейми уточнил:

– Я хочу сказать, всем вам.

¹⁵ Дочка (гэльск.).

Она усталилась на сумку и жадно сглотнула слюну. У Джейми засосало под ложечкой.
– Прю! – прошептала девочка, глядя под стол. – Еда!

Оттуда выползла еще одна малышка и встала рядом. Обе они были тощие, что твои жерди, но при этом совершенно разные на вид.

– Я слышала, – сообщила новенькая и торжествующие посмотрела на Джейми. – Не вздумай пить мамин сироп из ревеня, – предупредила она. – Дерьмо так и поперет, до уборной не успеешь убежать...

– Пруденс!

Та благоразумно замолчала, хотя по-прежнему бросала на Джейми любопытные взгляды. Ее сестра встала на колени и, пошарив под кроватью, выудила глиняный коричневый горшок – важный предмет домашнего обихода.

– Мы, если надо, отвернемся...

– Пейшенс!

Миссис Хардман, красная от смущения, отняла горшок у девочек и погнала их к столу, куда (мельком взглянув на Джейми и убедившись, что он не передумал) выложила хлеб и мясо из его сумки, скрупулезно поделив их на три части: две побольше для дочерей, одну поменьше – для себя, отложив ее в сторону.

Горшок она оставила на полу у кровати. Джейми заметил белую надпись на дне. Он прищурился, чтобы разобрать при тусклом свете буквы, и улыбнулся. Вокруг пчелки, озорно подмигивающей из горшка, вилась латинская надпись: *Iam apis potanda fineo ne.*

Такие штуки он встречал и прежде: в эдинбургском борделе, где он когда-то снимал комнату, было полным-полно посуды с подобными каламбурами на псевдолатыни. Иногда откровенно вульгарными, иногда, как здесь, вполне удачными.

Если читать по-латыни, звучит как бред: «Не пейте пчелу сейчас», но если по-другому расставить пробелы в словах, на английском они обретают смысл: «Я ночной горшок, причем отличного качества».

Джейми задумчиво уставился на миссис Хардман. Вряд ли надпись – ее рук дело. Скорее всего, ее супруг был человеком образованным... Причем, судя по нищете в доме, именно что «был»... Джейми мысленно перекрестился.

Проснувшийся младенец возился в колыбели, попискивая, словно новорожденный лисенок. Миссис Хардман взяла его на руки, ногой подтянув потертый стульчик для кормления. Положив на минутку ребенка на кровать рядом с Джейми, она расстегнула лиф, свободной рукой подхватив при этом яблоко, которое случайно столкнула локтем со стола одна из старших девочек.

Ребенок жадно чмокал губами, изголодавшись не меньше сестер.

– Я так понимаю, это маленькая Честити? – спросил Джейми.

– Откуда вы знаете, как ее зовут?! – поразились миссис Хардман.

Джейми взглянул на Пруденс и Пейшенс – Благоразумие и Терпение, – которые жадно набивали рты мясом.

– Ну, девочек по имени Трезвость и Стойкость я прежде не встречал, остается только Целомудрие, – негромко ответил он. – Пеленки совсем промокли, у вас есть чистые?

У очага сушились две изношенные тряпицы. Женщина сняла одну и, повернувшись, обнаружила, что Джейми уже распутал отсыревший подгузник, как называла эти штуки Клэр, и, придерживая ребенка за ножки, вытирает младенческую попку.

– Как вижу, у вас есть дети...

Миссис Хардман удивленно приподняла бровь. Кивнув, она забрала грязную пеленку и бросила ее в ведро с водой и уксусом, стоявшее в дальнем углу.

– Уже внуки.

Джейми пошевелил пальцами перед носом крошки Честити. Та скосила глаза и восторженно засучила ножками.

– Не говоря уж о шести племянниках и племянницах.

Как там поживают Джем и Мэнди? И не задыхается ли бедняжка Анри-Кристиан? Джейми пощекотал розовую гладкую пяточку, вспоминая на удивление красивые голубоватые пальчики Мэнди: длинные, как у лягушки.

– Вся в тебя, – сказала тогда Клэр, щекоча Мэнди другую ножку. И вдруг большой пальчик у внучки подогнулся. Как же Клэр это называла?..

Он попробовал сам сейчас провернуть этот трюк – и чуть не захлебнулся от восторга, когда пальчик Честити тоже дернулся от щекотки.

– Бабинского, – сообщил он миссис Хардман, вспомнив наконец странное имя. – Рефлекс Бабинского – вот как называется, если у ребенка подгибается пальчик.

Миссис Хардман удивилась – и еще больше, когда он ловко спеленал малышку и закутал ее в одеяльце. Женщина взяла ребенка и с непередаваемым выражением лица села на стул, прикрывшись шалью. Джейми, будучи неспособен отвернуться, зажмурил глаза, чтобы ее не смущать.

Глава 11

Помните Паоли!

Было непросто утирать с лица пот связанными руками. И совсем уж невозможно – уберечь от соли раненый глаз, распухший и несмыкающийся. Пот непрерывной струйкой бежал по щеке и капал с подбородка. Заморгав, чтобы хоть на секунду вернуть ясность зрения, Джон Грей не заметил низкую ветку посреди тропинки, стукнулся об нее лбом и упал.

Шедшие следом остановились, недовольно забурчав и забряцав оружием. Грея подхватили и грубым рывком подняли на ноги, однако высокий костлявый солдат, чьим заботам поручили пленника, лишь негромко сказал: «Осторожней, милорд» – и легонько толкнул в спину вместо того, чтобы дать хорошего пинка.

Воодушевленный столь добрым поведением, Грей поблагодарил мужчину и спросил его имя.

– Мое? – удивился тот. – Ох... Бампо. Нэтти Бампо. – И спустя миг добавил: – Хотя все зовут меня Ястребиный Глаз.

– Неудивительно, – вполголоса заметил Грей и, поклонившись на ходу, кивком указал на длинный мушкет, висевший у мужчины за спиной. – Рад знакомству, сэр. Как понимаю, это потому, что вы отличный стрелок?

– А вы, ваша светлость, сообразительный, – насмешливо протянул Бампо. – А что? Пострелять хотите?... Или подстрелить кого?

– У меня целый список, – сообщил Грей. – Обязательно к вам обращусь, как только его допишу.

Он скорее почувствовал, чем услышал, как Бампо беззвучно хохочет.

– Позвольте-ка угадаю, первым в вашем списке числится тот верзила шотландец, который вам в глаз засветил?

– Да, его имя в верхних строках.

Вообще-то Грей еще не определился, кого прикончить первым: Джейми Фрэзера или своего чертова братца. Скорее всего, Хэла. Будет весело, если из-за брата его, собственно, и расстреляют. Хотя его похитители вроде как предпочитают пленников вешать...

Это напомнило о том разговоре, который Грей слышал, прежде чем они свернули в лес, на оленью тропу, заросшую терновником и кишашую клещами и кусачими мухами размером с ноготь большого пальца.

– Мистер Бампо, а вы, случаем, не знаете, что такое или кто этот самый Паоли? – вежливо спросил он, носком сапога отшвыривая с тропинки еловую шишку.

– Вы не знаете про Паоли?! – пораженно воскликнул мужчина. – Вы что, в Америку вчера приехали?

– Можно и так сказать, – сдержанно ответил Грей.

– А. – Бампо задумался, приравливаясь к более короткому шагу Грея. – Хотя, если по правде, про ту битву и впрямь мало кто слышал. Генерал-майор Грей – поговаривают, ваш родич – со своим отрядом как-то ночью пробрался в лагерь генерала Уэйна. Грей не хотел выдать себя случайной вспышкой от кремня, поэтому велел орудовать одними лишь штыками. Человек сто зарезали прямиком в постелях, точно свиней!

– В самом деле?... – Грей попытался припомнить, в какой из недавних битв были такие потери, но не смог. – А при чем тут Паоли?

– А. Так таверна неподалеку называлась – «Таверна Паоли».

– Ясно. И где это? Где находится то место? И когда именно случилась битва?

Бампо задумчиво вытянул губы, потом поджал их.

– Под Малверном где-то, в прошлом сентябре. Резня в Паоли, так ее называют, – добавил он с некоторым сомнением.

– Резня? – переспросил Грей.

В тех краях он бывал, хоть и немного позднее, и даже слышал о недавнем сражении – однако резней его никто не называл. Впрочем, многое зависит от того, с какой стороны смотреть... А вообще Уильям Хау очень одобрительно отзывался об успешной вылазке отряда британцев, которые практически без потерь – всего семеро убитых! – разгромили целую американскую дивизию.

Видимо, и Бампо сомневался в уместности столь пафосного названия.

– Ну, так люди поговаривают. – Он пожал одним плечом. – Я б сам резней это не назвал... Но я-то повидал в жизни всякого, а другие вот – нет.

– Чего, например, всякого?

Глядя на высоченного косматого бандита, Грей ничуть не сомневался в его богатом жизненном опыте.

– Меня вырастили индейцы, – с заметной гордостью заявил Бампо. – Могикане. Потому что всю мою родню убили, еще когда я совсем крохой был. Так что да, настоящую резню видеть мне приходилось...

– Правда? – спросил Грей; врожденная любезность обязывала его демонстрировать интерес на тот случай, если собеседник вдруг захочет продолжить рассказ. Тем более беседа помогла скоротать путь: они все шли и шли, а дороге, казалось, нет конца...

Хотя не то чтобы Грей торопился увидеть поскорее этот самый конец.

Как бы там ни было, за рассказами Бампо время пролетело незаметно, и Грей удивился, когда Вудбайн вдруг приказал остановиться у самых границ большого военного лагеря. Передышке Грей даже обрадовался: обувь на нем городская, не походная, и он давно изорвал в клочья чулки и стер ноги в кровь.

– Разведчик Бампо. – Вудбайн мимоходом кивнул спутнику Грея. – Отведите остальных к расположению Зика Боуэна. Я сам доставлю пленника к полковнику Смиту.

Его слова вызвали недовольный ропот: остальные предпочли бы составить командиру компанию, чтобы не пропустить казнь, которая наверняка должна была последовать незамедлительно. Вудбайн, однако, в своем решении был тверд, и ополченцы, бурча и сыпля проклятиями, нехотя поплелись за Нэтти Бампо.

Вудбайн проводил их взглядом, потом выпрямился, стряхнул гусеницу с потрепанного мундира и поправил ветхую шляпу.

– Ну что, подполковник Грей... Идем?

* * *

Рассказы Нэтти Бампо, полные крови и ужасающих подробностей, заставили Грея задуматься, что, возможно, повешение – не такая уж и плохая смерть. Правда, быть свидетелем резни ему пока что не доводилось, а вот повешенных он лицезрел не раз, и от одной этой мысли пересыхало во рту.

Глаз, хоть и меньше, но слезился, лицо распухло, и из-за сильного отека возникло ощущение, будто весь череп перекосило. Однако Грей задрал подбородок и смело, впереди Вудбайна, зашагал к рваной брезентовой палатке.

Полковник Смит поднял голову, удивляясь внезапному вторжению, однако Грей опешил куда сильнее.

Последний раз он видел Уотсона Смита в гостиной своей невестки в Лондоне два года назад – угощающимся сэндвичами с огурцом. Причем носил тот тогда мундир капитана «Буйвол»¹⁶.

– Мистер Смит. – Грей первым пришел в себя и учтиво поклонился. – Рад встрече, сэр.

Он сел на пустой стул, не дожидаясь приглашения, и открыто – насколько позволял заплаканный глаз – уставился на полковника.

Тот заметно вспыхнул, но откинулся на спинку кресла, собираясь с мыслями, прежде чем ответить. Роста он был невысокого, зато широкоплечий и с крепкой выправкой. Грей знал, что Смит опытный полководец. Настолько опытный, что обратился не к самому Грею, а к сопровождавшему его капралу Вудбайну.

– Капрал, как сюда попал этот джентльмен?

– Это подполковник лорд Джон Грей, сэр, – отрапортовал тот.

Вудбайна так распирало от гордости, что патент на воинский чин с сопроводительным письмом он выложил на стол с видом мажордома, подающего монаршей особе жаркое из фазана с алмазными глазками.

– Мы схватили его в лесу близ Филадельфии. Без униформы э-э-э... как видите, сэр. – Он резко откашлялся. – И он признал близкое родство с генерал-майором Греем. Тем самым – ответственным за резню в Паоли.

– Неужто? – Смит взял бумаги, вопросительно взглянув на Грея. – И что же он там делал?

– Там его колошматил полковник Фрэзер, сэр. Который из офицеров Моргана... Так он сказал, – уже с меньшим апломбом добавил Вудбайн.

Смит недоуменно моргнул.

– Фрэзер... Не помню такого. Значит, вы водите знакомство с полковником Фрэзером... подполковник Грей? – впервые обратился он напрямую к Джону.

Старательно выдержанная пауза говорила о многом. Впрочем, другого Грей и не ждал. Он утер, как мог, нос рукавом и расправил плечи.

– Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, сэр. Они неуместны. Мое имя, чин и полк вы уже знаете. Остальное – мое личное дело.

Смит прищурился. Глаза у него, к слову, были на удивление красивы – светло-серые, с темными бровями и ресницами, очень выразительные. Грей еще в прошлый раз заметил, когда тот пил чай у Минни.

Вудбайн кашлянул.

– Э-э-э... Полковник Фрэзер говорил, что этот человек его пленник, сэр. Но почему, не сказал, а когда я настоял на ответе... хм... ушел. Тогда мы обыскали его светлость... э-э-э... господина подполковника и обнаружили эти бумаги.

– Ушел, значит, – медленно выговорил Смит. – А вы, капрал, его отпустили?

Вудбайн подрастерял уверенность, но, не будучи трусом, набычился и хмуро посмотрел на Смита.

– Остановить его можно было лишь пулей в спину. Сэр, – резковато добавил он.

У Смита побелели ноздри. Англичанину, должно быть, непривычно командовать подобными людьми.

И жить в таких условиях тоже. Пусть мундир Смита был чистым и выглаженным, а парик – опрятным, но палатка, хоть и просторная, прошла уже немало кампаний и поистрепалась, пестря многочисленными заплатками и дырами. Что, в общем-то, даже неплохо, подумал Грей, с наслаждением прикрывая глаза, когда сквозь прореху пробился ветерок, разгоняя невыносимую духоту. Ужасно болела голова, а прохлада немного унимала мигрень.

¹⁶ «Буйволы» – 3-й пехотный полк, один из старейших полков британской армии.

– Хорошо, капрал, – спустя минуту заговорил Смит, так и не придумав, о чем еще спросить. – Молодцы, – запоздало добавил он.

– Благодарю, сэр. – Вудбайн замешкался, не желая упускать все веселье. – Позвольте спросить, сэр... как вы поступите с пленником?

Грей открыл глаза, с немалым интересом прислушиваясь к разговору. Оказалось, Смит глядит на него со странно хищным огоньком в глазах.

– О, что-нибудь придумаю, капрал Вудбайн, – заявил он. – Можете идти. Доброй ночи.

* * *

Смит встал и приблизился к Грею, вглядываясь ему в лицо. Тот ощущал исходящий от него мускусный запах пота.

– Вам врач нужен? – равнодушно, но без лишней враждебности спросил Смит.

– Нет, – ответил Грей. Бок болел нещадно, голова кружилась, но вряд ли врач чем-нибудь ему поможет. Тем более что после общения с Клэр он вовсе перестал доверять армейским костоломам, хотя и прежде не испытывал к ним особой приязни.

Кивнув, Смит вытащил из видавшего виды сундука две мятые оловянные чаши и глиняную бутылку – как оказалось, с яблочным сидром. Чаши он наполнил до краев, и какое-то время они с Греем сидели в тишине, потягивая напиток.

До летнего солнцестояния оставались считанные дни, и еще не стемнело, хотя снаружи доносился шум вечерней суеты. Взревел вдруг мул, его рев подхватили другие. Раздался стук колес – наверное, пушки? Грей вдохнул, раздувая ноздри: у артиллеристов свой особый запах – едкая смесь пота, черного пороха и раскаленного металла, куда более резкая, чем у пехотинцев с мушкетами. Стальная вонь навсегда въедается в одежду артиллериста, как и в его душу.

Однако сейчас Грей чуял не оружейные запахи, а аромат жареного мяса. Он просачивался в палатку, заставляя желудок жалобно урчать: с самого утра в нем не было ничего, кроме пива, которым Джон обычно завтракал. Смита немного передернуло при этом звуке, но он деликатно промолчал.

Допив свой сидр, полковник вновь наполнил чаши и откашлялся.

– Не буду досаждать вам вопросами, раз уж не хотите отвечать, – осторожно начал он. – Но если вы захотите что-нибудь узнать... по гражданским делам, оскорбляться не стану.

Грей сдержанно улыбнулся.

– Весьма любезно с вашей стороны, сэр. Хотите заверить меня в добром расположении? Уверяю, в этом нет необходимости.

На щеках у Смита вспыхнули яркие пятна.

– Это в мои намерения вовсе не входило, – сухо ответил он.

– Тогда прошу прощения.

Грей сделал еще глоток. Сладкий сидр успокаивал голодные спазмы в желудке и унимал боль в боку, хотя голова от хмельного напитка кружилась еще сильнее.

– И что же я мог узнать? Каково нынешнее оснащение Континентальной армии? Полагаю, это и без того понятно, судя по тем джентльменам, которые меня пленили... и иным деталям.

Он выразительно обвел палатку взглядом, не оставляя без внимания ни глиняные осколки на полу, ни груды грязного белья в дальнем углу. Должно быть, ординарца у Смита нет или тот полный неумеха. На мгновение Грей затосковал по Тому Берду – лучшему камердинеру на свете.

Смит взял себя в руки и коротко хохотнул.

– Да, пожалуй. Это не такой уж секрет. Нет, я думал, вы полюбопытствуете насчет моих планов относительно вашей персоны.

– А, это... – Грей поставил чашку и утер лоб, стараясь не задеть пострадавший глаз. – По правде говоря, я об этом совсем забыл – так удивился, когда встретил здесь вас. А после вы поразили меня своим гостеприимством, – добавил он, безо всякой иронии поднимая чашу. – Ведь капрал Вудбайн со своими людьми рассчитывал, что меня сразу же повесят по обвинению в шпионаже... или, скорее, из-за родственных связей с генерал-майором Чарльзом Греем, который, как я понял, совершил некое зверство в месте под названием Паоли.

Смит выгнул бровь.

– А вы разве не шпион?

– Не смешите меня. Я подполковник. За кем бы мне шпионить в пустом лесу? По крайней мере, пустовавшем до того момента, пока там не объявился Вудбайн со своими ребятами, – добавил он.

Оказалось, что сидра в чаше уже нет. Грей смущенно уставился в нее, размышляя, как так могло случиться. Смит с легким вздохом плеснул еще.

– Кроме того, у меня нет с собой секретных бумаг или писем – никаких доказательств моей якобы шпионской деятельности.

– Не удивлюсь, если все сведения вы надежно фиксируете в памяти, – с циничной усмешкой заявил Смит. – Я-то помню, насколько она у вас хороша. – Он фыркнул, а может, сдавленно хохотнул. – *«Как ни проворны пальчики Салли – увы, петушка они не подняли».*

Память у Джона и впрямь была отличной. Достаточно вспомнить тот ужин у Минни, на котором присутствовали офицеры из разных полков. Когда джентльмены перешли к портвейну, Грей по их настоянию – и под гром аплодисментов – зачитал по памяти одну из наиболее длинных и скабрёзных од Гарри Кварри из его печально прославленного сборника «Избранное из стихов об Эросе», за которым по-прежнему охотились любители подобной литературы, хотя книга вышла более двадцати лет назад.

– И за кем бы мне шпионить?! – воскликнул Грей, слишком поздно заметив ловушку.

Смит улыбнулся краешком рта.

– Вы и впрямь ждете, что я скажу?

Ведь ответ очевиден: за Вашингтоном, который наверняка стягивал к Филадельфии войска и, возможно, готовил нападение на отступающую армию Клинтонна.

Вопрос Грей счел риторическим и сделал еще один – хоть и рискованный – шаг.

– Вудбайн верно описал обстоятельства, в которых меня пленил, – сказал он. – Как видите, полковник Фрэзер не застиг меня на месте преступления, иначе просто арестовал бы, как это сделал капрал Вудбайн.

– Хотите сказать, вы заранее договорились с полковником Фрэзером о встрече, чтобы получить у него секретные сведения?

Проклятье! Грей знал, как шатко его положение, но такой возможности не предвидел: что Джейми Фрэзера заподозрят в предательстве заодно с ним. Хотя, конечно же, Смит обязан подумать об этом в первую же очередь, учитывая, что сам он изменил своим политическим пристрастиям.

– Разумеется, нет! – В голосе Грея прорезалось некоторое раздражение. – Стычка, свидетелем которой стал капрал Вудбайн, была вызвана мотивами сугубо личного характера.

Смит, судя по всему кое-что смысливший в технике ведения допросов, иронично приподнял бровь. Грей, тоже знавший в этом деле толк, беззаботно потягивал яблочный сидр, будто бы абсолютно уверенный в том, что своими словами снял с себя все подозрения.

– Вы же знаете, вас, скорее всего, повесят, – выдержав паузу, заявил Смит. Говорил он небрежно, не отрывая глаз от янтарной струи, снова наполнявшей чашу. – После того, что Хау сделал с капитаном Хейлом. И особенно после Паоли. Чарльз Грей ведь вам кузен?

– Да, в третьем или четвертом колене.

Грей его знал, хоть они и общались в разных кругах – как светских, так и военных. Чарльз Грей был больше прирожденным убийцей, нежели солдатом... Хотя Джон сомневался, что события в Паоли разворачивались именно так, как рассказывают. Что за идиоты будут покорно лежать на земле, ожидая, когда им перережут глотку? Он ни на мгновение не допускал мысли, что колонна пехоты способна подкрасться незамеченной в полной темноте – да еще и по нехоженной местности.

– Ерунда, – как можно увереннее бросил Грей. – Что бы ни думали о командовании американцев, вряд ли там заседают одни дураки. Моя казнь ничего не даст, а вот обмен пленными может быть очень выгоден. Мой брат – весьма влиятельная персона.

Смит не без сочувствия улыбнулся.

– Превосходный аргумент, лорд Джон; уверен, генералу Вашингтону он пришелся бы по душе. Увы – и корона, и Конгресс до сих пор валяют дурака; и пока что никакого обмена пленными нет.

Грея словно ударили под дых. Он ведь знал, что официальных каналов обмена не существует: сам много месяцев безуспешно пытался выменять Уильяма.

Смит перевернул бутылку вверх дном, выливая последние капли сидра в чашу Грея.

– Подполковник, вы человек верующий?

Тот недоуменно моргнул.

– Не очень. Хотя Библию читал, да. Некоторые отрывки. А что?

– Я вот думаю, знакомо ли вам понятие козла отпущения?

Смит качнулся взад-вперед на кресле, не спуская с Грея глаз, излучавших искреннюю симпатию... хотя, может, просто сказывался хмельной напиток?

– Потому что, боюсь, именно в этом и есть ваша главная ценность, подполковник. Не секрет, что Континентальная армия в плохом состоянии: денег не хватает, дезертиров хоть отбавляй. Ничто не приободрит и не объединит солдат так, как открытый суд и публичная казнь высокопоставленного британского офицера – шпиона и близкого родственника печально прославленного Мясника-Грея.

Он деликатно рыгнул и заморгал, по-прежнему глядя на Джона.

– Вы спрашивали, что я с вами сделаю?

– Нет, не спрашивал.

Пропустив эту реплику мимо ушей, Смит поднял указательный палец.

– Я отдам вас генералу Уэйну, у которого, уж поверьте, слово «Паоли» штыком высечено на сердце.

– Должно быть, это очень больно, – пробормотал Грей и залпом осушил свою чашу.

Глава 12

Маленькая ночная серенада

Бесконечный день подходил к концу, и жара понемногу сдавала позиции вместе с увядающим светом. Грей сомневался, что его сию же минуту доставят пред светлые очи генерала Уэйна, если, конечно, сей достопочтенный джентльмен не находится в этом же лагере... что вряд ли. Судя по звукам, стоянка была совсем маленькой, и полковник Смит здесь самый высокий чин.

Смит попросил Джона (проформы ради) дать слово офицера не сбежать и был немало озадачен, когда тот наотрез отказался.

– Раз уж я снова вступил в ряды британской армии, то бежать – мой первейший долг, – веско заметил Грей.

Смит пристально взглянул на него, и в неверном свете палатки, отбрасывающей густые тени на его лицо, Грею показалось, будто тот с трудом сдерживает улыбку. Хотя с чего бы?

– Вы не сбежите, – сказал тот наконец и вышел.

Грей слышал, как рядом с палаткой жарко спорят, что с ним делать. В лагере не было никаких условий для содержания военнопленных. Про себя Джон развлекался сочинением шарад, придумывая способы, которыми Смиуту придется уложить его рядышком в свою и без того узкую кровать, чтобы ночью приглядывать за пленником.

В конце концов в палатку вошел капрал с ржавыми кандалами в руках – выглядели они так, будто последний раз их использовали еще во времена испанской инквизиции. Грею вывели на окраину лагеря, где солдат, прежде бывший кузнецом, скрепил кандалы молотом, вместо наковальни используя плоский камень.

Стоя на коленях перед толпой ополченцев, собравшихся на него поглазеть, Грей испытал странное чувство.

Ему пришлось наклониться, сложив перед собой руки, будто бы в ожидании казни, и удары молота по металлу эхом отдавались в костях. Грей не спускал с молота глаз, и не только из опасения, что в сгущающихся сумерках кузнец промахнется и разmozжит ему руку. От выпивки и растущего страха, который он не желал признавать, Джон особенно остро ощущал враждебность окружающих; он чувствовал ее, как надвигающуюся грозу, когда по коже ползут электрические разряды, а молнии трещат так близко, что слышишь их острый запах, смешанный с вонью пота и пороха от мужчин.

«Озон», – невольно всплыло в голове. Так Клэр называла запах молний. Грей еще сказал ей, что это слово, скорее всего, произошло от греческого *ozone* – одной из форм глагола *ozein*, который переводится как «пахнуть».

Он принялся мысленно спрягать этот глагол, лишь бы отвлечься от того, что с ним делают.

Ozein, пахнуть. Я пахну...

От Грея пахло его собственным потом: терпким и приторно-сладким. В прежние времена лучшей смертью считалось обезглавливание. А повешение – смерть постыдная, так казнят разбойников и простолудинов. Очень медленная смерть. Грей не понаслышке это знал.

Последний звонкий удар – и мужчины одобрительно заворчали. Грей теперь узник. Бесповоротно.

* * *

Поскольку никаких укрытий в лагере не имелось, разве что наспех возведенные вигвамы и рваные навесы, Грея вернули в просторную палатку Смита, выдали ужин, который он проглотил через силу, не заметив вкуса, и привязали за кандалы к шесту тонкой веревкой, достаточно длинной, чтобы он мог лежать или брать в руки посуду.

По настоянию Смита Грей занял койку и с наслаждением вытянул ноги. В висках стучало с каждым биением пульса, вся левая половина лица мерзко ныла, отзываясь болью в верхних зубах. Зато в боку боль притупилась и стала почти не ощутимой. Впрочем, Грей так устал, что, не чувствуя неудобства, почти сразу провалился в сон.

Очнулся он глубокой ночью, в полной темноте, весь мокрый от пота и с бешено колотящимся сердцем после какого-то кошмара. Джон поднял руку, чтобы убрать с лица прилипшие волосы, и ощутил тяжелые оковы, о которых успел позабыть. Кандалы звякнули, и часовой у входа в палатку, вырисовывающийся в ночи темным силуэтом, резко обернулся. Однако, когда Грей со звоном начал ворочаться, тот снова расслабился.

«Паршиво», – подумалось в полусне. Даже не помастурбировать, если вдруг захочется. Он этой мысли он сдавленно фыркнул, что, к счастью, прозвучало как хриплый выдох.

Рядом, шурша простыней, заворочался кто-то еще. Смит, наверное, который спит на холщовом матрасе, набитом травой; в душной палатке слегка пахло затхлым сеном. Такие матрасы входили в оснащение британской армии; Смит, должно быть, прихватил его вместе с прочим оборудованием, сменив лишь мундир.

А зачем он вообще это сделал?.. Грей недоумевал, разглядывая сторбившийся силуэт на светлом холсте. Ради карьерного роста? Континентальная армия, испытывая недостаток в профессиональных военных, предлагала быстрое продвижение по службе, и любой капитан запросто мог получить майорский, а то и генеральский чин, в то время как в Англии новое звание можно было лишь купить за весьма приличные деньги.

Хотя что толку в чине без оплаты? Грей давно не был шпионом, но связи остались, и он знал кое-кого, кто ныне промышлял этим делом. Как ему рассказывали, у американского Конгресса вообще нет денег и он всецело зависит от займов и ссуд, которые поступают весьма нерегулярно. В основном из Франции и Испании (хотя, разумеется, французы этого никогда не признают). Порой деньги дают еврейские ростовщики, как сказал один из его информаторов. То ли Саломон, то ли Соломон... Как же его звали-то?..

Эти случайные размышления прервал странный звук, который заставил Грея вздрогнуть. Женский смех.

В лагере были женщины, которые отправились вслед за мужьями на фронт. Он видел их, пока его вели к палатке. Одна принесла ему ужин, с опаской косясь из-под чепца.

Вот только этот смех, глубокий, переливчатый, открытый, был ему знаком.

– Господи, – прошептал он. – Дотти?!

Быть не может!..

Он сглотнул, чтобы прочистить левое ухо, и вслушался. Дензил Хантер ведь вновь присоединился к Континентальной армии, а Дотти – к священному ужасу брата, кузена и дядюшки – последовала за женихом, хотя изредка приезжала в Филадельфию навестить Генри. Если Вашингтон перемещает войска – а иначе никак, – то хирурга могло занести куда угодно.

Высокий чистый голосок вновь что-то спросил. Произношение было английским, не местным. Грей вслушался, но слов разобрать не мог. Ну же, пусть еще засмеется!..

Если это Дотти... Он протяжно выдохнул. Обращаться к ней напрямую нельзя – к Грею в лагере настроены очень враждебно, и если вдруг кто узнает об их родстве, Дотти и Дензилу грозит нешуточная опасность...

И все же рискнуть придется – иначе утром его переправят к генералу.

Так и не придумав ничего получше, Грей уселся и запел «Летнюю ночь» Шуберта. Сперва тихо, но с каждым словом голос все больше набирал силу. Строку «In den Kulungen wehn» он проревел во всю мощь своего тенора, и Смит попрыгунчиком взвился с матраса, недоуменно восклицая: «Что?!»

– So umschatten mich Gedanken an das Grab
Meiner Geliebten, und ich seh' im Walde
Nur es dämmern, und es weht mir
Von der Blüte nicht her.

Продолжал Грей несколько тише. Не хватало еще, чтобы Дотти – если это Дотти – заглянула на шум. Он хотел лишь, чтобы она узнала о его присутствии в лагере. Этой арии он научил ее лет в четырнадцать, и Дотти частенько исполняла ее на музыкальных вечерах.

– Ich genoß einst, o ihr Toten, es mit euch!
Wie umwehten uns der Duft und die Kühlung,
Wie verschönt warst von dem Monde,
Du, o schöne Natur!¹⁷

Грей замолчал, кашлянул пару раз и заговорил, чуть заплетая язык, будто пьяный. Хотя, по правде, так оно и было.

– П-полковник, а можно м-мне воды?

– И тогда вы будете дальше петь? – с опаской уточнил тот.

– Нет, я, пожалуй, уже закончил, – заверил Грей. – Уснуть не мог, знаете ли, – слишком много выпил. Но пение чудесно прочищает голову.

– Да неужели?

Смит протяжно вздохнул, но все-таки встал и взялся за кувшин. Ему невероятно хотелось окатить заключенного водой, но он, будучи человеком крепкой закалки, лишь придержал кувшин, чтобы пленник мог напиться, поставил на место и с раздраженным фырканьем вновь улегся на матрас.

Музыкальный талант Грея неожиданно получил в лагере поддержку, и после негромкого обсуждения кое-кто, вдохновившись, затаил свою партию в самых разных жанрах: от проникновенно-лиричной песенки «Зеленые рукава»¹⁸ до «Честера»¹⁹.

Грей искренне наслаждался пением, еле сдержавшись, чтобы не побрызгать оковами под строку:

– Пусть тираны нам грозят стальным оружием,
и рабы гремят железными цепями.

Под пение он так и уснул, забывшись тревожными сновидениями, которые в парах яблочного сидра заполнили пустую голову.

¹⁷ В час, когда сияет месяц в полутьме, Серебром осыпав лес, И прохладой дыша, разносит Приятный запах лип ветерок, Я к любимой уношусь на крыльях дум, к тихой могиле, И во мраке я не вижу леса И не слышу аромата цветов. Вместе с вами, умершие, здесь бродили прежние мы, Как прохлада нас тогда оведала, Как прекрасна ты тогда была, о лунная ночь!*Франц Шуберт. Летняя ночь. На стихи Фридриха Готлиба Клопштока (пер. с нем. Д. Седых).*

¹⁸ «Зеленые рукава» – английская фольклорная песня, известная с XVI века.

¹⁹ «Честер» – патриотическая песня Уильяма Биллингса, ставшая гимном американской революции.

Честнат-стрит, дом 17

Колокол пресвитерианской церкви пробил полночь, но город не спал. Тьма приглушила звуки, но улицы по-прежнему жили, наполняясь шарканьем ног и стуком фургонных колес... а откуда-то издали доносились слабые крики «Пожар!».

Я стояла у открытого окна, приносясь к запаху дыма и высматривая языки огня – не движется ли в нашу сторону? Не помню, сгорала ли хоть раз Филадельфия дотла, как Лондон или Чикаго, но даже один выгоревший квартал – уже плохо.

Ветра, к счастью, не было. Летний воздух висел тяжелым влажным покрывалом. Крики утихли, и красного зарева в облачном небе тоже было не видать. Никаких следов пожара, только зеленые светлячки шныряли в тенистой листве сада.

Я постояла еще немного, позволяя себе расслабиться и выбросить из головы безумные планы спешной эвакуации. Несмотря на усталость, мне не спалось. Надо было все время следить за моим неусидчивым пациентом... который вдруг подозрительно притих. Кроме того, я и сама ужасно издергалась, весь день прислушиваясь, не слышать ли знакомых шагов.

Однако Джейми так не пришел...

Что, если Джон рассказал ему о той ночи под алкогольными парами? Безо всякой подготовки, предварительных объяснений? И мой муж, будучи потрясен таким известием, просто... сбежал?

Из глаз невольно брызнули слезы, и я, вцепившись в подоконник, зажмурилась, чтобы сдержать их поток.

Не глупи, Клэр. Он придет, как только сможет. Сама знаешь.

Да, я знала. И все же внезапная радость от его появления пробудила нервы, которые уже давно пребывали в сонном оцепенении, и пусть внешне я выглядела спокойной, в душе бурлили эмоции. Давление нарастало, и сбросить его можно было, лишь дав волю слезам – но я себя сдерживала.

Прежде всего потому, что не смогу потом долго успокоиться. Я промокнула рукавом глаза и решительно повернулась лицом к темной комнате.

У кровати под мокрой тканью шипела маленькая жаровня, отбрасывая мерцающие красные отблески на заострившееся лицо Пардлоу. Он дышал с заметными хрипами – легкие скрежетали на каждом выдохе, но дыхание было глубоким и размеренным. Я запоздало поняла, что могла и не почувствовать вонь пожарища: в комнате густо пахло перечной мятой, эвкалиптом и коноплей. Несмотря на ткань, жаровня сильно дымила, образуя в темноте зыбкое бледное облачко, колыхавшееся, словно призрак.

Опрыскав водой муслиновый полог, я села в маленькое кресло возле кровати, вдыхая насыщенный маслами воздух, – украдкой и не без запретного удовольствия. Хэл сказал, что частенько покурил коноплю, чтобы успокоить спазмы в легких, и это средство оказалось на удивление действенным. Точнее, курил он гашиш, ведь в Англии психотропные виды каннабиса не росли.

У меня среди лекарственных трав гашиша не нашлось, зато был увесистый пучок марихуаны, которую Джон приобрел у купца в Филадельфии, торговавшего с какими-то индусами. Она считалась полезной при лечении глаукомы: помогала снять тошноту и тревогу. Я и сама в этом убедилась, когда врачевала тетушку Джейми Йокасту. Впрочем, как рассказал Джон, к вящему моему удовольствию, порой марихуана использовалась не только в лекарственных целях.

Мысли о Джоне лишь усугубили мою сумятицу, и я глубоко вдохнула пряный сладковатый воздух. Где же он? Что Джейми с ним сотворил?

– Вы когда-нибудь заключали с Господом сделку? – донесся из темноты голос Хэла.

Я догадывалась, что он не спит, поэтому ничуть не удивилась.

– Как и все. Даже те, кто в Бога не верит. А вы?

Раздался тихий смех, перешедший в кашель, впрочем, быстро утихший. Должно быть, дым помогает.

– Вы что, задумали сделку? – спросила я, не столько из интереса, сколько из желания поддержать разговор. – Вы же вовсе не умираете. Я вам не позволю.

– Да, вы уже говорили, – сухо ответил тот. И после секундного колебания повернул ко мне голову. – И я вам верю. И... весьма благодарен.

– Рада услужить. Кроме того, вы не можете умереть в доме Джона, он очень огорчится.

Пардлоу слегка улыбнулся – я видела это в тусклом свете от жаровни. Мы помолчали. Просто глядели друг на друга, не вполне это сознавая, успокоенные дымом марихуаны и сонным стрекотанием цикад за окном. Стук колес тоже затих, хотя кое-кто порой проходил мимо. Впрочем, шаги Джейми я сразу бы узнала; запросто услышала бы их даже в толпе...

– Вы волнуетесь за него, да? – спросил вдруг Хэл. – За Джона?

– Нет, – тут же ответила я, но увидев, как приподнялась темная бровь, вспомнила, что он уже знает о моем неумении лгать. – Я... уверена, что с ним все хорошо. Просто думала, к этому времени он уже вернется. Тем более в городе волнения. – Я махнула рукой в сторону окна. – Мало ли что могло случиться...

Герцог рокошуще выдохнул и откашлялся.

– Однако по-прежнему не признаетесь, где он.

Я пожалала одним плечом – к чему лишний раз повторять, что не знаю? Хоть это и чистая правда... Вместо этого взяла со стола гребень и начала приводить непослушные волосы в порядок, наслаждаясь тем, как пряди скользят меж пальцев. После того как мы искупали Хэла и уложили его в постель, я и себе уделила четверть часа, наскоро умывшись и сполоснув волосы от пыли, пусть даже в таком влажном воздухе они теперь будут сохнуть целую вечность.

– Я хотел заключить сделку в обмен не на свою жизнь, – сказал он наконец.

– Я уверена, что с Джоном тоже все будет хорошо, если вы об этом...

– И не ради Джона. Ради моего сына. И дочери. И моих внуков. У вас ведь есть уже внуки? Кажется, этот бойкий молодой человек называл вас «бабушкой», если не ошибаюсь?

Пардлоу говорил, не скрывая легкой насмешки.

– И у вас есть, и у меня. Вы из-за Доротей? С ней что-то случилось?

Острый укол тревоги заставил меня отложить гребень. Я же видела Дотти всего пару дней назад, в доме ее брата Генри.

– Помимо того, что она вот-вот заключит брак с повстанцем и намерена отправиться с ним напрямиком на поле битвы, чтобы жить в невероятных условиях?

Он уселся и заговорил с неподдельной страстью. Я невольно улыбнулась: кажется, у братьев Греев подобная манера изъясняться в крови. Кашлянув, чтобы скрыть усмешку, я как можно тактичнее спросила:

– М-м-м... А вы уже виделись с Дотти?

– Да, – коротко ответил тот. – Она была у Генри, когда я вчера приехал. Одета в какое-то непотребное рванье. Видимо, тот джентльмен, с которым она якобы заключила помолвку, квакер, и она возомнила себя одной из них!

– Понятно, – пробормотала я. – А вы... э-э-э... прежде об этом не знали?

– Нет, не знал! И мне есть что сказать Джону: и о его трусости, например, когда он ни словом не обмолвился, и о грязных махи... махинациях его сына!..

От напыщенной желчной речи перехватило дыхание, и герцог мучительно закашлял, хватаясь за колени, чтобы не повалиться в конвульсиях на кровать.

Я схватила со стола веер и замахала, направляя на герцога облачко дыма от жаровни. Тот жадно вдохнул, закашлялся и наконец затих, чуть похрипывая.

– Я велела бы вам не нервничать, если бы существовал хоть малейший шанс, что вы меня услышите, – заметила я, протягивая кофейную настойку эфедры. – Выпейте. Только мед-

ленно... Что до Джона, то он собирался вам написать, когда узнал о намерениях Дотти. Но не стал: надеялся, это лишь мимолетная прихоть, и когда девочка столкнется с реальностью, в которой живет Дэнни... э-э-э... это ее жених, доктор Хантер... то может и одуматься. А если так, незачем лишний раз тревожить вас с супругой. Джон никак не рассчитывал, что вы вдруг приедете.

Хэл неуверенно вдохнул сквозь кашель.

– Я и не собирался. – Он отставил чашку, кашлянул напоследок и бессильно упал на подушки. – Это военное ведомство решило переправить мой полк для усиления войск генерала Клинтонна в рамках новой тактики. Я просто не успел написать.

– Что за новая тактика? – спросила я без особого интереса.

– Отделить южные колонии от севера, подавить там восстание и заставить северян голодать – пусть уймутся... И заодно выдавить чертовых французов из Вест-Индии. Вы и правда считаете, что Дотти еще может одуматься? – спросил он с сомнением, но не без надежды.

– Вообще-то нет.

Я потянулась и провела пальцами по влажным волосам, мягко стелившимся по шее и щекотавшим лицо.

– Я-то гадала, кто именно, вы или ваша супруга, наградили ее столь редкостным своеволием. Однако стоило вас встретить – и все стало понятно.

Он прищурился, но все-таки снизошел до улыбки.

– Да, она такая, – признал герцог. – И Бенджамин, мой старший сын, тоже. Генри и Адам – те нравом уродились в мою жену. Хотя это не значит, что они не ищут собственных путей, – задумчиво добавил он. – Просто действуют более дипломатично.

– Хотела бы повидать вашу супругу. Джон говорил, ее зовут Минни?

– Минерва. – Герцог улыбнулся еще шире и куда более искренне. – Минерва Куннегунда, если быть точным. Но я же не могу звать ее Кунни.

– По крайней мере, не на людях.

– Наедине тоже не стоит, – заверил он. – Она ужасная скромница... на первый взгляд.

Расхохотавшись, я покосилась на жаровню. Никогда бы не подумала, что дым от сожженной марихуаны обладает тем же эффектом, что и сигареты. Однако травка оказывала благотворное влияние на настрой Хэла, да и сама я чувствовала, что мой собственный мирок понемногу играет яркими красками. Я все еще переживала за Джейми, и за Джона тоже, но тревога уже не давила на плечи, а витала над головой тусклым лилово-серым облачком. Точь-в-точь как свинцовый воздушный шарик. Как бы не пришиб ненароком. Я фыркнула со смеху.

Хэл растянулся на матрасе, с каким-то отстраненным интересом наблюдая за мной из-под полуприкрытых век.

– А вы красивая женщина, – чуть удивленно сказал он вдруг. – Хотя и совсем не скромница, – добавил он и хохотнул. – О чем только думал Джон?

Я знала, о чем он тогда думал, но говорить не стала – по целому ряду причин.

Вместо этого полюбопытствовала:

– А что вы имели в виду? Когда говорили о сделке с Господом?

– А. – Он неторопливо смежил веки. – Когда я сегодня утром... подумать только, неужто прошел всего день? Когда я прибыл к генералу Клинтону, меня ждали дурные вести... и письмо. Отправленное несколько недель назад из Нью-Джерси. Мой старший сын, Бенджамин, схвачен повстанцами в Брендивайне, – проговорил он почти бесстрастно. Однако именно что почти: в тусклом свете я все равно заметила, как крепко он стиснул зубы. – Поскольку у нас с американцами нет соглашения по обмену военнопленными, он остается в заключении.

– Где? – встревоженно спросила я.

– Не знаю, – коротко ответил тот. – Пока не знаю. Однако приложу все силы, чтобы выяснить.

– Удачи вам, – от всего сердца пожелала я. – Письмо было от Бенджамина?

– Нет. – Он снова заиграл желваками. – Письмо отправила некая женщина по имени Амаранта Коуден, которая сообщила его светлости герцогу Пардлоу о том, что является супругой его сына Бенджамина и матерью внука, Тревера Ваттисвейда Грея, трех месяцев от роду.

Значит, родился уже после того, как Бенджамин угодил в плен... Знает ли он вообще о ребенке?

– Из-за отсутствия мужа юная миссис Грей оказалась в крайне стесненных условиях, поэтому хотела бы переехать к своим родственникам в Чарльстоне. Ей неудобно обращаться к герцогу за помощью, но состояние ее таково, что выбирать не приходится. Она лишь надеется, что он простит ей дерзость и любезно прислушается к просьбе. К письму она приложила прядь детских волос – возможно, его светлость будет рад такому подарку от внука.

– Господи... – пробормотала я. И, замешкавшись, все же спросила, потому что Пардлоу и сам наверняка об этом думал: – Считаете, она не врет?

Он вздохнул с тревогой и раздражением.

– Почти уверен, что не врет. Девичья фамилия моей супруги Ваттисвейд, но за пределами семьи этого никто не знает. Письмо в кармане, можете сами прочитать, если хотите.

Он кивком указал на шкаф, куда миссис Фигг повесила его мундир. Я махнула рукой, вежливо отказываясь.

– Теперь понимаю, что за сделку вы решили заключить. Хотите жить, чтобы увидеть внука... и сына, разумеется.

Он снова вздохнул – и тело, и без того худощавое, будто уменьшилось в размерах. Миссис Фигг – не без борьбы – расплела ему волосы, расчесала и просто перевязала их лентой; теперь каштановые пряди с редким проблесками седины рассыпались по плечам, в свете огня отливая золотом и медью.

– Не совсем. Да, этого хотелось бы, но... – Он медлил, подбирая слова, что так не вязалось с его обычным красноречием. – Я отдал бы за них жизнь. С радостью. За всю свою семью. И в то же время думаю: Господи, а мне ведь нельзя умирать! Иначе что тогда с ними будет? – Он криво усмехнулся. – Хотя прекрасно понимаю, что в любом случае ничем не смогу помочь. Они должны жить своим умом.

– Увы, так и есть.

Порыв ветра взметнул муслиновые шторы и разметал облачко дыма.

– Хотя внуку вы помочь сумеете.

Я вдруг вспомнила, как лежал у меня на руках Анри-Кристиан и его тяжелая головка давила на плечо. Я ведь спасла ему жизнь, удалив миндалины и аденоиды – хвала небесам, вовремя. А Мэнди... храни ее Господь! Это я заметила, что она больна, и подсказала Бри, как ее спасти... хотя сама вылечить ее сердечко не смогла, о чем тоскую теперь каждый божий день. Если бы только в этом веке у меня была необходимая аппаратура... Им бы не пришлось тогда уходить...

Шторы вновь зашевелились, и сквозняк понемногу разогнал дурман. Я вдохнула свежий воздух, чувствуя запах озона.

– Дождем пахнет. Где-то идет.

Герцог не ответил, но лицо к окну повернул. Я встала и распахнула створки, впуская в комнату свежий ветерок. Снова выглянула на улицу; быстро плывущие облака то и дело закрывали луну, отчего казалось, что свет ее пульсирует, точно трепещущее сердце. Улицы были темны, разве что порой мелькали отблески фонарей, напоминая о беспокойстве в городе.

Дождь приглушил бы шаги и бегущих лоялистов, и наступавших им на пятки американцев. Может, под прикрытием бури Джейми сумеет пробраться незамеченным? Однако ливень вскоре размочит дороги, превратив их в болото...

Свинцовый шар вновь придавил плечи. Настроение резко испортилось: то ли из-за усталости, то ли из-за надвигающейся бури, то ли сказывался побочный эффект марихуаны, уж не знаю. Я поежилась, хотя воздух еще не остыл, и в голову сами собой полезли мысли о том, что могло бы случиться ночью с одиноким путником, попавшим между двумя воюющими армиями.

Одиноким ли? А как же Джон – что с ним? Джейми ведь не мог...

– Мне был двадцать один год, когда умер мой отец, – заметил Хэл. – Совсем взрослый. Жил уже своей жизнью, успел жениться. – Он замолчал, скривив губы. – Даже и не думал, что отец мне нужен... и вдруг его не стало.

– Что он мог для вас сделать? – спросила я, вновь усаживаясь в кресло. Мне стало любопытно и хотелось за разговором отвлечься от дурных мыслей.

Хэл пожал одним плечом. Ворот его ночной сорочки был развязан из-за духоты и чтобы я могла следить за пульсом. Теперь он распахнулся, и ткань прилипла к телу, выставляя напоказ острые высокие ключицы.

– Просто быть рядом. Выслушать. Возможно... одобрить мои планы. Или не одобрить... – Последние слова он произнес вполголоса, почти шепотом. – Просто чтобы был.

– Понимаю, что вы имеете в виду, – сказала я, скорее себе, нежели ему. Мне повезло: когда погибли родители, в моей жизни тут же оказался дядя. И так уж сложилось, что он всегда был рядом. Я тяжело переживала его смерть, хотя к тому времени успела уже выйти замуж... Меня вдруг накрыло чувством вины, когда я вспомнила о Фрэнке. И еще сильнее – когда вспомнила о Брианне. Сперва я ее бросила, потом она – меня...

Эти мысли повлекли шквал новых болезненных воспоминаний: о Лири, оставшейся без обеих дочерей. Она никогда не увидит внуков, которые теперь мои. О Дžeme и Мэнди... И Джейми.

Где же он? Почему еще не пришел? Вдруг Джон и впрямь ему признался...

– О боже, – пробормотала я под нос. Глаза опять защищало от непрошенных слез, грозя снести плотину моего самообладания.

– Знаете, а я, как ни странно, зверски голоден, – удивленно произнес Хэл. – В этом доме найдется чем перекусить?

* * *

У Джейми заурчало в животе, и он кашлянул, чтобы замаскировать этот звук, но, как оказалось, в этом нет нужды. Девочки уже свернулись спина к спине у очага под залатанным одеялом и похрапывали парочкой пьяных шмелей. Миссис Хардман сидела на скамье и что-то напевала ребенку. Слов Джейми разобрать не мог и песню не узнал, но предположил, что это какая-то колыбельная. Хотя в горах женщины порой укачивали младенцев под гэльскую балладу «Редчайшая из дев», которая изобиловала кровавыми подробностями вроде отрубленных голов. Впрочем, миссис Хардман из квакеров, вряд ли ей по душе подобный фольклор. Скорее уж она предпочтет «Большого Силки с острова Сьюл-Скерри». Как видно, квакеры не чураются плотских отношений...

Это напомнило ему о чертовом Джоне Грее, и Джейми скривился, еле сдержав стон, – спина очередным прострелом дала знать, что даже столь незначительное движение будет немедлительно караться.

Песня для него звучала не более чем бормотанием, но голос у миссис Хардман был приятным, так что Джейми, проверив, под рукой ли кинжал и пистолет, осмелился прикрыть глаза. Он устал до чертиков, но не думал, что сумеет уснуть. Даже не поворочаться теперь без диких вспышек боли, пронзающих спину дьявольскими вилами.

Сколько же лет прошло с последнего приступа. Спина ныла частенько, особенно по утрам, но чтобы не разогнуться... лет десять вроде? Этот день он помнил очень ярко. Они только-только прибыли в Ридж, вместе с Яном возвели хижину. Джейми пошел на охоту, напал на след лося, побежал за ним – и вдруг осознал, что валяется у подножия скалы, не в силах пошевелить ни рукой ни ногой.

К счастью, Клэр отправилась на поиски (Джейми усмехнулся: как она гордилась, что прошла по следу). И если бы она его не нашла... Он провалялся бы там целую вечность, рискуя попасть на зуб пантере, медведю или волку. От холода бы вряд ли умер, но вполне мог потерять еще несколько пальцев...

Шорох за пределами дома заставил Джейми встрепенуться. Спину тут же прострелило болью, но он стиснул зубы, не обращая внимания, и вытащил из-под подушки пистолет.

Миссис Хардман тоже вскинула голову. Посмотрела на него, удивленно распахнув глаза, но тоже услышала шум и торопливо встала. Снаружи доносились шаги, причем не одной пары ног. Женщина хотела было положить ребенка в колыбель, но Джейми покачал головой.

– Держите младенца на руках, – вполголоса велел он. – Если постучат, ответьте. И откройте, если попросятся зайти.

Она нервно сглотнула, но все-таки послушалась. Гостей было трое или четверо, судя по мужскому смеху и низким голосам, доносившимся с крыльца. В дверь заколотили, и миссис Хардман отозвалась:

– Кто там?

– Друзья, хозяйка, – невнятно пробормотал пьяный голос. – Впусти нас!

Она бросила на Джейми испуганный взгляд, но он кивнул, и она подняла засов на двери. Первый мужчина шагнул было в дом, но, увидев на кровати Джейми, замер и разинул рот.

– Добрый вечер, – вежливо сказал тот, не спуская с гостя глаз. Пистолет лежал прямо на виду.

– Ох!

Гость смущенно затоптался на пороге. Он был молодым и крепко сбитым, в охотничьей куртке с милицейским значком. Через плечо он покосился на приятелей, которые толпились в дверях.

– Я... это... добрый вечер, сэр. А мы-то... Думали...

Он прочистил горло.

Джейми улыбнулся, прекрасно понимая, что у них было на уме. Присматривая за ним краем глаза, он повернулся к миссис Хардман и жестом предложил ей сесть. Та послушно заняла стул и склонилась над ребенком, прижавшись губами к чепчику дочери.

– Нам нечего предложить вам из пищи, джентльмены, – сказал Джейми. – Но в колодце есть свежая вода, а в сарае можно устроиться на ночь, если хотите.

Двое мужчин шаркали на крыльце ногами. От них несло спиртным, но буянить они не спешили.

– Ничего не надо, – сказал молодой охотник, оглядываясь на друзей. Круглое лицо покраснелось: и от выпивки, и от смущения. – Мы просто... Простите, если потревожили.

Остальные склонили головы, и вся троица ретировалась на заплетающихся ногах, в спешке налетая друг на друга. Последний гость прикрыл дверь, но не до конца. Миссис Хардман толчком захлопнула ее и, закрыв глаза, прислонилась спиной, прижимая к груди ребенка.

– Спасибо! – прошептала она.

– Не за что, – отозвался Джейми. – Они больше не вернутся. Теперь положите ребенка и задвиньте засов, хорошо?

Так она и сделала, потом повернулась, опираясь на дверь и прижимая к груди руки. Посмотрела на пол у своих ног, протяжно выдохнула и медленно выпрямилась.

Ее простенький жакет был заколот булавками: то ли она, как все моравы, считала пуговицы излишней роскошью, то ли из-за нищеты их просто не водилось. Пальцы неловко затеребили верхнюю булавку, и вдруг женщина вытащила ее и положила на стол. Посмотрев в лицо Джейми, взялась за следующую. Длинная верхняя губа была закушена, и над ней блестели капельки пота.

– Даже не помышляйте об этом, – велел Джейми. – В нынешнем состоянии я и с дохлой овцой не смогу. Не говоря уж о том, что по возрасту гожусь вам в отцы. Тем более я женат.

Губы у нее задрожали: не то от обиды, не то от облегчения. Пальцы поникли, и она бесильно уронила руку.

– И не надо платить мне за еду, – предупредил Джейми. – Это был подарок.

– Да... я знаю. Благодарю тебя, Друг. – Она отвела взгляд, сглотнув. – Просто... Я надеялась, что, может, ты останешься. Хотя бы на время.

– Я женат, – негромко напомнил он и после неловкой паузы спросил: – И часто бывают подобные гости?

Ведь очевидно, что мужчины в округе наслышаны о молоденькой квакерше, живущей с тремя дочерьми.

– Я отвожу их в сарай! – выпалила она, заливаясь пурпурной краской. – Когда девочки уснут.

– Хм... – пробормотал он после очередной долгой паузы.

Джейми покосился на колыбельку, но тут же отвел глаза. Интересно, давно ли мистер Хардман ушел из дома? Хотя это не его дело.

И тем более не его дело, как ей удастся прокормить троих дочерей.

– Спице, – велел он. – А я посторожу.

Глава 13

Утреннее омовение с ангелами

Следующим утром Джейми проснулся от запахов жареного мяса. Он крепко потянулся в постели... совсем забыв о проклятой спине!

– Господи, помилуй! – миссис Хардман обернулась через плечо. – Я таких воплей не слыхала с тех пор, как мой супруг, Габриэль, резал свинью.

Покачав головой, она вернулась к своему занятию: наливать тесто в чугунную сковородку на углях: чадящую и нещадно плюющуюся маслом.

– Прошу прощения, мэм...

– Меня зовут Сильвия, Друг мой. А как твоё имя? – полюбопытствовала она, приподняв бровь.

– Друг Сильвия, – повторил он сквозь стиснутые зубы. – Меня зовут Джейми. Джейми Фрэзер.

Он подтянул к груди ноги и рывком сел, обхватывая колени. Зарылся лицом в укрывавшее их ветхое одеяло и попытался разогнуть непокорную спину. Правую ногу тут же прострелило болью, а левую скрутила судорога, отчего Джейми взвыл в голос и шумно запыхтел, ожидая, когда же наконец отпустит.

– О, ты уже сидишь, Друг Джеймс, – заметила Сильвия Хардман, протягивая ему тарелку с колбасой, жареным луком и кукурузными лепешками. – Как понимаю, тебе лучше?

– Немного, – выдавил он улыбку, стараясь не застонать в голос. – У вас, как вижу... есть свежая еда?

– Да, хвала Господу! – с пылом ответила та. – Я отправила Прю и Пейшенс утром на главный тракт, посмотреть, едут ли фургоны в Филадельфию, и девочки раздобыли фунт сосисок, два фунта кукурузной муки, мешочек овса и дюжину яиц. Ешьте!

Она поставила рядом с ним на кровать деревянную тарелку, возле положила деревянную же ложку.

За ее спиной Пруденс и Пейшенс старательно собирали с давно опустевших тарелок мякишем колбасный сок. Джейми медленно откинулся назад, опираясь спиной о стену, спустил с кровати ноги, взял тарелку и тоже принялся завтракать.

Еда приятным грузом улеглась в желудке, и он, отложив тарелку, задумался о том, что же делать теперь.

– Я бы сходил в уборную, Друг Сильвия. Однако, боюсь, мне потребуется помощь.

Кое-как выпрямившись, он понял, что может передвинуть ногу лишь на пару дюймов, не более. Пруденс и Пейшенс тут же подхватили его под руки, нырнув под мышки парочкой удобных костылей.

– Не бойся, – велела Пруденс, расправляя тощие плечики. – Мы тебя не уроним.

– Ничуть не сомневаюсь! – всерьез заверил ее Джейми.

Девочки и впрямь, несмотря на щедушное сложение, оказались полны сил и помогли ему удержаться на ногах, когда он останавливался через каждые пару футов перевести дух.

– Расскажите мне о фургонах, которые едут в Филадельфию, – попросил он во время одной такой остановки. – Они только по утрам ездят?

– Чаще всего да, – ответила Пейшенс. – И возвращаются пустыми за час или два до захода солнца. – Она расставила ноги. – Все хорошо. Обопрись на меня. А то тебя шатает.

Он рискнул перенести на ее плечи толику веса. И впрямь пошатывается... А до тракта полмили, не меньше, даже с девочками идти около часа; тем более есть риск, что спину опять прихватит и на полпути он просто-напросто упадет. До Филадельфии точно не доберется. Может, завтра?..

– А солдат на дороге вы видели? – Он шагнул чересчур бодро, и ногу прострелило до самой стопы. – Ох!..

– Видели. – Пейшенс покрепче перехватила его под локоть. – Смелее, Друг! Ты справишься. Мы видели два отряда милиции и офицера верхом на муле.

– А еще британских солдат, – добавила наблюдательная Пруденс. – Они шли с обозом, только в другую сторону.

– В другую... то есть из Филадельфии? – У Джейми екнуло сердце. Выходит, эвакуация британских солдат уже началась? – А что в обозе, не видели?

Пруденс пожала плечами.

– Мебель. Сундуки всякие, корзины. В одной из повозок ехали дамы, хотя почти все идут пешком. Там же места совсем нет. Придержи рубашку, Друг, а то твое благочестие пострадает!

Утро было прохладным, и внезапный порыв ветра взметнул полы широкой рубашки, приятно холодя потную кожу, хотя зрелище и впрямь было не для невинных девичьих глаз.

– Дай я завяжу полы между ног, – предложила Пейшенс. – Я умею делать бабин узел, прямой и рифовый. Меня папа научил!

– Не будь дурочкой, Пейшенс! Если ты завяжешь рубашку, как он будет в уборной ее задирать? Она слишком туго их завязывает. Ее узлы невозможно развязать, – предупредила Пруденс гостя.

– Неправда! Ты врушка!

– Уймись, сестра! Вот скажу маме, как ты меня назвала!

– А где ваш отец? – перебил их Джейми, пока они не вцепились друг другу в волосы.

Девочки замолчали и странно переглянулись, прежде чем ответить.

– Не знаем, – тихо и грустно заговорила Пруденс. – Он ушел на охоту год назад и не вернулся.

– Может, его индейцы забрали, – добавила Пейшенс, стараясь не терять надежды. – Тогда он сбежит и обязательно к нам вернется!

Пруденс вздохнула и уныло согласилась:

– Может... А мама думает, его ополченцы застрелили.

– Почему? – удивился Джейми, глядя на них сверху вниз. – Зачем им в него стрелять?

– За то, что он квакер, – пояснила Пейшенс. – Он не хотел воевать, поэтому они сказали, он лоялист.

– Ясно. А он... Он и правда лоялист?

Пруденс нежно посмотрела на Джейми, без слов благодаря за то, что он говорит об их отце в настоящем времени.

– Я бы не сказала... Но мама рассказывает, что на ежегодных собраниях только и твердят, что все квакеры должны быть за короля, ведь король хочет мира, а повстанцы хотят войны. Так что... – она пожала плечами. – Люди думают, мы лоялисты.

– Папа не был! Он не такой! – встала Пейшенс. – Он говорил о короле всякое, а мама умоляла его придержать язык. Вот и уборная! – неохотно объявила она, отпуская локоть Джейми и открывая перед ним дверь. – Только полотенцем не вытирайся, оно для рук. Там в корзине есть кукурузные листья.

* * *

Джон Грей проснулся совершенно разбитым. Его трясло в лихорадке, голова раскалывалась. Оба глаза залепило липкой коркой гноя, левый не открывался вовсе. Ему всю ночь снилась какая-то сумятица, мешанина образов, голосов, эмоций. Вот Джейми Фрэзер, весь черный от гнева, кричит на него, а потом все вдруг пропадает и начинается кошмар. Они будто бы бегут вместе через болото, зыбкую трясику, в которой вязнут ноги; Фрэзер проваливается,

орет, чтобы Грей скорее уходил, но тот не может – ноги уже засосало, и он стремительно тонет, размахивая руками, но не в силах нащупать опору...

– Эй!

Кто-то затряс его за плечо, вытягивая из трясины. Грей разлепил здоровый глаз и сквозь пелену увидел силуэт молодого человека в темном пальто и очках, отчего-то смутно знакомого.

– Джон Грей? – спросили его.

– Да, – отозвался тот и с усилием сглотнул. – А мы... мы имеем честь быть знакомы, сэр?

Визитер вдруг вспыхнул и ответил вполголоса:

– Да, Друг Грей. Я...

– Ах да! – тот стремительно сел. – Ну конечно же вы... О господи!..

Голова из-за столь разительной перемены положения, казалось, вот-вот слетит с плеч и впечатается в ближайшую стену. Молодой человек... Хантер, всплыло наконец его имя из мешанины мыслей. Доктор Хантер. Тот самый квакер Дотти.

– Думаю, тебе, Друг, лучше все-таки лечь.

– Думаю, сперва мне лучше избавиться от лишнего в желудке...

Хантер вовремя выхватил из-под кровати горшок. Потом подал стакан воды – «Только пей медленно, Друг Грей, иначе ее тоже не удержишь» – и устроил Джона на подушках. Тут за спиной у него неожиданно возник полковник Смит.

– Что скажете, доктор? – взволнованно нахмурился тот. – Он в своем уме? А то посреди ночи вдруг начал петь, а потом до утра стонал и бредил. Да и вид у него...

Смита так выразительно перекосило, что Грей задумался, неужто и впрямь выглядит столь жутко?

– У него сильный жар, – определил Хантер, смерив Грея пронзительным взглядом сквозь очки. Он наклонился, чтобы пощупать у него пульс. – И, Друг Смит, видишь, что у него с глазами? Перевозить его крайне опасно. Может случиться кровоизлияние в мозг, и тогда...

Смит недовольно хмыкнул и поджал губы. Оттолкнув Хантера в сторону, сам склонился над Греем.

– Подполковник, вы меня слышите? – произнес он чуть ли не по слогам, будто разговаривал с умалишенным или иностранцем.

– *Ich bin ein Fisch...* – тут же пробормотал Грей, зажмуриваясь.

– Пульс неровный, – предупредил Хантер, держа Грея за запястье. Рука у него была холодной и успокаивающе твердой. – Я не готов брать на себя ответственность за последствия, если все-таки решите его перевозить.

– Ясно...

Смит помедлил немного. Грей слышал, как тот тяжело дышит, но открыть глаза и посмотреть не рискнул.

– Что ж, хорошо. – Полковник невесело хохотнул. – Раз Магомет не может прибыть к горе, значит, доставим к нему гору. Пошлю генералу Уэйну письмо. А вы, доктор, уж постарайтесь, чтобы этот человек выглядел вменяемым.

* * *

Раненым глазом Грей видел Дензила Хантера, и это обнадеживало: значит, он не ослеп. Пока что... Хантер снял очки, чтобы взглянуть на пострадавший орган поближе. У него самого были привлекательные глаза: светло-карие, цвета мякоти зрелой маслины, с крохотными зелеными прожилками в радужке.

– Посмотри наверх, пожалуйста.

Грей попытался поднять глаз.

– Ай!

– Нет? Тогда вниз.

Эта попытка тоже оказалась безуспешной; да и вправо-влево глаз двигаться не желал. Казалось, он засел в глазнице, будто сваренное вкрутую яйцо. Грей поделился этим наблюдением с Хантером, и тот улыбнулся, хоть и несколько обеспокоенно.

– Слишком сильный отек, нельзя пока говорить наверняка. Что бы с тобой ни случилось, удар нанесли с большой силой. – Хантер, осторожно нажимая подушечками пальцев, ощупывал лицо Грея. – Здесь болит?..

– Да. Можете не спрашивать: болит все, от скальпа до шеи, включая ухо... А насчет кровоизлияния в мозг – вы это серьезно?!

– Такая вероятность существует. – Однако Хантер улыбнулся. – Впрочем, я не вижу симптомов: ни обмороков, ни спутанности сознания – спиртное не в счет, – и, судя по всему, после ранения ты некоторое время провел на ногах. Так что шансы, думаю, невелики. Хотя под склерой наблюдается кровотечение... – Холодные кончики пальцев коснулись налитого века. – Глазное яблоко ярко-красное, и кожа вокруг тоже. Выглядит... весьма впечатляюще.

В его голосе слышалась откровенная насмешка, и Грей считал это успокаивающим знаком.

– Отлично, – сухо сказал он. – И сколько надо времени, чтобы все прошло?

Хантер поморщился и покачал головой.

– Краснота спадет через пару недель. Может, месяц. По сути, это обычный синяк, просто лопнули крохотные кровеносные сосуды под кожей. Куда больше меня беспокоит, что ты не можешь двигать глазом. Кажется, у тебя перелом костной орбиты, из-за которого случилось ущемление орбикулярной мышцы... Жаль, здесь нет твоей жены, она в этом разбирается лучше...

– Моей жены... – безучастно повторил Грей. – Ах да!

Вспомнив случившееся, он неожиданно воспрянул духом:

– Она ведь мне больше не жена! Уже нет! – добавил он с усмешкой и наклонился к Хантеру прошептать тому на ухо: – Джейми Фрэзер жив!

Хантер удивленно моргнул, снял очки и пристально всмотрелся в Грея, словно все-таки усомнившись в его здравомыслии.

– Это он меня ударил, – пояснил Грей и добавил, когда врач нахмурился: – Все хорошо. Сам виноват.

– Хвала Господу! – прошептал тот, расплываясь в широкой улыбке: скорее всего радуясь новостям о спасении Фрэзера, нежели тому, что Грей сам напросился на кулак. – Йен будет просто...

Он бурно зажестикублировал, не в силах описать словами чувства Йена Мюррея.

– А, Друг Клэр! – воскликнул он, округляя глаза за очками. – Она-то знает?

– Да, но...

Внезапный звук шагов заставил Грея упасть на матрас, неподдельно застонав от боли. Он зажмурился, повернул голову набок и мучительно закричал.

– Кажется, наша гора сейчас у генерала Вашингтона, – несколько озадаченно сказал Смит, останавливаясь возле койки, задев при этом ноги Грея. – Доктор, что хотите делайте, но завтра он должен быть готов к переезду. Если надо, положим его в фургон.

Честнат-стрит, дом 17

Его светлость проснулся с красными, как у хорька, глазами и с настроением бешеного барсука. Будь у меня успокоительное, не колеблясь вколола бы ему двойную дозу. А так пришлось ограничиться щедрой порцией бренди в утреннем кофе, сдобренном к тому же (после непродолжительной борьбы с совестью, напоминавшей о клятве Гиппократу) толикой лауданума.

Злоупотреблять им не стоило – он среди прочего угнетал дыхательную систему. Однако я, отсчитывая пахучие красновато-коричневые капли, убедила себя, что это более гуманный способ совладать с герцогом, нежели огреть его ночным горшком или позвать миссис Фигг, чтобы та подержала Хэла, пока я привязываю его к кровати.

А мне было крайне необходимо, чтобы он притих хоть ненадолго. Мистер Фигг, проповедник Общества методистов, привел двух юношей из числа своей паствы – плотников, которые должны были поставить на место дверь и заколотить окна нижнего этажа на случай нападения толпы. Я сказала миссис Фигг, что та, конечно же, вольна рассказать обо всем мужу (да и как бы я помешала?), однако о его светлости лучше лишний раз не упоминать – ради безопасности лорда Джона, не говоря уж о самом герцоге, который, в конце концов, очень дорог моему супругу.

Миссис Фигг с радостью обваляла бы герцога в смоле и перьях, однако, услышав имя лорда Джона, к которому всегда питала особую слабость, согласно закивала. Она справедливо заметила, что если его светлость не будет кричать из окон или бросаться в рабочих подсвечниках, о его присутствии в доме никто не узнает.

– Однако... что вы собираетесь с ним делать, леди Грей? – спросила она, опасливо поглядывая на потолок. Мы стояли в дальней гостиной, совещались вполголоса, пока Дженни кормила Хэла завтраком, попутно следя, чтобы кофе с бренди тот выпил до дна. – Вдруг кто из солдат придет о нем справиться?

Я беспомощно развела руками и призналась:

– Даже не представляю. Надо просто дождаться возвращения лорда Джона или моего... э-э-э... мистера Фрэзера. Они решат, как с ним быть. Что до военных, если вдруг кто заявится его искать, то я... хм... сама поговорю с ними.

Она бросила на меня выразительный взгляд: мол, слышали мы планы и получше, но все-таки неохотно кивнула и отправилась за своей корзинкой для покупок. В осажденном городе всегда первым делом кончаются запасы еды, и, если вдруг в Филадельфию саранчой слетится Континентальная армия, продуктов из окрестных сел на всех не хватит. Фургоны с продовольствием уже сейчас могут перехватывать на полпути.

Однако у самых дверей миссис Фигг замешкалась.

– А если Уильям вернется? – строго спросила она. – Что тогда?..

С одной стороны, миссис Фигг надеялась на его возвращение (она очень переживала за мальчика), с другой, терзалась ужасом от того, что случится, если он вдруг обнаружит своего родного дядюшку в пленниках у мачехи.

– Я с ним поговорю, – твердо сказала я.

Забежав по ступенькам, увидела, как Хэл зевает над почти опустевшим подносом, а Дженни аккуратно стирает яичный желток у него с губ. Ночевала она в типографии, но утром вернулась, притащив потрепанный чемодан, доверху набитый всякими полезными вещами.

– Его светлость славно позавтракал, – сообщила она, довольно обзорежая результаты своего труда. – И опорожнил кишечник. Я заставила его сделать это прежде, чем он выпьет кофе. Не знала, как быстро тот подействует.

Хэл наградил ее то ли обиженным, то ли удивленным взглядом. Зрачки реагировали на свет уже слабо, отчего вид у него был крайне пьяным. Герцог моргнул и замотал головой, словно пытаясь развеять туман.

– Позвольте-ка проверить жизненные показатели, ваша светлость, – улыбнулась я, чувствуя себя Иудой.

Он ведь мой пациент... зато Джейми мне муж, и это упрочило мою решимость.

Пульс, к счастью, был медленным и ровным. Я достала стетоскоп, развязала на герцоге ночную сорочку и прислушалась. Сердце стучало размеренно, без перебоев, а вот легкие булькали, как прохудившаяся бочка, и дыхание то и дело сбивалось на рваные вздохи.

– Лучше дать ему настойку эфедры, – сказала я, выпрямляясь.

Средство было бодрящим, к тому же выводило из организма опиаты, но иначе герцог во сне просто-напросто перестанет дышать.

– Я побуду с ним, а ты спустишься и принеси. Греть не надо, холодная сгодится.

Иначе он заснет прежде, чем питье будет готово.

– Мне сегодня утром надо явиться к генералу Клинтону, – на удивление бодро произнес Пардлоу, хотя глаза у него слипались. Он откашлялся. – Надо исполнить свои обязанности... Мой полк...

– Ах да... И где же сейчас ваш полк? – с опаской спросила я. Если в Филадельфии, адъютант Хэла в любую минуту явится его искать. Переночевать герцог еще мог не в казармах, а у родни, но вот днем обязан явиться на службу. А я ведь даже не знаю, поверил ли кто моим фальшивым письмам.

– В Нью-Йорке. Кажется... – ответил тот. Закрыв глаза, качнулся и тут же выпрямил спину. – Там мы сошли с корабля. Я поехал в Филадельфию... повидаться с Генри... и Дотти. – Он скривился, как от боли. – А вернуться должен буду с Клинтонем.

– Конечно-конечно, – заверила я, сама лихорадочно думая.

Итак, когда именно войска генерала Клинтона должны тронуться в путь? Предположим, к тому времени Пардлоу несколько оправится и во врачебном надзоре уже нуждаться не будет... Тогда я верну его военным – и у Хэла не останется времени перетряхивать город в поисках брата. Тем более что Джейми – с Джоном ли, без него – должен вернуться в любой момент...

Однако пока вернулась лишь Дженни с настойкой эфедры – а еще с молотком в кармане фартука и тремя досками под мышкой. Она молча протянула мне чашку и принялась заколачивать окно, орудуя на удивление умело.

Хэл потягивал питье, изумленно поглядывая на мою золовку.

– Зачем она это делает? – спросил он, хотя ему было не так уж интересно.

– Скоро ураганы, ваша светлость, – ответила та с каменным лицом и выскочила из комнаты, чтобы вернуть молоток плотникам. Те внизу бодро колотили на все лады так, будто на дом напала стая обезумевших дятлов.

– А-а-а...

Хэл обвел комнату мутным взглядом – должно быть, искал бриджи, которые миссис Фигг предусмотрительно спрятала на кухне. Глаза остановились на небольшой стопке книг Уильяма, лежавших на туалетном столике. Должно быть, герцогу они были знакомы, потому что он произнес:

– А Уильям... Он где?

– Боюсь, Уильям очень занят. Может, вечером заглянет.

Я взяла герцога за запястье. Сердце билось медленно, но сильно. Правда, пальцы уже ослабли, я едва успела подхватить опустевшую чашку и поставить ее на стол. Голова у герцога поникла, и я осторожно уложила его на подушку, хорошенько ее взбив, чтобы лучше дышалось.

«Если Уильям вернется... Что тогда?» – спросила миссис Фигг.

И впрямь – что?

Коленсо больше не объявлялся, значит, нашел хозяина, и это хорошо. Но вот чем тот сейчас занимается и о чем думает...

Глава 14

Зарождающий гром

– Это назначение вполне подходит вашему особому нынче статусу, – заявил майор Финдли.

Если б он только знал, насколько особому, мрачно подумал Уильям. Хотя и до недавних событий его положение было несколько сомнительным.

В октябре семьдесят седьмого года вместе с остатками армии Бургойна он сдался в плен. Британские солдаты и их немцы-союзники вынуждены были сложить оружие, но пленными не считались: по соглашению, которое в Саратоге заключили Бургойн и генерал вражеской армии Гейтс, военным разрешалось вернуться в Европу после того, как они дадут клятву не выступать более против американцев.

Однако из-за зимних штормов корабли не могли выйти из гавани, и с захваченными солдатами срочно следовало что-то делать. Их переправили в массачусетский Кембридж дожидаться весны и возвращения на родину. Всех – кроме Уильяма и некоторых других офицеров, либо имевших в Америке влиятельных родственников, либо дружных с сэром Генри, который недавно сместил на посту главнокомандующего генерала Хау.

Уильяму повезло вдвойне: и сам он некогда служил у Хау адъютантом, и его дядюшка был полковником, а отец – известным дипломатом. Поэтому он остался в Филадельфии. Его из уважения к генералу Хау освободили под честное слово и отправили к лорду Джону. При чем Уильям по-прежнему считался солдатом британской армии, только в боевых действиях участвовать не мог. Впрочем, в армии всегда найдется немало других не самых почетных обязанностей, помимо сражений. Генерал Клинтон с радостью взвалил их на Уильяма.

Глубоко уязвленный, тот умолял отца выменять его официально: это отменило бы условия освобождения и позволило вновь попасть на фронт. Лорду Джону почти удалось добиться результатов, но увы – в январе тысяча семьсот семьдесят восьмого между Конгрессом и Бургойном пробежала кошка: последний отказался предоставить списки капитулировавших солдат. Поэтому Конгресс отменил соглашение и заявил, что захваченных солдат будут удерживать до тех пор, пока требуемые списки и соглашение заодно не утвердит самолично король Джордж. Чертовы американцы понимали, что король в жизни не подпишет таких бумаг, ведь это все равно что признать независимость колоний.

Поэтому никакого обмена пленными! Без исключений.

Следовательно, Уильям оказался в весьма щекотливом положении. Формально он считался беглым заключенным; если вдруг (маловероятно, но все-таки) попадет к американцам и те выяснят, что он один из офицеров Саратоги, его отправят в Массачусетс томиться до самого конца войны. В то же время никто не знал, дозволено ли ему братья за оружие – ведь, хотя соглашение было расторгнуто (что вроде как отменяло условия освобождения), Уильям дал американцам слово чести.

Поэтому он оказался здесь, занимаясь самым унижительным делом, какое только можно представить: командовал эвакуацией богатых лоялистов Филадельфии. Что может быть хуже – если только водить свиней сквозь игольное ушко...

В то время как простые горожане бежали из Филадельфии на своих двоих, вывозя скарб на фургонах и рискуя попасться на глаза вражеской армии, знатым лоялистам позволили выехать более безопасным и удобным путем – по воде. Вот только никто из них не понимал, что корабль лишь один – и то личное судно генерала Хау – и места на борту на всех не хватит.

– Нет, мадам, мне очень жаль, но это абсолютно невозможно...

– Что за глупости, молодой человек! Эти башенные часы мой дедушка купил в Нидерландах в тысяча шестьсот семидесятом году. Они показывают не только время, но и фазу луны,

а также таблицу приливов и отливов в Неаполитанском заливе! Неужто вы и впрямь думаете, что я позволю такому дивному предмету попасть в руки повстанцев?!

– Увы, но боюсь, что придется. . . Нет, сэра, никаких слуг! Только члены семьи и минимум багажа. А слуги безо всякой для себя опасности могут последовать за вами иным путем. . .

– Они же умрут с голоду! – возопил мертвенно-бледный джентльмен, не желавший расставаться ни с поваром, ни с фигуристой горничной, которая, судя по выразительной внешности, особыми способностями в уборке не блистала, зато отличалась другими весьма выдающимися талантами. – Или попадут в плен. Я взвалил на себя ответственность за их судьбу! Вы не можете. . .

– Могу, – твердо заявил Уильям, искоса бросая оценивающий взгляд на горничную. – Капрал Хиггинс, проследите, чтобы слуги мистера Хеннинга благополучно покинули причал. Нет, мадам! Я верю, что ваши кресла очень ценные, но стоят они не дороже, чем жизни остальных пассажиров, если судно вдруг затонет. Хотя каретные часы взять можете. Лейтенант Рендилл!

Рендилл, весь красный и потный, уже пробивался сквозь толпу сыплющих проклятиями горожан. Наконец он добрался до Уильяма, который залез на ящик, чтобы его мимоходом не затоптали или не столкнули в реку. Лейтенант отдал честь, хотя его тут же стали отпихивать другие люди, пытавшиеся привлечь внимание Уильяма.

– Да, сэра?

Рендилл поправил съехавший парик и почти вежливо отодвинул локтем одного особенно настырного джентльмена.

– Вот список знакомых генерала Хау. Проверьте, все ли на борту; если нет. . . – Уильям красноречиво оглядел растущую на причале толпу в окружении горы пожитков и брошенного чужого скарба. Он бесцеремонно сунул список лейтенанту в руки. – Найдите их!

– О господи, – безнадежно пробормотал тот. – То есть. . . Да, сэра. Как прикажете.

Он повернулся и, бодро работая локтями, брассом поплыл сквозь толпу.

– Рендилл!

Тот послушно погреб обратно, словно толстая белуха в косяке обезумевшей сельди.

– Да, сэра?

Уильям наклонился к нему и заговорил вполголоса, чтобы остальные не слышали, кивнув на груды багажа и мебели, сваленные на причале порой в опасной близости к краю.

– Будете проходить мимо, скажите грузчикам: ничего страшного, если вдруг что-то случайно упадет в воду. Хорошо?

Потное лицо Рендилла посветлело.

– Да, сэра!

Он отдал честь и вновь отправился в плавание, теперь уже с бóльшим энтузиазмом. Уильям, переведя дух, принялся выслушивать жалобы пожилого немца с шестью дочерьми, которые, казалось, напялили на себя все содержимое гардероба: их круглые встревоженные личики выглядывали из-под громоздких шляпок, теряясь в ворохах шелка и кружев на плечах.

Как ни странно, жара и назревающая гроза удивительнейшим образом сочетались с его настроением, а непосильность поставленной задачи лишь позволяла расслабиться. Как только он понял, что не сумеет помочь каждому, даже одному из десяти, то и вовсе перестал тревожиться и просто старался обеспечить хоть какое-то подобие порядка, раскланиваясь с напиряющими фалангами людей, а сам блуждая в своих мыслях.

Будь он сейчас склонен к иронии, посмеялся бы над собой. Уильям ведь теперь ни рыба ни мясо, как говорят в народе. Не военный и не гражданский. Не англичанин и не граф. . . хотя нет – с чего бы это вдруг он больше не англичанин?..

Как только в голове прояснилось, он понял, что формально по-прежнему остается девятым графом Элсмиром, кто бы ни был его отцом. Ведь родители Уильяма – настоящие роди-

тели, юридически – на момент рождения были женаты. И от этого теперь еще хуже: как можно притворяться наследником древних кровей, когда ты прекрасно знаешь, кто на самом деле твой отец?..

Он шумно выдохнул и отогнал жуткую мысль подальше в глубины сознания. Однако при слове «отец» тут же всплыл яркий образ лорда Джона. Уильям втянул горячий, воняющий рыбой воздух, пытаясь пережить приступ боли, охватившей его при мысли об отчине.

Он не хотел в этом признаваться, но все равно весь день обшаривал толпу взглядом, высматривая фигуру отца... – да, черт возьми, именно отца! Лорд Джон по-прежнему (хоть он и лгал Уильяму всю жизнь) оставался его отцом. И Уильям все больше о нем тревожился. Вчера Коленсо сказал, что лорд Джон уехал по срочным делам – но сегодня-то утром он уже должен был вернуться. Если так, он обязательно нашел бы Уильяма. Если только Фрэзер его не убил...

Уильям нервно сглотнул. С чего бы? Они же друзья, притом давние...

Правда, война развела их по разные стороны фронта. Но даже тогда...

Из-за матушки Клэр?.. Уильям тут же отогнал эту мысль – но все-таки заставил себя к ней вернуться. Он-то видел, как мачеха вспыхнула от радости – ярче пламени, – когда увидела Джейми Фрэзера. Даже почувствовал ревность за отца. Если Фрэзер испытывает к ней те же чувства, мог ли он... Хотя что за глупости! Разумеется, он должен понимать, что лорд Джон лишь предложил матушке защиту – причем ради давнего друга!

Однако потом, после свадьбы... Отец ведь не делал из своей личной жизни особой тайны... Лицо Уильяма запылало, когда он понял, что лорд Джон ложится в постель с не совсем бывшей миссис Фрэзер.

И если Фрэзер об этом узнал...

– Нет, сэр! – бросил он навязчивому торговцу, который – как Уильям запоздало понял – пытался его подкупить, чтобы провести на корабль свою семью. – Как вы смеете! Прочь – и радуйтесь, что у меня нет времени с вами разбираться, как вы того заслуживаете!

Мужчина понуро отступил. Уильям почти испытал к нему жалость, но поделаться все равно ничего не мог. Даже согласись он на взятку, на борт посторонних не провести.

Итак, с чего бы Фрэзеру узнавать правду? Вряд ли лорд Джон настолько глуп, чтобы ему признаваться. Нет, отца задерживает что-то другое... Может, дороги забиты до отказа, потому что люди бегут из Филадельфии...

– Да, мадам. Думаю, для вас и вашей дочери место мы найдем, – сказал он молодой матери, испуганно прижимающей к груди младенца.

Уильям погладил девочку по щеке; та проснулась, но не заплакала из-за царившей вокруг суеты – только посмотрела на него из-под длинных рыжих ресничек.

– Привет. Хочешь покататься с мамой на кораблике?

Женщина с облегчением всхлипнула.

– О, благодарю вас... Вы же лорд Элсмир, правда?

– Да, – по привычке подтвердил Уильям, и его словно пнули в живот. Он сглотнул, заливаясь краской.

– Мой муж – лейтенант Биман Гарднер, – сказала она, чтобы хоть как-то оправдать его доверие. Женщина присела в реверансе. – Мы уже встречались. На Мискьянце.

– Да, конечно, – согласился он, хотя не помнил никакой миссис Гарднер. – Рад, что могу оказать услугу супруге своего собрата-офицера. Будьте любезны, поднимайтесь сразу на борт. Капрал Андерсон! Сопроводите миссис и мисс Гарднер на корабль.

Он поклонился, чувствуя, как внутри все закипает. Собрат-офицер? Господи... Что бы подумала миссис Гарднер, знай она правду? Что бы сказал сам лейтенант Гарднер?

Уильям глубоко вдохнул, смежив на миг веки. Когда вновь открыл глаза, оказалось, что прямо перед ним стоит капитан Иезекиль Ричардсон.

– *Stercus!*²⁰ – воскликнул Уильям, невольно подражая манере дядюшки Хэла ругаться на латыни в моменты чрезвычайного душевного волнения.

– И впрямь, – вежливо заметил тот. – Могу ли я с вами поговорить? Да, прямо сейчас... лейтенант! – Он поманил Рэндолла, который неподалеку спорил с пожилой дамой в черном бомбазине. У ее ног крутились четыре собачонки, рвущиеся с поводка, который держал маленький чернокожий раб. Рэндолл, разведя перед ней руками, повернулся к Ричардсону.

– Да, сэръ?

– Займите место капитана лорда Элсмира, пожалуйста. Мне надо с ним поговорить.

Пока Уильям раздумывал, соглашаться ли на разговор, Ричардсон за локоть вытянул его из толпы и повел в небесно-голубой эллинг²¹ на берегу.

Оказавшись в тени, Уильям с облегчением выдохнул и собрался с мыслями. Первым порывом было хорошенько отчитать Ричардсона – может даже столкнуть того в реку, – но он благоразумно взял себя в руки.

Именно по милости Ричардсона Уильям на время стал тайным агентом, под видом путешествий собирая сведения и передавая их в штаб. Однако в последнюю свою миссию он имел несчастье получить ранение и подхватить на печально прославленных болотах Вирджинии лихорадку, которая отправила бы его на тот свет, если бы не Йен Мюррей. Мюррей подобрал его, вылечил – а заодно сообщил, что отправили его не в лоно британских союзников, а в самое гнездо повстанцев, которые непременно бы его повесили.

Уильям сомневался, стоит ли верить Мюррею (особенно теперь, когда выяснилось, что они с ним двоюродные братья). Однако к Ричардсону стал относиться предвзято – и потому наградил того не самым дружелюбным взглядом.

– Что вам нужно? – резко спросил он.

– Мне нужен ваш отец, – ответил тот, и сердце Уильяма скакнуло. Он, должно быть, ослышался... – Где лорд Джон?

– Не имею ни малейшего представления, – коротко ответил Уильям. – Не видел его со вчерашнего дня.

Дня, который перечеркнул всю его жизнь.

– А что вам от него надо? – спросил Уильям, не утруждая себя любезностью.

Ричардсон вскинул бровь, но не стал заострять внимание на столь грубых манерах.

– Его брат, герцог Пардлоу, пропал.

– Что? – Уильям вытаращил глаза, ничего не понимая. – Его брат? Пропал... Откуда пропал? Когда?

– Судя по всему, из дома вашего отца. Что до второго вопроса: леди Грей сказала, что он отклонялся после вечернего чая, отправившись, должно быть, на поиски брата. Вы с тех пор его не видели?

– Я вообще его не видел. – В ушах отчетливо звенело. – Я... Я даже не знал, что он в Филадельфии. Вообще в колониях, если уж на то пошло. Когда он приехал?

Господи, дядюшка что, решил сам разобраться с Дотти и ее квакером? Хотя нет, вряд ли... Он бы не успел... Наверное.

Ричардсон шурился: должно быть, хотел понять, говорит ли собеседник правду.

– Я никого из них не видел, – твердо заявил Уильям. – А теперь, капитан, прошу меня извинить...

Со стороны причала донесся шумный всплеск и лихорадочные вопли толпы.

– Прошу прощения, – повторил Уильям и торопливо зашагал к кораблю.

²⁰ Навоз, шлак (*лат.*).

²¹ Эллинг – крытое сооружение для ремонта или хранения судов на берегу.

Ричардсон схватил его за руку, пытаясь перехватить взгляд. Уильям же нарочно смотрел в сторону пристани.

– Если вдруг кого-то из них увидите, капитан Рэнсом, будьте любезны сообщить мне. Этим вы окажете большую услугу... многим людям.

Уильям выдернул руку и, не снизойдя до ответа, зашагал прочь. Ричардсон назвал его по фамилии, не по титулу... что это значит – обычная грубость? Хотя плевать... Сражаться ему теперь нельзя, сказать кому-то правду о своем происхождении – тоже, а во лжи он жить больше не способен. Будь все проклято, он словно боров увяз в болоте по самые уши!

Уильям вытер с лица рукавом пот, расправил плечи и снова бросился в бой. Единственное, что ему оставалось – исполнять свой долг.

Глава 15

Армия выступает

Мы успели вовремя. Едва я вышла из спальни, где тихонько храпел Пардлоу, как в только что починенную дверь заколотили. Я поспешила вниз и увидела Дженни, говорящую с очередным британским солдатом, на сей раз лейтенантом. Генерал Клинтон не унимался.

– Нет же, парень, – с легким удивлением твердила Дженни. – Полковника здесь нет. Он вчера выпил с леди Грей чаю, а потом отправился на поиски брата. Тот до сих пор не вернулся, и... – Она подалась к парню, заговорив тише: – Госпожа очень за него переживает... Как вижу, у вас тоже нет вестей?

Восприняв это как знак, я спустилась, неожиданно для себя понимая, что и правда «очень переживаю». Из-за суеты вокруг Хэла я немного забылась – но теперь-то не было никаких сомнений: с Джейми и Джоном и впрямь стряслась беда.

– Леди Грей, позвольте представиться, мэ, – лейтенант Розвелл.

Гость поклонился, но даже за вежливой улыбкой не сумел скрыть хмурый взгляд. Военные тоже обеспокоены – это плохо.

– Рад знакомству, мэ. Скажите, вы и правда не получали вестей от лорда Джона или лорда Мелтона... ох, простите, я хотел сказать, его светлости?

– Думаете, я вру?! – возмущенно спросила Дженни.

– О нет, мадам, что вы! – вспыхнул тот. – Однако генерал захочет узнать, что именно сказала супруга лорда Джона.

– Ничего страшного, – заверила я, хотя сердце колотилось почти в горле. – Передайте генералу, что я не получала никаких вестей от мужа. – От обоих мужей. – И начинаю тревожиться.

Лгунья из меня, конечно, никудышная, но сейчас я не врала.

Розвелл поморщился.

– Беда в том, мэ, что армия уходит из Филадельфии, и всем оставшимся в городе лоялистам рекомендовано... если они того пожелают... э... также готовиться к отъезду. – Поджав губы, он бросил взгляд на разломанную лестницу с остатками перил и кровавыми пятнами на обоях. – У вас, как вижу... уже были некоторые трудности?

– О, нет-нет.

Дженни, осуждающе покосившись в мою сторону, шагнула к лейтенанту и, взяв того под руку, мягко, но настойчиво повлекла к двери. Он невольно последовал за ней. Я услышала громкий шепот:

– ...Всего лишь небольшая семейная размолвка... Лорд Джон...

Лейтенант мельком взглянул на меня – удивленно, но не без сочувствия. Впрочем, хмурые морщинки у него на лбу разгладились. Теперь для генерала найдется оправдание.

Под его взглядом у меня вспыхнули щеки, словно накануне у нас и впрямь разыгралась семейная драма, лорд Джон разгромил полдома и сбежал, бросив супругу на милость повстанцев.

Хотя драма разыгралась что надо – однако не скучная семейная ссора, а безумное игрище из Зазеркалья.

Дженни, которой досталась роль Белого Кролика, закрыла за лейтенантом Розвеллом отремонтированную дверь и повернулась ко мне.

– Что еще за лорд Мелтон? – уточнила она, заламывая черную бровь.

– Это одно из имен Хэла, пока тот не получил герцогский титул. Должно быть, лейтенант Розвелл знаком с ним уже много лет.

– А, ясно. Ладно, не важно, лорд он или герцог, сколько он еще проспит? – спросила она.

– Лауданум будет действовать часа два-три, – ответила я, взглянув на позолоченные часы с каминной полки, чудом уцелевшие во вчерашней буре. – Но день выдался тяжелым, а ночь – бессонной, так что он может спать и после того, как средство выветрится. Если только больше никто не будет колотить в дверь почем зря, – добавила я, вздрогнув, когда с улицы донеслись крики и грохот.

Дженни кивнула.

– Хорошо. Тогда я схожу в типографию, разузнаю последние новости. Может, Джейми уже вернулся, – обнадеживающе добавила она. – Вдруг он решил, что сюда идти небезопасно. На улицах полно солдат.

Искорка надежды вспыхнула зажженной спичкой. Хотя я знала наверняка: если бы Джейми был в городе, сейчас он стоял бы передо мной. Пусть злой, пусть раненый – но был бы рядом.

Сейчас, во всеобщей неразберихе, до высокого шотландца, подозреваемого лишь в передаче каких-то сомнительных бумаг, никому нет дела. Ему же не приписывают распространение крамольных листовок. О том, что Джейми взял заложника, знает один Уильям – а тот вряд ли побежал докладывать о случившемся командиру.

Все эти соображения я и высказала Дженни. Хотя да, пожалуй, ей стоит сходить в типографию и проверить, как там Фергус и Марсали с детьми, а заодно узнать, не замышляют ли чего повстанцы.

– Думаешь, на улицах безопасно? – спросила я, помогая ей надеть плащ.

– Кому нужна старуха вроде меня? – оживленно сказала та. – Хотя мое сокровище лучше припрятать...

Сокровищем оказались серебряные часики с изящной филигранью на крышке, которые Дженни носила на груди, приколов к платью.

– Джейми купил мне в Бресте, – пояснила она, заметив мой взгляд. – Я говорила, что это глупо – зачем, мол, мне эта безделушка, я и без того знаю, который час. Однако он настоял; сказал, что так удобнее делать вид, будто ты распоряжаешься событиями. Ты ведь знаешь, какой он, – добавила она, пряча часики поглубже в карман. – Стоит на своем до последнего. Хотя, по правде сказать, ошибается он не так уж часто.

У самой двери Дженни повернулась.

– Теперь слушай. Я постараюсь вернуться прежде, чем герцог наверху проснется, но если не смогу – пришло Жермена.

– Как это – не сможешь?

– Из-за Йена, – ответила та удивленно, словно я и сама должна была догадаться. – Раз солдаты уходят, он может вот-вот вернуться из Валли-Фордж... а ведь мальчик мой, бедняжка, до сих пор думает, что я мертва.

Глава 16

Место для секретов

В лесу, в пяти милях от Валли-Фордж

– А квакеры верят в рай? – спросил Йен Мюррей.

– Некоторые верят, – ответила Рэйчел Хантер, переворачивая носком ботинка большую поганку. – Нет, пес, не трогай! Разве не видишь, какого она цвета?

Ролло, решивший было обнюхать гриб, презрительно фыркнул и отвернулся, задирая морду к ветру в надежде на более аппетитную добычу.

– Тетушка Клэр говорила, собаки не различают цвета, – заметил Йен. – А почему «некоторые»? Квакеры бывают разными?

Порой убеждения квакеров ставили его в тупик, но в трактовке Рэйчел они всякий раз обретали необычайно интересный смысл.

– Наверное, обходятся одним нюхом? Собаки, я имею в виду. Что до твоего вопроса, то мы считаем таинством жизнь здесь, на земле, в свете Христовой любви. Может, загробная жизнь и существует, но оттуда никто еще не возвращался. Поэтому нам всем остается лишь гадать, что там.

Они стояли в тени небольшой ореховой рощи, и мягкий зеленоватый свет, струящийся сквозь листву, озарял Рэйчел неземным сиянием, которому позавидовал бы любой ангел.

– Что ж, я там тоже не бывал, поэтому спорить не буду, – заметил Йен и наклонился, чтобы поцеловать ее чуть выше уха.

По виску Рэйчел тут же пробежали крохотные мурашки, вид которых необычайно тронул его сердце.

– А с чего ты вдруг заговорил о рае? – с любопытством спросила она. – Думаешь, в городе будет война? Не замечала прежде, чтобы ты боялся смерти...

Валли-Фордж, откуда они ушли час назад, кишел солдатами, словно мешок зерна – долгоносиками. Как только пошли слухи, что солдаты Клинтон отступают, американцы принялись спешно лить пушечные ядра и набивать порохом патроны, готовясь к захвату Филадельфии.

– Что ты! В городе войны не будет. Вашингтон хочет перехватить людей Клинтон по дороге.

Йен взял Рэйчел за руку: маленькую, закрученную от работы, но – как оказалось, когда она сплела с ним пальцы – на удивление сильную.

– Нет, я думал о матушке... Как бы хотелось показать ей места вроде этого.

Широким жестом он обвел полянку, на которой они стояли: из скалы под ногами бил родник удивительно синего цвета, над ним нависали ветви желтого шиповника, в которых гудели летние пчелы.

– У нее дома в Лаллиброхе тоже рос такой шиповник; еще бабушка посадила. – Он сглотнул комочек в горле. – Но потом я подумал: наверное, на небесах с отцом она будет счастливее, чем здесь без него.

– Она всегда будет с ним: и в жизни и в смерти, – прошептала Рэйчел, сжимая ему пальцы, и приподнялась на цыпочки вернуть поцелуй. – Когда-нибудь ты отвезешь меня в Шотландию, чтобы я увидела розы твоей бабушки.

Они помолчали, и тиски горя на сердце понемногу разжались... И все благодаря Рэйчел.

Йен не стал говорить этого вслух, но более всего он жалел не о том, что не смог показать матери красоты Америки... а о том, что она так и не увидела Рэйчел.

– Ты бы ей понравилась, – вырвалось вдруг у него. – Моей матушке.

– Хотелось бы надеяться... – с нотками сомнения протянула Рэйчел. – А ты рассказывал ей обо мне там, в Шотландии? Что я из квакеров? Многие католики нас недолюбливают.

Йен напряг память, но так и не вспомнил, упоминал ли при матери об этом незначительном факте. В любом случае, уже не важно, поэтому он просто пожал плечами.

– Я рассказывал ей, как тебя люблю. Кажется, этого ей было достаточно. Правда... отец очень много о тебе спрашивал. Поэтому он точно знал, что ты квакер. Значит, и мама тоже.

Йен взял ее под локоть, помогая спрыгнуть с высокого камня.

Рэйчел задумчиво кивнула, но, следуя за ним через поляну, все-таки спросила:

– Как считаешь, супружеская чета должна во всем доверять друг другу? Делиться не только прошлым, но вообще, каждой своей мыслью?

Опасливое чувство пробежало по спине Йена мышью с холодными лапками. Он глубоко вдохнул. Йен любил Рэйчел всеми фибрами своего существа, но это ее умение – читать его словно открытую книгу, будто она впрямь умеет заглядывать ему в голову, – несколько пугало.

Йен рассчитывал, что они пешком дойдут до Мэтсон-Форга и там встретят Дензила с его фургоном, тогда ему хватит времени, чтобы обсудить наедине с Рэйчел кое-какие вопросы. Правда, будь у него выбор, он предпочел бы этому разговору пытки... Однако Рэйчел права – она должна знать всю правду. Чем бы потом ни обернулась его искренность.

– Наверно. Я хочу сказать... да... насколько это возможно. Пусть не каждой мыслью, но хотя бы самыми важными. И прошлым, да. Иди сюда, давай присядем на минутку.

Йен подвел ее к поваленному бревну, полустгнившему, поросшему мхом и серым лишайником, а сам уселся в душистой тени высокого красного кедра.

Рэйчел ничего не спрашивала, только удивленно вздернула бровь.

– Итак... – Он глубоко вдохнул, опасаясь, что во всем лесу не хватит воздуха. – Ты ведь знала... что я уже был женат?

Рэйчел опешила, но изумление тут же пропало с ее лица – так быстро, что не сиди он рядом, и не заметил бы.

– Не знала. – Одной рукой она принялась собирать юбку складками. Светло-карие глаза безотрывно глядели ему в лицо. – Ты говоришь «был»... Значит, это в прошлом?

Он кивнул, чувствуя себя гораздо легче, словно с плеч упал камень. Не каждая девушка так спокойно воспримет подобные вести.

– Да. Иначе я не стал бы звать тебя замуж.

Рэйчел поджала губы и прищурилась.

– Вообще-то, – задумчиво протянула она, – ты меня замуж не звал.

– Разве?! – поразился он. – Ты уверена?

– Я бы обязательно запомнила. Не звал. Были кое-какие намеки, но предложение так и не прозвучало.

– Что ж... Ясно. – Лицо у него вспыхнуло. – Я... но ты... ты же... – Может, она и права. Но она ведь говорила... или нет? – Ты ведь говорила, что любишь меня?

У Рэйчел едва дрогнули губы. Глаза так и вовсе заискрились весельем.

– Я выразилась не столь прямо. Но да, об этом я говорила. По крайней мере, намекала.

– О! Тогда ладно. – Йен приободрился. – Значит, любишь.

Он обнял ее здоровой рукой и жарко прильнул к губам. Рэйчел, слегка задыхаясь и комкая его рубашку на груди, ответила на поцелуй, потом все-таки отстранилась.

Губы у нее припухли, кожа, исцарапанная бородой, порозовела.

– Давай... – проговорила она и сглотнула, убирая руку с его груди. – Давай сперва ты расскажешь о своем прошлом браке? Кем была... та твоя жена и что с ней стало?

Йен неохотно выпустил ее из объятий, но взамен взял за руку. Та теплой живой птичкой мягко легла ему в ладонь.

– Ее зовут Вакьотейеснонха, – сказал он, ощущая обычную перемену: словно стиралась грань между Йенем – моговком и Йенем – белым человеком, и он опять не знал, где же его место. – Это значит «искусные руки». – Он откашлялся. – Я называл ее Эмили. Почти всегда.

Ладошка Рэйчел чуть заметно дрогнула.

– Зовут? Ты сказал «зовут»? Выходит, она жива?!

– В прошлом году была жива, – ответил он, с трудом заставляя себя разжать пальцы на ее руке. Рэйчел отняла ладонь и зажала между коленями, с усилием сглотнув, – он видел, как дернулся бугорок на шее.

– Хорошо, – сказала она, и голос почти не дрогнул. – Расскажи о ней.

Он снова глубоко вздохнул, пытаясь понять, как это лучше сделать. Однако, ничего не придумав, просто спросил:

– Рэйчел, ты точно хочешь о ней знать? Или всего лишь хочешь услышать, как сильно я любил ее... и вдруг люблю до сих пор?

– Давай с этого и начнем. Ты ее любил?

– Да, – признался он беспомощно, потому что не мог ей солгать.

Ролло, ощутив, что в его маленькой стае не все ладно, подошел ближе к Рэйчел, сел у ее ног, недвусмысленно обозначив свои предпочтения, и устремил на Йена взгляд волчьих желтых глаз, отчего-то удивительно похожих на взор самой Рэйчел.

Та только подняла бровь еще выше.

– Она... она тогда стала единственной моей отрадой! – вдруг выпалил он. – Мне пришлось остаться без семьи и стать моговком.

– Пришлось... Как это? – Рэйчел, совершенно сбита с толку, беспомощно уставилась на его татуировки. – Ты что, стал жить с индейцами не по своей воле? Почему?!

Он кивнул, на мгновение ощутив под ногами твердую почву. Эту историю рассказать легко, тем более случилось все целую вечность назад. Глаза у Рэйчел становились шире и шире, пока он описывал, как они с дядюшкой Джейми повстречали Роджера Уэйкфилда и приняли его за другого – того, кто надругался над его кузиной Брианной и сделал ей ребенка. Они чуть не убили несчастного парня, но потом придумали месть получше...

– О, хвала небесам, – чуть слышно прошептала Рэйчел. Он покосился на нее, но так и не понял, всерьез она или это был сарказм.

Откашлявшись, Йен продолжил рассказ о том, как они отдали Роджера тускарорам, а те продали его моговкам на север.

– Мы боялись, как бы он не вернулся однажды и не потребовал Брианну в жены. Вот только потом...

Йен осекся, вспоминая, с каким страхом предлагал Брианне замужество... и какой ужас охватил его, когда она нарисовала портрет своего возлюбленного – и на бумаге оказался тот самый мужчина, которого они отдали индейцам.

– Ты предлагал своей кузине выйти за тебя замуж?! Ты испытывал к ней чувства?

Должно быть, Рэйчел испугалась, что он из тех мужчин, которые готовы жениться хоть на первой встречной. Йен затараторил, чтобы развеять это впечатление.

– Нет-нет! То есть Брианна, она... славная девушка, и мы отлично ладили, да... Но она... я хочу сказать, все было не так! – торопливо добавил он, потому что брови Рэйчел сумрачно сходились в одну линию.

Правда в том, что тогда ему было семнадцать и его пугала одна мысль, что придется лечь в постель с девушкой старше себя... Йен поскорее задушил эту мысль, словно ядовитую змею.

– То была идея дядюшки Джейми. – Он развел руками, выражая все свое негодование. – Надо же было дать ребенку имя, понимаешь? Вот я и вызвался. Ради семейной чести.

– Ради семейной чести, – скептически повторила Рэйчел. – Кто бы сомневался. А потом...

– Потом мы поняли, что это и был Роджер Мак, только он взял себе другое имя, Маккензи, поэтому мы его не узнали. И мы отправились его вызволять, – торопливо договорил он.

К тому времени, когда Йен завершил рассказ, кульминацией которого стало его добровольное решение занять место убитого в схватке индейца (включая ритуальное омовение в реке, когда женщины моговков отдраили все его тело песком, убирая белую кожу, сбрасывание волос и нанесение татуировки), он уж было решил, что женитьба на Эмили станет лишь незначительным штрихом в общей картине.

Увы.

– Я... – Он запнулся, осознав, что разговор может оказаться куда тяжелее, чем казалось.

Йен в страхе посмотрел на Рэйчел. Однако она по-прежнему не сводила с него глаз, хотя краснота вокруг губ казалась ярче, потому что девушка заметно побелела.

– Я... я не был девственником, когда мы поженились, – ляпнул он.

Рэйчел снова вскинула брови

– По правде, я не знаю, о чем еще спрашивать, – сказала она, изучая его с тем же выражением, с каким тетушка Клэр обычно глядит на очередной жуткий нарыв: немного заворуженно и не с отвращением, а твердой решимостью во что бы то ни стало разделаться с этой дрянью.

Йену оставалось лишь надеяться, что Рэйчел не решит удалить его из своей жизни, как бородавку или гангренозный палец.

– Я... расскажу все, что хочешь, – смело заявил он. – Все, что угодно.

– Какая щедрость, – усмехнулась та. – А я, пожалуй, соглашусь. И даже отвечу тем же. Не хочешь узнать, девственница ли я?

У Йена отвисла челюсть.

– А разве нет? – хрипло выдавил он.

– Девственница, – заверила та, едва ли не покатываясь со смеху. – А ты что, сомневался?

– Нет же! – Кровь бросилась ему в лицо. – Любой, кто на тебя посмотрит, сразу поймет, что ты... что ты... добродетельная женщина, – завершил он с облегчением, подобрав-таки подходящее слово.

– Меня вполне могли изнасиловать, – веско заметила она. – Тогда я была бы уже... не столь добродетельна?

– Я... м-м-м... Нет, наверное, вовсе нет...

Йен знал, что многие считают изнасилованных женщин распутницами. И Рэйчел тоже это знала. Он вконец запутался; она видела его замешательство и с трудом сдерживала смех.

Наконец Йен расправил плечи, вздохнул и поймал ее взгляд.

– Хочешь услышать о каждой женщине, с которой я делил постель? Я расскажу. Ни одну из них я не брал силой... Правда, почти все были шлюхами. Но я никакую заразу от них не подцепил! – торопливо заверил он.

Рэйчел задумалась.

– Наверное, такие подробности мне ни к чему, – произнесла она наконец. – Но если когда-нибудь мы повстречаем женщину, с которой ты делил постель, я хотела бы об этом знать. И... ты же не собираешься и дальше прелюбодействовать с проститутками после того, как нас свяжут узы брака?

– Ни за что!

– Хорошо, – сказала она, отклоняясь назад и обхватывая руками колени. – Однако я все равно хотела бы услышать о твоей жене. Об Эмили.

Рэйчел все еще сидела рядом с ним. Не отодвинулась, даже когда он заговорил о шлюхах. Повисла тишина, только сойка трещала о своем.

– Мы любили друг друга, – тихо сказал он, глядя в землю. – И она была мне нужна. С ней было о чем поговорить. По крайней мере, тогда.

Рэйчел затаила дыхание, но не вымолвила ни слова. Йен набрался смелости и поднял голову.

– Я не знаю, как это объяснить. С ней было совсем не так, как с тобой, но я не хочу утверждать... будто она для меня ничего не значила. Значила... – добавил он, снова опуская взгляд.

– И сейчас тоже? – после долгой паузы тихо спросила Рэйчел.

Йен не сразу, но все-таки кивнул.

– Но... – начал он, однако осекся, подбирая слова, потому что они подошли к самой зыбкой части его исповеди, после которой Рэйчел может встать и уйти, волоча за собой по камням и щебню его разбитое сердце.

– Но? – нежно переспросила она.

– У могоавков... – заговорил он и снова замолчал, переводя дух. – У них женщины сами выбирают себе мужа. И могут прогнать его, если, допустим, он бьет жену, или лентяй, или горький пропойца, или воняет и все время пукает... – Йен покосился на Рэйчел краем глаза и заметил, что уголки губ у нее подрагивают от смеха. Приободрившись, он продолжил: – Тогда она выносит его вещи из длинного дома, и он должен дальше жить холостяком... или найти себе другую женщину, которая пустит его к своему костру. Или вообще уйти из племени.

– Выходит, Эмили тебя выгнала?! – возмутилась она.

Он усмехнулся в ответ.

– Да, выгнала. Но вовсе не потому, что я ее избивал. Из-за... детей.

Глаза защипало от слез, и Йен решительно стиснул кулаки. Черт возьми, обещал ведь себе, что не будет плакать. Рэйчел может подумать, будто он разыгрывает драму, чтобы вызвать ее сочувствие... или заглянет ему в душу слишком глубоко, а он еще не готов к такой близости. Однако надо рассказать все до конца, он ведь нарочно завел этот разговор.

– Я не смог дать ей ребенка, – выпалил Йен. – Первой должна была родиться дочка... Она появилась на свет слишком рано, мертвой. Я дал ей имя Элизабет. – Тыльной стороной ладони он вытер глаза, словно пытаясь стереть свое горе. – А потом она... Эмили... снова забеременела. И опять потеряла ребенка. После третьего... ее сердце умерло вместе с ним.

Рэйчел тихо ойкнула, но он на нее не смотрел. Не мог. Просто сидел на бревне, сгорбившись и втянув голову в плечи, а в глазах все плыло от непролитых слез.

На его руку сверху легла хрупкая ладошка.

– А твое сердце... Оно тоже умерло?

Он накрыл ее руку своей и кивнул. А потом просто задышал: глубоко и долго, держась за Рэйчел, пока не сумел наконец заговорить без рыданий.

– Могоавки верят, что мужской дух вступает в схватку с женским, когда они... делят ложе. И если мужчина не способен одержать верх, женщина никогда не понесет от него дитя.

– Ясно... – тихо сказала Рэйчел. – Значит, она обвинила тебя.

Он пожал плечами.

– Не знаю, может, она и права. – Йен повернулся к Рэйчел, заглядывая ей в глаза. – Не могу обещать, что у нас с тобой все получится. Я разговаривал с тетушкой Клэр, она говорит, такое бывает из-за разной крови... если хочешь, спроси у нее, она расскажет, а то я мало что понял. В общем, она сказала, что с другой женщиной может быть по-другому. Возможно, и я сумею... Сумею дать тебе детей.

Оказалось, все это время Рэйчел сидела, затаив дыхание, и теперь она тихонько выдохнула, обжигая горячим воздухом ему щеку.

– Значит, ты... – начал он, но она привстала и нежно поцеловала его в губы, а потом прижала голову Йена к груди и углом платка вытерла ему глаза.

– Ох, Йен, – прошептала она. – Как же я тебя люблю!

Глава 17

Свобода!

Грея ждал еще один бесконечно долгий, хоть и менее богатый на события день, единственным развлечением которого было наблюдение за тем, как полковник Смит яростно строит депеши. Перо царапало бумагу с шорохом тараканьего нашествия.

Это лишь усугубляло тошноту, и без того терзавшую желудок, в котором после выпивки побывали только кусок жирной кукурузной лепешки и кофе из желудей, предложенные на завтрак.

Невзирая на недомогание и крайне туманное будущее, Грей был на удивление весел. Джейми Фрэзер жив, и он, Джон, более не женат. Оба этих чудесных факта заставляли забыть о том, что шансы на побег невелики и, весьма вероятно, скоро его ждет виселица...

Он удобно развалился на кровати и то дремал, если позволяла головная боль, то тихонько напевал под нос, отчего Смит горбился, втягивал голову в плечи и еще быстрее шуршал пером.

То и дело забегали посыльные. Не знай Грей наверняка, что Континентальная армия готовится выступить, – догадался бы уже через час. Горячий воздух вонял расплавленным свинцом, визжали точильные камни; в лагере царило напряжение, которое безошибочно ощутил бы любой солдат.

Смит и не думал хоть как-то от него таиться: видимо, не верил, что Грей сумеет обратить секретные сведения себе на пользу... Что вообще успеет сделать в этой жизни хоть что-то полезное.

К вечеру на пороге палатки вдруг возник женский силуэт, и Грей тут же привстал, оберегая голову от лишних рывков. Сердце застучало, перед глазами все поплыло.

Его племянница, Дотти, была в невзрачном одеянии квакеров, хотя темно-синий цвет застиранного индиго удивительно шел к ее персиковой коже истинной англичанки, поэтому выглядела она, как всегда, очаровательно. Дотти кивнула полковнику Смицу и, поставив рядом с ним поднос, повернулась к заключенному. Голубые глаза изумленно полезли на лоб, и Грей за спиной полковника усмехнулся. Дензил наверняка ее предупреждал, но вряд ли она ожидала увидеть пугало с распухшим лицом и вытаращенным карминно-красным глазом.

Заморгав, Дотти сглотнула и что-то негромко сказала Смицу, вопросительно указав на пленника. Тот нетерпеливо кивнул, хватаясь за собственную ложку, и Дотти, взяв одну из обернутых полотенцем мисок, понесла ее к койке.

– Боже праведный, Друг, – негромко произнесла она. – Как же тебе досталось... Доктор Хантер говорит, тебе можно есть любую пищу. Чуть позднее он зайдет, чтобы наложить повязку на глаз.

– Благодарю вас, юная леди, – серьезно ответил Грей и, бросив поверх ее плеча взгляд на Смита (не следит ли за ними), спросил: – Это рагу из белки?

– Из опоссума, Друг. Вот, я принесла ложку. Мясо очень горячее, не торопись.

Встав так, чтобы заслонить его от Смита, она поставила замотанную миску ему на колени и, коснувшись тряпок, тут же указала на оковы, выразительно задвигав при этом бровями. Потом извлекла из кармана роговую ложку – а вместе с нею нож, который ловким движением фокусника сунула под подушку.

Пульс у нее на шее нервно бился, на висках выступил пот. Грей мимоходом погладил ее по руке и взялся за ложку.

– Спасибо. Скажите доктору Хантеру, я буду его ждать.

* * *

Веровка сделана из конского волоса, а нож оказался тупым, так что Грей успел не раз порезаться, прежде чем осторожно встать с койки. Сердце бешено стучало, под раненым глазом билась вена... Лишь бы сам глаз выдержал и не лопнул от давления.

Он поднял оловянный горшок, стоявший под койкой, и использовал его по назначению. Смит, благодарение богу, крепко спит, а если и проснется, то услышит привычные уху звуки, перевернется на другой бок и тут же задремлет снова, как делают все спящие.

Впрочем, полковник по-прежнему дышал ровно. Он тихонько похрапывал, будто жужжащая над цветком пчела, – и это было даже забавно. Грей медленно опустился на колени между своей койкой и матрасом полковника, подавив внезапное желание поцеловать того в ухо, уж больно манящим оно было: маленькое и ярко-розовое. Впрочем, через мгновение странный порыв развеялся, и Грей на четвереньках пополз к выходу. Цепи он обмотал полотенцем от горшка и марлей, которой Хантер перевязывал ему глаз. Однако все равно приходилось соблюдать осторожность. Если попадется, это будет скверно не только для него. Тогда Грей подставит Хантера и Дотти.

Весь день он прислушивался к тому, что происходит снаружи. Палатку сторожили два охранника, но сейчас они оба наверняка возле входа, греются у костра. Днем стояла жара, но к вечеру заметно похолодало.

Грей лег и торопливо прополз под холстиной, стараясь не слишком трясти палатку, хотя весь день то и дело пинал свой угол, чтобы теперь если кто и заметил содрогавшиеся стены, списал бы это на обычную возню внутри.

Получилось!

Он позволил себе глотнуть воздуха – чистого, свежего, пахнущего листвой, – встал, крепко прижимая к себе кандалы, и тихонько побрел прочь от палатки. Бежать нельзя.

Недавно, когда Хантер к нему заглянул, а Смит как раз отлучился в уборную, у них вышел тихий, но очень жаркий спор. Хантер настаивал, чтобы Грей спрятался у него в фургоне. Он часто ездил в Филадельфию, все патрульные его знали и не стали бы лишним раз обыскивать. Грей был признателен доктору за помощь, но не мог подвергать его, не говоря уж о Дотти, такой опасности. На месте Смита он первым же делом запретил бы всем покидать лагерь, а вторым – перетряс его сверху донизу.

– Ладно, – сказал Хантер, оборачивая голову Грея длинным бинтом. – Может, ты и прав.

Он покосился на вход в палатку – Смит мог вернуться в любую минуту.

– Я оставляю в фургоне еду и одежду. Если возьмешь их, буду только рад. Если нет – Бог в помощь!

– Пойдите-ка! – Грей схватил его за рукав, отчего кандалы шумно звякнули. – А как узнать, который из фургонов – ваш?

– О... – тот смущенно кашлянул. – У него... хм... разрисованы борта. Дотти купила его у одного... А теперь, Друг, надо отдыхать, – громко завершил он. – И хорошо ужинать. Никакого спиртного и поменьше двигайся. Не вставай слишком быстро.

В палатку вошел полковник Смит и, увидев врача, решил сам осведомиться о состоянии больного.

– Вам уже лучше, подполковник? – вежливо поинтересовался он. – Больше не испытываете желания разразиться песнопением? Если так, постарайтесь облегчить душу сейчас, прежде чем я отойду ко сну.

Хантер – который, конечно же, слышал вчерашнюю серенаду, – поперхнулся смешком, но успел взять себя в руки.

Грей и сам тихонько фыркнул, вспоминая негодование полковника – и представляя его ярость, когда тот обнаружит, что птичка упорхнула из клетки.

Он пробрался к краю лагеря, где держали мулов и лошадей, – их легко обнаружить по запаху свежего навоза. Фургоны стояли здесь же.

Небо было пасмурным, серп луны то и дело скрывался за бегущими облаками, в воздухе ощутимо пахло грозой. Вот и славно! Он, конечно, вымокнет до костей и замерзнет к тому же – зато дождь собьет погоню со следа, если его вдруг хватятся раньше утра.

В лагере за спиной тихо; Грей не слышал ничего, кроме собственного дыхания и шума крови в ушах. Фургон Хантера и впрямь нашелся легко, даже в темноте. Когда Хантер упомянул разрисованные борта, Грей решил было, что тот просто написал на нем свое имя, но на деле оказалось – речь о росписи, которой немецкие эмигранты обычно украшают свои дома и сараи. Когда облака разошлись, Грей понял, почему Дотти выбрала именно этот рисунок: в большом круге сидели две смешные птички, соприкасавшиеся клювами на манер влюбленных.

«Щеглы», – всплыло откуда-то из глубин сознания.

Говорят, эта птица символизирует удачу.

– Вот и славно, – прошептал Грей, забираясь в фургон. – Мне она пригодится.

Узел с вещами, как и обещал Хантер, лежал под сиденьем. Грей, провозившись с минуту, отодрал с ботинок серебряные пряжки, закрепив их вместо этого кожаным шнурком, которым обычно подвязывал волосы. Пряжки он оставил вместо свертка. Потом натянул потрепанное пальто, воняющее несвежим пивом и застарелой кровью, и взял шапку, где лежали две кукурузные лепешки, яблоко и небольшая бутылка воды. Отвернув край шапки, в лунном свете Грей прочитал надпись, вышитую белыми буквами: «Свобода или смерть».

* * *

Он шагал наугад: даже будь небо ясным, все равно Грей слишком плохо знал эти места и не мог ориентироваться по звездам. Цель его заключалась в том, чтобы как можно дальше убраться от лагеря Смита, не нарвавшись при этом на патруль ополченцев или Континентальной армии. С направлением пути он определится позже, когда взойдет солнце. Хантер говорил, что главный тракт лежит к югу – юго-западу от лагеря, примерно в четырех милях.

Беда в том, что человек, который прогуливается по тракту в кандалах, неизбежно привлечет к себе внимание. Впрочем, об этом Грей решил подумать позднее. А пока он нашел укромную нору меж сосновых корней, ножом, как мог, отрезал волосы, присыпал остриженные пряди землей, выпачкал в грязи руки и щедро размазал ее по лицу и волосам, прежде чем натянуть свой фригийский колпак.

Изменив таким образом личину, Грей сгреб в кучу сосновые иголки, свернулся калачиком и свободным человеком уснул под шелест дождя, барабанившего по листьям.

Глава 18

Безымянный, бездомный, обездоленный и вусмерть пьяный

Вспотевший, взъерошенный и распаленный после недавней стычки с Ричардсоном, Уильям прокладывал путь по переполненной улице. Что ж, его хотя бы ждет ночь в приличной постели – уже хорошо. Завтра он уезжает из Филадельфии с последними отрядами солдат, поедет за Клинтоном на север, а оставшиеся в городе лоялисты пусть спасаются как хотят. С одной стороны, Уильям испытывал облегчение, с другой – чувство вины. Впрочем, ему не доставало сил и дальше разбираться в душевной сумятице.

Вернувшись в квартиру, он обнаружил, что ординарец пропал, прихватив заодно лучший мундир, две пары шелковых чулок, полбутыли бренди и инкрустированную речным жемчугом двойную миниатюру: портреты его матери Женеви и ее сестры Исобель, его мачехи.

Это оказалось уже за гранью приключившихся с ним бед. Уильям даже не стал ругаться, просто сел на кровать, закрыл глаза и задышал сквозь стиснутые зубы, пока боль внутри не улеглась. Осталась лишь рваная пустота. Эта миниатюра была у него с самого рождения, он привык желать ей спокойного сна каждую ночь.

Уильям твердил себе, что это не важно, он все равно не забудет лица своих матерей – тем более дома, в Хелуотере, остались и другие портреты. Мачеху он помнил хорошо, а черты родной матери мог разглядеть в собственном облике. Невольно он заглянул в зеркало для бритья, висевшее на стене, – каким-то чудом ординарец его оставил, – и внутреннюю пустоту заволокло горячей смолой. Он больше не видел материнского образа и ее темных каштановых волос; теперь там отражался лишь чересчур длинный острый нос, раскосые глаза и широкие скулы.

Какое-то время Уильям глядел на это живое доказательство измены – после чего развернулся и вышел, чеканя шаг.

– К черту это сходство!

Он изо всех сил шарахнул дверью.

Уильяму было все равно куда идти, но через пару кварталов он столкнулся с Линдсеем и другими знакомыми офицерами, вознамерившимися от души повеселиться в свой последний вечер на улицах полуобезумевшего города.

– Идемте с нами, юный Элсмир, – позвал Сэнди, увлекая его за собой. – Давайте проживем этот вечер так, чтоб было о чем вспоминать долгими зимними ночами на севере!

Несколько часов спустя, созерцая дно опустевшего бокала, Уильям старательно размышлял, так ли нужны воспоминания, если их не помнишь... Он уже давно потерял счет выпивке. Да и товарищи, с которыми он начинал вечер, тоже куда-то запропастились... кажется

Остался один лишь Сэнди: он покачивался напротив, что-то бормотал, пинался изредка под столом. Уильям пьяно улыбнулся бармену, вытащил из кармана последнюю монету и выложил на стол. Все хорошо, в квартире есть еще, завернуты в запасную пару чулок.

Вслед за Сэнди он вышел в поглотившую их ночь; горячий воздух, воняющий лошадиным навозом, человеческими испражнениями, тухлой рыбой, гнилыми овощами и свежей мясной убоиной, казался таким густым, что застревал в глотке. Было темно и поздно, луна еще не взошла, и Уильям спотыкался о булыжники, бредя вслед за Сэнди, смутно белевшим впереди.

Потом была какая-то дверь, яркий свет и горячий запах ликера и женщин, их духов и плоти, куда более сбивающий с толку, нежели внезапная вспышка света в ночи. Женщина в чепце, слишком старая для шлюхи, радостно заулыбалась. Уильям кивнул ей в ответ, открыл было рот, но с удивлением обнаружил, что разучился говорить. Поэтому просто закивал, а

женщина понимающе рассмеялась и подвела его к высокому креслу с тертыми подлокотниками, куда бесцеремонно усадила, решив заняться им попозже.

Какое-то время он оцепенело сидел, а пот сбегал по шее, увлажняя рубашку. У самых ног стояла горящая жаровня, на которой грелся котелок с ромовым пуншем. Уильяма тошнило от одного его запаха. И вообще ему казалось, что он тает будто свеча, но двинуться не было сил. Он просто закрыл глаза.

Чуть позднее он услышал неподалеку голоса. Прислушался, но не сумел разобрать ни слова, хотя шелестящие звуки, точно морские волны, приятно успокаивали. Желудок наконец утомился, и Уильям приподнял веки, любуясь причудливой игрой света и тени с яркими всполохами, мерцавшими словно тропические птички.

Он моргнул пару раз, и цвета обрели четкость: волосы и ленточки, белые сорочки женщин и красные мундиры пехотинцев, среди которых затесались артиллеристы в синей униформе... Все они щебетали словно птицы: то чирикающая, то кудахчающая, то переругиваясь, как пересмешники, живущие в ветвях огромного дуба возле дома на плантации «Гора Джосайи».

Однако внимание Уильяма привлекли вовсе не они, а пара драгунов, развалившихся на софе неподалеку. Потягивая пунш и пялясь на шлюх, они непринужденно болтали, и теперь Уильям наконец-то различал слова.

– Брал когда-нибудь женщину сзади? – спрашивал один у своего приятеля.

Тот хохотнул и смущенно помотал головой, пробормотав что-то вроде: «Мне такое не по карману».

– Ну а что поделаешь, если девки это терпеть не могут? – Драгун, не сводя с женщин глаз, заговорил громче: – Он зажимаются, хотят вытолкнуть тебя. Но не могут.

Уильям повернул голову и уставился прямо на мужчину, взглядом высказывая свое возмущение. Тот его не замечал. Драгун – темноволосый, рябой – казался знакомым, но не настолько близко, чтобы Уильям помнил его имя.

– И тогда берешь ее руку, кладешь туда и даешь тебя прочувствовать. Черт, она так сжимается при этом, прямо цедит молочко не хуже доярки!

Мужчина расхохотался в голос, глядя в дальний угол, и Уильям наконец заметил наметенную им жертву. Там стояли три женщины, две в белых сорочках, липнущих к телу, одна – в расшитой юбке. Нетрудно было догадаться, кому предназначается намек: той самой, высокой девице в юбке, которая сжимала кулаки и смотрела на драгуна так, будто готова взглядом просверлить дыру у него во лбу.

Мадам держалась в стороне, хоть и хмурилась. Сэнди пропал. Остальные мужчины пили и болтали с четырьмя девушками на другом конце комнаты, откуда было не слышать этой вульгарной дерзости. Приятель драгуна раскраснелся ярче мундира от выпивки, стыда и предвкушения интересного зрелища.

Сам драгун тоже побагровел; темная линия перечеркивала тяжелый заросший подбородок там, где его подпирали высокий кожаный ворот. Одной рукой он рассеянно теребил взмокшую от пота промежность своих штанов. Впрочем, хватать добычу он не спешил – слишком уж ему нравилось загонять ее в ловушку.

– Запомни, тех, кто к этому привык, никогда не бери. Надо ведь, чтоб она была узенькой. – Он подался вперед, упиравшись локтями в колени, не спуская с девицы глаз. – Не стоит выбирать и ту, которая прежде этим не занималась. Лучше всего, когда она знает, что ее ждет.

Его приятель пробормотал что-то невнятное, покосился на девицу и торопливо отвел глаза. Уильям снова посмотрел на девушку, и, когда она чуть шевельнулась – вздрогнула? – в свете канделябра блеснула ее макушка: русая, с вкраплениями каштановых прядей.

Черт возьми!

Уильям встал на ноги прежде, чем осознал, что делает. Он шагнул к мадам, коснулся ее плеча и, когда она удивленно обернулась (ибо все ее внимание было обращено на драгуна), медленно, стараясь не глотать слова, произнес:

– Можно мне вот ту? В-высокую. В юбке. На всю ночь.

Брови мадам взлетели до самого чепца. Она оглянулась на драгуна, который так заигрался со своей жертвой, что вовсе не замечал Уильяма – в отличие от приятеля, который подтолкнул его локтем и что-то зашептал на ухо.

– А? Чего?

Мужчина задвигался, пытаясь встать на ноги. Уильям сунул руку в карман, запоздало вспоминая, что у него не осталось ни пенни.

– Что такое, Мэдж?

Драгун подошел, переводя свирепый взгляд с мадам на Уильяма. Тот невольно расправил спину – он оказался на шесть дюймов выше соперника, к тому же шире в плечах. Драгун смерил его оценивающим взглядом и вздернул верхнюю губу, оскаливая зубы.

– Арабелла моя, сэр. А Мэдж подберет вам другую девушку.

– Я был первым, сэр, – парировал Уильям и чуть склонил голову, пристально глядя сопернику в лицо. Не упустить бы момент, когда тому вздумается пнуть его между ног: судя по роже, он и не на такое способен.

– Так и есть, капитан Харкнесс, – быстро вклинилась между ним мадам. – Он уже заказал девушку, пока вы выбирали...

Не глядя на Харкнесса, она кивнула одной из девушек, и та, хоть и заметно всполошившись, быстро исчезла за дверью. Ушла за Недом, наверное. Надо же, он даже помнит имя здешнего громилы.

– Только денег от него вы пока не видали, верно?.. – Харкнесс достал набитый кошель, откуда выудил кривую пачку бумажных купюр. – Я ее беру. На всю ночь.

Он ухмыльнулся Уильяму.

Уильям снял серебряный горжет и вложил мадам в руки.

– На всю ночь, – повторил он и без прочих церемоний прошел через комнату, хотя пол заметно пружинил под ногами. Взял Арабеллу (Арабеллу?) за руку и повел за собой ко выходу. Она потрясенно вытаращила глаза – видимо, узнала его, – но, покосившись на капитана Харкнесса, решила, что из двух зол стоит выбрать меньшее.

Капитан Харкнесс что-то крикнул им вслед, но тут дверь скрипнула и в комнату ввалился очень высокий задиристого вида мужчина с одним глазом, который тут же нашел взглядом Харкнесса. Громила двинул на капитана, сжимая кулаки и ступая на полусогнутых ногах.

Бывший боксер, значит. Вот и прекрасно! Пусть проучит этого подонка.

Держась за стену, чтобы не споткнуться, Уильям вдруг понял, что следует за покачивающейся круглой попкой по вчерашней лестнице, истертой и воняющей шелоком... И что, черт его подери, делать, когда они доберутся до верха?..

* * *

Втайне он надеялся, что комната будет другой, но нет – они пришли туда же. Лишь створки оказались распахнуты на ночь. Дневная жара задержалась в стенах дома, но в окно задувал ветерок, пряный от древесного сока и речного дыхания; из-за него пламя свечи мерцало и клонилось вбок. Женщина дождалась, когда Уильям пойдет, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, не отпуская ручки.

– Я тебя не обижу! – выпалил он. – В прошлый раз случайно вышло.

Та расслабилась, хотя взгляд у нее по-прежнему был настороженным. В темноте Уильям едва мог разобрать блеск ее глаз.

– Ты и вчера не обидел. Только испортил мою лучшую юбку и разбил целый кувшин вина. Это стоило мне тумачков и недельного заработка.

– Прости. Я не хотел. Я... я заплачу за вино и за юбку.

Чем заплатит-то? Уильям запоздало сообразил, что чулки, в которых он хранил деньги, исчезли вместе с ординарцем – а значит, наличных средств у него более нет. Хотя ладно, заложит что-нибудь или займет у приятелей.

– Тумаки, уж извини, ничем не искуплю. Но мне правда очень жаль.

Она раздраженно фыркнула, но извинения вроде бы приняла. Женщина наконец выпустила дверную ручку и прошла вглубь комнаты. Только теперь Уильям в свете огня свечи разглядел ее лицо. Прехорошенькая, даже невзирая на подозрительную гримасу. Уильям вдруг ощутил легкое волнение.

– Хорошо. – Она окинула его взглядом с головы до ног, совсем как в том переулке. – Уильям... тебя так зовут?

– Да.

Повисла тишина, и он неожиданно спросил наугад:

– А тебя правда зовут Арабелла?

Она заметно удивилась и изогнула губы в легкой усмешке, хоть и не засмеялась вслух.

– Нет. Это забавы ради. Мэдж считает, у девушек должны быть имена как... как у леди?

Она задумчиво пожала плечами.

Уильям так и не понял, что именно ее смущает: что это и впрямь подходящее имя для леди или она находит глупой саму идею Мэдж.

– Я знаком с парочкой Арабелл, – пришел он на помощь. – Только одной шесть лет, а другой – восемьдесят два.

– А они леди? – Хотя женщина тут же махнула рукой. – Ну конечно же, они леди. Иначе откуда бы ты их знал... Хочешь, вина принесу? Или пунша?.. Правда, если собираешься заняться делом, тебе лучше не пить. Хотя сам как знаешь...

С легким намеком она взялась за узел юбки, но развязывать его не спешила. Видимо, сомневалась, стоит ли поощрять Уильяма на это самое «дело».

Он утер ладонью пот, чувствуя, как спиртное и без того сочится из каждой поры.

– Нет, вина мне не нужно. И я не хочу ничем заниматься. Хотя нет, хочу! – торопливо признал он, чтобы она не восприняла его отказ за оскорбление. – Но не стану.

Женщина разинула от удивления рот.

– Но почему? – наконец выдавила она. – Ты щедро заплатил за эту ночь, можешь делать все, что взбредет в голову. Даже сзади, если захочешь...

Она чуть заметно сжала губы

Уильям вспыхнул до самых корней волос.

– Думаешь, я спас тебя... чтобы самому этим заняться?

– Конечно! Мужчины часто о многом даже не помышляют, а потому услышат чужую идею – и рвутся испытать ее на себе.

– Вам стоило бы менее предвзято судить о джентльменах, мадам!

Женщина снова поджала губы, на сей раз почти не пытаясь скрыть усмешку, от которой у него запыхали уши.

– Ясно, – натянуто ответил Уильям. – Готов с тобой согласиться.

– О, это что-то новенькое! – злорадно ухмыльнулась она. – Обычно бывает наоборот.

Он шумно выдохнул через нос.

– Я... я готов извиниться, если хочешь. За то, что было вчера.

Порыв ветра взметнул ее волосы и вздул ткань сорочки, на мгновение обнажив темное пятнышко соска на белой коже. Уильям сглотнул и отвел глаза.

– Мой... гм... Мой отчим... сказал как-то, что одна его знакомая мадам говорила, будто лучший подарок для проститутки – возможность выспаться ночью.

– Это у вас семейная традиция такая, да? Ходить по борделям? – Впрочем, ответа женщина и не ждала. – Вообще-то он прав. Выходит, ты и впрямь дашь мне... выспаться?

Ее голос был полон недоверия, словно Уильям предложил некое извращение похуже противоестественного сношения.

Он еле сдерживался.

– Если хотите, мадам, можете всю ночь петь куплеты или стоять на голове. Что до меня, я не намереваюсь... э-э-э... вам досаждать. В остальном решайте сами, чем заняться.

Она усталилась на него, озадаченно хмурия лоб. Кажется, женщина ни капли ему не верила.

– Я... ушел бы, – неловко заговорил он. – Но... есть опасения, что капитан Харкнесс еще здесь, и если он узнает, что ты одна...

Тем более сам Уильям не выдержит целую ночь в темной пустой комнате. Не сегодня.

– Думаю, Нед его уже проучил. – Она откашлялась. – Но не уходи. Если уйдешь, Мэдж пришлет кого-нибудь еще.

Безо всякого кокетства и наигранности женщина сняла юбку, зашла за ширму в углу, и до Уильяма донеслось тихое журчание.

Наконец она вышла, посмотрела на него и кивком указала на ширму.

– Все там. Если надо...

– Э-э-э... Благодарю.

Уильяму и впрямь очень хотелось опорожнить мочевого пузыря, но отчего-то одна мысль о том, что придется воспользоваться ночным горшком после нее, ужасно смущала.

– Все хорошо.

Он оглянулся, нашел стул и сел, вытянув ноги и расслабленно откидываясь на спинку. Глаза закрыл... Но не совсем.

Сквозь узкие щелочки он видел, как женщина пару секунд глядела на него, потом склонилась над столом и задула свечу. Подобно призраку в темноте забралась в постель – матрас скрипнул под ее весом – и натянула одеяло. С первого этажа борделя доносились тихие вскрики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.